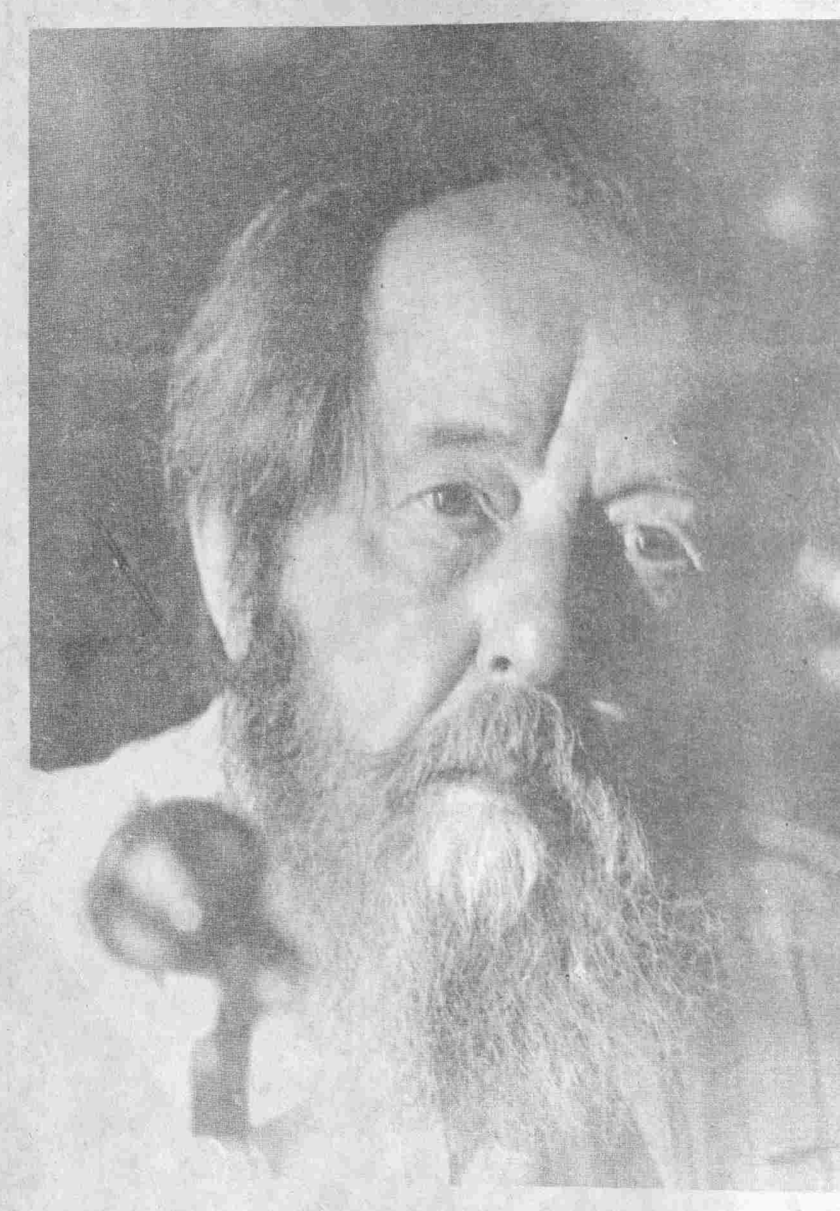
Журнал писателей Восточной Сибири

В этом номере:



А.И. Солженицын на встрече с читателями в Иркутске,
июнь 1994 год.
Фото С. Духовникова

СИБИРЬ

3-94

Журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель - Союз писателей России

Основан в 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ISSN 5-7424-0585-2

Геннадий Машкин

ЗИМИНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Очерковое исследование

Хотелось бы начать эти записки с высокой ноты, с самых подоблачных отметок, на которых привелось побывать мне в Саянах еще студентом-практикантом. Саяны... Гольцы Окинские, к примеру. В них входишь как в синюю сказку, по дорогам, которые сужаются в пешеходные тропы, а те во вьючные, потом в звериные... Сложные перепады между таежными долинами и верхушками гольцов, каровые цирки с озерами, скальные прижимы берегов бегучих речек, каменные россыпи, сверкающие снежники, мари, кедрачи, цветущая кашкара - все это вспомнилось, когда я вновь выезжал в город Зиму с творческой бригадой по подготовке к празднованию 250-летия райцентра, его сел и деревень.

Но уже возле Ангарска к нам в купе скорого поезда "Байкал", как бы символизируя ныне существующий порядок вещей, начал пробиваться тухлый запах смога, который испортил настроение и отогнал лазурные воспоминания. А дальше потянулось Усолье-Сибирское, и сизая мгла за окном, кажется, не отпускала нас до самой станции Зима, где под боком у старого города возник в недавние времена химический завод.

И разговор наш стал крутиться вокруг "химизации всей страны", которая на моей памяти, как и на памяти Павла Забелина и Евгения Суворова, моих спутников и соавторов, захлестывала всю страну. Мои мысли невольно перебросились на более поздние пребывания в этих местах, многогранные наблюдения, разнообразные встречи и записи, частично опубликованные, а многие еще нет.

Прежде всего мне вспомнилось, что самая сильная привязанность в Зиме возникла у меня в восемьдесят четвертом году, когда я повторно приехал по творческому заданию в старую Зиму и соседний Саянск, молодой город химиков-индустриалов, как с первых же шагов я наткнулся на своеобразный, стремительно развивающийся спор двух братьев. Он происходил между молодым директором объединения "Зимахимлесхоз" Петром Петровичем Абраменком и его старшим братом Анатолием, элетронщиком.

Основан спор был на непримиримости братьев во взглядах на природопользование, как зачастую и случалось в середине восьмидесятых между "физиками" и "лириками".

Директор, сухощавый, чернявый и вечно озабоченный, от корней до вершины знает сосну, вечнозеленое дерево сибирских просторов. Вздымщики и сборщики живицы издавна умело откачивают золотистую смолу из этого щедрого дерева в зиминской тайге от Братского моря до предгорий Саян. В этих местах сибиряк нашел немало полезных ископаемых, широкое освоение которых идет полным ходом. На наших глазах вырастал Зиминский химический завод. Но раньше завода, возникшего на базе огромных залежей каменной соли, проложили себе дороги и тропы к таежным угодьям химики лесных хозяйств. И руководителем химлесхоза в дни моего заезда в эти края являлся Абраменок-младший.

Петр, как и старший Анатолий, родился в присаянском Сараме. Но в отличие от "технаря" Анатолия Петр с детства тянулся к тайге, фартово приспособился к таежному промыслу и уже школьником помогал отцу леснику. Боролся с сибирским шелкопрядом, хватанул изрядную дозу ядохимикатов и на собственной шкуре убедился в "отравности" большой химии для таежной жизни.

Когда учился в Красноярском технологическом институте, особое внимание стал уделять химии живицы. Не расстается с литературой по подсочке леса Петр Петрович по сей день, хотя теперь в его судьбе - резкий поворот на природоохранение.

Не по-родственному яростными бывали споры между Петром и проницательным Анатолием, как однажды случилось за столиком в зиминском оформленном "под тайгу" кафе "Сказка".

Анатолий пришел на нашу встречу возбужденным, с налету кинулся в деревянное кресло и рассказал, как на его глазах от пустячного мальчишьего костерка загорелась сосновая рощица неподалеку от завода.

- И ты бросился тушить? - усмехнулся Петр.

- Сосны усохшие - горели, как порох, - отмахнулся Анатолий, - Я переживал за трубопроводы - не перекинулся бы огонь на них.

- Вот она, психология технаря, - заметил Петр, - сначала они высушили деревья дымами и выбросами, потом ребятня кончила рощу, а сарамец, сын лесника, переживал за этилен.

- Ну, началось, - проговорил Анатолий, берясь за стакан с пивом. - Сел братец на любимого конька!

- Да уж Сарам свой не продам, - парировал Петр, - в угоду вашему химзаводу!

- Обошлись бы твоей живицей без нашего поливинилхлорида? - иронизировал Анатолий с плутовским выражением на курносом лице.

- Еще как, Толенька! Жифица дает почти все главные компоненты, которые будет производить твой комбинат в идеале!

- А каустик, Петя? Без него вискозные предприятия остановятся, да будет тебе известно!

- Раньше жили без вискозы и не жаловались!

- Спроси-ка сначала жену свою, Петя, согласна она остаться без колготок?

Даже за соседними столиками засмеялись девчата - с понятием и сочувствием. К давнему спору Петра Абраменко и Анатолия здесь, как видно, привыкли. Но передо мной, заинтересованным свидетелем, разворачивалась борьба двух мнений в лицах. Два родных брата противостояли друг другу в местном конфликте, который можно было запросто расширять не только до областных, но и до глобаль-

ных масштабов в статье, очерке, романе...

О тайге, ее возможностях, кладах и тайнах Петр Абраменок мог рассказывать подолгу, напоминая токующего глухаря, по подковыристому выражению брата. Анатолий Петрович как раз и являлся постоянным оппонентом директора в спорах о путях развития сибирской химии, которая не миновала нашей тайги.

Старший Абраменок с детства прикипел к техническим знаниям. Тайга и ему не чужда до сего дня, но в ней он больше по-любительски-ностальгически рыболов и охотник. А тяга к физике и химии у Анатолия превратилась в страсть. После школы парень из тайги поступил в Свирский химико-технологический техникум, который Анатолий вспоминает самым добрым словом за глубокие знания, полученные там. В армии к химико-технологическим основам прибавились серьезные навыки в радиотехнике. С таким основательным багажом сарамец устроился на завод в Киргизии и быстро вырос там до технолога сложного электролампового производства.

"А когда я узнал, что в родных зиминских местах начинается строительство современного химического крупняка, меня потянуло на родину, - открывался он мне как бывшему таежнику-геологу, проработавшему сезон в его родных Саянах. - Правда, здесь пришлось начинать с ноля. Но поднялся опять до начальника техобучения нашего производства. А теперь командую целой системой ЭВМ. Тут уж не до Петиной таежной романтики, сам понимаешь. Хотя Саяны снятся каждую ночь. А до них все же сотня километров - раз в году и вырвешься".

Я понимал: Анатолий выражал модное мнение того инженерного крыла сибиряков, кто считал, что в этих краях песенка лесной химии спета, она - нелепое наследие вчерашнего дня. А раз так, то хозяйство химлесхоза можно распускать по ветру, зимовья списывать на дачи и считать сборщиков живицы категорией исчезающей. "Самому же главе живичного хозяйства пора переквалифицироваться в управдомы," - заключал Анатолий.

Петр Абраменок, напротив, еще до возведения химзавода не уставал напоминать, что "живица" имеет корень "жив". Словно в насмешку защитника таежного промысла во время бума "большой химии" назначили директором предприятия, которое дышало на ладан. Взявшись, по своему обыкновению, с жаром за перестройку живичного производства, тридцатитрехлетний директор разобрался в бедах химлесхоза: ему помогали "издыхать" бездельники управленцы, которым жилось совсем неплохо в тени больших свершений в райцентре. Выгоднее жилось при затухании таежного промысла - многое можно было списать в свою пользу.

Новому директору пришлось натянуть вожжи. Обратная связь не заставила ждать: на Абраменка начали поступать жалобы, ананимки, а вскоре и прямые сигналы, наводящие на нарушение многих статей закона.

Вновь приехал в Зиму как раз в пик партийно-административной разборки в "Зимахимлесхозе" и как писатель не мог остаться в стороне. Мне с журналистом Анатолием Семеновым пришлось основательно разбираться в "деле" П.П.Абраменка.

В итоге мнение общего собрания было единодушным: люди настаивали прекратить уголовное дело, заведенное прокуратурой на П.П.Абраменка. Сто сорок пять человек требовали восстановить честное имя директора и дать ему

нормально работать. Воздержались только двое.

Брат Анатолий не только поддержал в трудные дни, месяцы, годы Петра как человека, не запятнавшего себя недостойным деянием, но и писал мне письма: в которых не могли не тронуть такие строчки:

"Очень внимательно следя за прессой и помогая только советом брату, я наконец понял, что этого мало. Мы вступаем в решающую схватку, и это действительно последний бой. И надо наносить уже не только упреждающие удары, а добывать Победу!

... Я никогда недооценивал положения, но согласитесь, уж больно мы медлительны и основную часть борьбы с большим злом переложили на Петю. А главная сила мы - общественное мнение. Стыдно нам не отстоять честного человека, против которого выступила кучка лиц, объединенных тем, что можно погреть руки на природной погибели.

...Неужели и вы, писатели, журналисты, оставите в неизвестности случившееся у нас в Иркутской области, на нашей земле, на земле наших родителей."

В доказательство Анатолий писал о том, что вольно или невольно сталкивается с необратимыми изменениями в Зиме, где живет их мать, в окрестных деревнях, на полях, в тайге и на реке. Вроде все предусмотрено против утечек соляного раствора, который качают мощные насосы с полуторакилометровой глубины, но солонеет вода в колодцах деревень, окружающих завод, хлорные выползни накатываются на городок и деревушки, а сбросы в Оку убивают в реке все живое. Конечно, их Саянск отнесен от завода на безопасное расстояние, белокаменные кварталы разрастаются в таежном массиве с отменной скоростью, люди быстро зарабатывают квартиры, но кондовым зиминцам, особенно сельским жителям Ухтуя, Нор, Глинок, Нововоронежа, Мордино, Кимильтея и других деревень и поселков от этого не легче. Такое впечатление, что химпром, что-то поначалу запланировав на охранные и восстановительные мероприятия, бросил местное население на произвол судьбы, а вернее, под вредоносные выбросы, по причине множества недочетов, так свойственных любому нашему производству, особенно в угоду "химизации всей страны".

"...Разрешаю Вам использовать мои письма для любых публикаций в защиту Петра как выразителя нынешнего противостояния защиты против губителей природы", - писал мне Анатолий.

По письмам и новым встречам я видел, что наступал обоснованный момент поворота в душе моего адресата. Технарь повернулся лицом к идее, за которую боролся Петр: не вырубать напропалую тайгу, а повсеместно наращивать, культивировать и даже удобрять ее. Сильные потяги хлора со стороны химзавода, ртутные выбросы в немалой степени способствовали переоценке прежней позиции у Анатолия. Аварийные сбросы в Оку, усыхающие деревья таежных массивов и подпор грунтовых вод в самой Зиме перетряхнули старые воззрения поборника технических внедрений в природу. Теперь его компьютеры стали программироваться на экологический лад. "Экология - это наука о доме, в переводе с древнегреческого, - писал мне Анатолий. - Раз наука, то и должна базироваться на научной основе, на серьезном программировании, но не на дилетантских соплях и воплях".

И когда Петру Абраменку предложили участвовать в конкурсе на должность директора Прибайкаль-

ского национального природного парка, Анатолий дал брату свое полное благословение. И мне по телефону он высказал взвешенное соображение о том, что Петр должен быть директором парка на Байкале.

- Разве он не заработал это место своим настырством по таежному промыслу? - по своему темпераменту и обыкновению кричал из Саянска по телефону Анатолий. - Что, директоров назначают лишь в областном центре?!

- Почему же в центре, - крикнул и я в трубку. - Конкурс уравнивает!

- Он спит и видит себя на страже байкальских рубежей, - сообщал Анатолий. Зиминский заквас желает перенести на байкальские берега. Усек?

- Знаю ваши характерцы, - отозвался я, - вы многим вооружены и небезопасны.

- Преувеличиваешь, но приятно слышать, а лучше если поддержишь Петю на собрании!

- Постараюсь в меру сил и скромных возможностей.

- Пусть писатели постоят за зиминца!

- Мы сами попытаемся отстаивать Байкал от индустрии - не всегда удается...

- Петя давно прочитал все по Йеллоустонский парк и считает, что можно наладить парковое хозяйство на Байкале не хуже американцев!

- Полностью согласен, - заверил я. - Но теперь, сам знаешь, как проголосует народ?

В феврале 1986 года было принято постановление Совета Министров РСФСР о создании Прибайкальского государственного природного национального парка в Иркутской области.

Национальный парк Прибайкалья вызван к жизни вопиющими экологическими проблемами в этой уникальной природной чаше с хрустальной водой, окаймленной таежными горными дугами.

С каждым годом на берегах священного моря усиливается индустриальное воздействие на природу, процветает неуправляемый туризм, не осваиваются капитальные вложения на равитие уже национального парка. Все эти беды требовали лидера-личности, который был бы способен не только решить первоочередные задачи, но и вывести парковое хозяйство на мировой уровень. И, видно, неспроста один из претендентов на лидерство вышел из Зимы.

Летом 1988 года был объявлен конкурс на замещение вакантной должности директора парка, чтобы впоследствии провести его выборы.

После изучения концепций по развитию парка, представленных претендентами, конкурсная комиссия во главе с начальником Иркутского управления лесного хозяйства Н.Я.Панасенко дала право баллотироваться на выборах троим из них. Среди отобранных остался зиминец П.П.Абраменок.

В каждом из 11 лесничеств парка прошли собрания, на которых были выбраны делегаты с веским правом голоса на выборах главного начальника.

И вот началось итоговое выборное собрание, редкое по накалу страстей, ибо судьба Прибайкалья неразрывна с будущим самого озера Байкал.

На трибуну поднимались кандидаты и излагали свою программу, отвечали на вопросы делегатов и гостей. Отчитался администратор-хозяйственник Петр Руснак. Ознакомил собрание со своими взглядами заместитель начальника управления лесного хозяйства Дмитрий Черников.

Первый и второй кандидаты упирали в своих программах на то, что новый директор должен обладать способностью входить в самые высокие кабинеты, ставить там вопросы ребром и добиваться права благоприятствования для Прибайкальского парка. Петр Абраменок в своем выступлении не стал отрицать немалые возможности старого способа, но перенес центр тяжести на инициативу самих работников на местах. Все помыслы исполнителей программы должны бить в десятку - во имя сохранения природы Прибайкалья. А впоследствии, по дальнему замыслу зиминского претендента, и на всю Восточную Сибирь.

По выводу П.П.Абраменко, с первых же шагов на этом пути следовало учитывать и направлять союзные силы: науку, культуру, просвещение, любителей, Байкальское движение патриотов в области и далеко за ее пределами.

Его программа носила наступательный характер - чувствовался добротный и выстраданный зиминский "заквас".

Программа развития Прибайкальского природного национального парка была сориентирована на высокую сознательность окружения.

"Наша задача сохранить природу в ее первоизданном виде, чтобы наши дети и дети наших детей могли также насладиться ее созерцанием, как удается это нам, хотя все реже и накладнее, - это прозвучало лейтмотивом в словах зиминца перед прибайкальцами, где в заключение кандидат выразил взлелеенное в раздумьях и спорах с братом: - Я вырос в семье лесника, с детства мне знакома ваша жизнь и работа до мелочей. Я выдвинул свою кандидатуру на эту должность, чтобы продолжить дело своего отца, тем самым оставив память о нем. Поэтому я не представляю и не защищаю ничьих интересов, кроме ваших. Уверен, задачи парка мы вместе сможем выполнить. И как на духу открываюсь вам: будущий директор должен стать стержнем всех направляющих сил. И стержень этот не должен гнуться под инструктивным нажимом различных ведомств. А следовательно, каждый лесничий тоже должен быть как часть этого хозяйственного стержня, на котором будет стоять и развиваться национальный парк нашей природы.

В зале не раз пробегали одобрительные шумки, особенно когда Абраменок предлагал прекратить на территории парка индустриально-хозяйственное вмешательство, а хиреющие населенные пункты с их вековым укладом возродить, их жителей вовлечь в рачительное лесопользование, лесовосстановление, подсобное хозяйство, туризм.

Голосование отдаленно напоминало рокот байкальского прибоя, к которому примешивается шум тайги и потреск отдельных деревьев. Абраменка поддержали 42 чеववека, большинство.

Картина тех выборов, красноречивая, демократическая, исполненная человеческих страстей, до сих пор перед глазами. Родные, друзья соратники, приверженцы пробирались тогда вместе с Петром через жизненные тернии к Прибайкальскому парку. Вместе нам и предстояло теперь отвечать за все свершения на этой "горячей" подкове холодного Байкала, укреплять мост Зима - Байкал в лице директора.

А хозяйство Абраменку досталось крутое, прежде всего, в психологическом плане. Десятилетиями у местного населения складывалось представление о Байкале и его берегах как о промысловом полигоне, где можно пополнить скудость социалистического пайка поднож-

ным кормом - поймать омуля, добыть нерпу, выждать изюбра на солонце, набить кедровых орехов или набрать горбовик ягоды. На это было сориентировано руководством области охотничье хозяйство "Байкал". Даже мы, литераторы, благодаря "гостеприимству" ГЛОХа под руководством И.В.Рекославского в 1976 году завершали дни литературы в пади Кадильной.

Сам же Байкал явно был менее гостеприимен к пестрой толпе.

И теперь видавший виды затворник не сменил свой непредсказуемый нрав на милость к разного рода пришельцам, не исключая высокое начальство. Но цветастая подкова даже на плане Прибайкальского парка в кабинете директора выглядит дружественной бассейну. И как будто защищает Байкал от разнообразных нашествий с юга, с многолюдного, индустриального материка. Во всяком случае, подкову эту с каждым днем укрепляют люди национального парка - из старой гвардии того же ГЛОХа, новички и патриоты со стороны.

Но самим защитникам приходится мириться с лишениями сплошь и рядом. Трудности становления парка всплывают каждый день, как топляки на самом море. Я убедился в этом, частенько бывая и в конторе парка, и на участках, и на самых отдаленных кордонах северного онгуренского лесничества.

Вспоминается двухгодичной давности разбор работы Большеголоустьинского участка, которым руководил Николай Иванович Полищук. Сход лесничих и егерей шел на точке кипения страстей. Глава комиссии, недавно побывавшей в Большой Голоустной, главный лесничий А.Г.Федянин педантично прочитал многие пункты недочетов, недоделок, упущений Полищука. А спокойный парень-лесничий из Большой Голоустной теребил окладистую бороду, будто хотел вырвать волосок для волшебного действа по методу старика Хоттабыча. В своем ответном выступлении он объяснил, что 150 км побережья его участка без подобающего транспорта контролировать не так-то просто. Местное население никак не хочет считаться с новыми установками , на природоохранные цели. Строителям кордона в ультимативной стычке пришлось отдать тушенку из неприкосновенного запаса - в местном магазине нет и минтая. Но кордон выстроен, обживается база, от нее можно начинать большое патрулирование с привлечением добровольцев из местных патриотов Байкала. Не всем понятна плата за въезд и вход на территорию парка, но с каждым днем все ощутимее и нагляднее ее эстетическая, гуманная, отдаточная обоснованность.

- Самому порой хочется от всей парковской бедности рвануть в свою Западную Сибирь, - заключил Полищук. - А на Байкал посмотришь - и ноги в землю врастают. Кому же охранять его, как не нам? Даже с таким арсеналом и базой...

В смысле природопользования начинать приходится с ликбеза даже на тупиковой Кругобайкальской железной дороге. От порта Байкал до Култука и обратно по самому берегу озера, через грандиозные туннели, по мостам, под скальными прижимами, мимо крошечных станций ходит раз в сутки рабочий поезд. Запереть бы шлагбаумами этот исторический кусочек Транссиба, пофантазировать и создать здесь "Байкалленд". Какой подарок нашим детям да и взрослым родился бы на этом месте уникальной дороги, восьмого чуда света! Для парка прямой и благодатный доход в наших рублях и в валюте...

Но пока это лишь в наших мечтах. На деле же - на нового директора парка сразу обрушились многообразные нарушения режима в подкове. К примеру, пока Абраменок выяснял статус "Кругобайкалки", железнодорожники спешно начали ее ремонт. Скоро в контору парка поступил сигнал: в озеро сбрасываются старые шпалы, арматура и отходы. В летнюю сушь ремонтеры-железнодорожники под руководством начальника поезда Крымского оставили два костра, от которых заполыхала тайга. Прибывшие с базы парка оперативники под руководством И.И.Ильюшевича пять дней тушили очаг, который успел разрастись на десятки гектаров заповедной тайги.

Вступать в открытую схватку с железнодорожниками, однако, парку было не по карману. Живут у Абраменка в тревожной памяти образы зиминской тяжбы - не дай Бог повториться такому на областном уровне! А после Зимы дает себя знать сердце, воспаляется желчный пузырь, и сны тревожные снятся, будто колючие волны гусеницы-шелкопряда захлестывают прибайкальскую тайгу, она чернеет на глазах, и сам Байкал замирает от невиданного нашествия.

"Нет, горячку я больше не собираюсь гнать, - признался мне Петр, спустя пару лет директорства. - Учусь дипломатическому обхождению со всеми - от мала до велика. Зиминскую гордыню пора отставить."

Малое требует внимания к себе каждый божий день, начиная от сына Андрюшки, той же обмундировки работников, кончая выставкой картин художников Льва Гимова и Василия Попова в тесной конторе парка. Здесь под хроническим вопросом достойная оснастка егерей, их вооружение, зарплата, жилье, транспорт - люди не могут бесконечно тянуть на энтузиазме, пора создать им условия не хуже, чем в национальных парках Америки. Но для взлета на высший уровень требуется объединение разрозненных пока наших национальных парков под одной руководящей "крышей", дабы развязать руки нынешнему покровителю - областному управлению лесного хозяйства. Цепочку можно вытягивать до бесконечности, где малое смыкается с большими задачами.

Перед такими доводами приходилось не без угрызений совести припоминать увеселительную прогулку литераторов в 1976 году по берегу хмурого Байкала.

Начинались, правда, те дни по городам и весям Иркутской области. И наша группа как раз прибыла тогда в Зиму, на родину Евгения Евтушенко.

Тогдашний первый секретарь райкома партии, маленький и тщедушный, с восторгом объяснял нам, какой вырастет гигант химии на полях, засеянных зерновыми, капустой, картошкой... Нам было немного не по себе от эйфорического ража секретаря, воображение рисовало задымленные и загубленные плодородные поля, но "наверху было виднее".

Окончательно нас убедил в верности химической линии строящийся Саянск, город будущего, где, кажется, все делалось для человеческого обустройства на самом благоденственном уровне. Настороживало несколько то, что будущий город химиков был отнесен проектантами на солидное расстояние от завода, на холмы, в тайгу, Зима же оставалась в низине, под боком у химического производства. И сам секретарь за ужином посетовал, что хлор тяжелый газ и в случае выброса будет оседать в низинах. Но на общее застольное настроение это признание уже не повлия-

ло - выпили и поверили, что наши химики не допустят утечек, что коренных сибиряков-зиминцев свои люди в обиду не дадут.

А финальный выезд в падь Кадильную отодвинул мысли о вероятных бедах Зимы до самого пуска завода по производству поливинилхлорида на основе соляных залежей. Сами соляные мощные пласты поражали воображение и как можно было не использовать такое богатство под ногами, когда сама природа одарила наш край таким добротным сырьем?

После же пуска химзавода, по моде того времени, в сторону Зимы двинулись косяки журналистов и писателей разного ранга освещать достижения большой химии на зиминской земле. Не миновал тот зуд и писательскую организацию Иркутска. Здесь была собрана творческая бригада, в которую включили и меня как бывшего при началах строительства химического чуда. И чего греха таить, я подпал под общее восторженное настроение от нового производства, молодого коллектива хизавода, а главное, продукции, столь нужной нашей стране, хотя и выпускаемой по немецкой технологии. Как инженера-геолога меня особенно умилило то, что из глубинных пластов каменной соли путем выкачки на поверхность и за счет современного оборудования получают на заводе добротный многообиходный продукт. И я, не очень приглядываясь к побочным деяниям завода, не заглядывая далеко вперед, написал заметки с явным налетом эйфории.

Для полноты картины сегодняшнего "противостояния" привожу те записки без особых редакторских причесываний - как мне представляется, они интересны именно в первозданном виде. Тем более, что прожитые Зимой два с половиной века призывают оглянуться и оценить, какие свершения на этой земле подвигли ее к тем или иным ориентирам, что принесли сюда пришельцы разных мастей и калибров, а что она дала своим людям и соседям, ближним и дальним.

Земля эта судьбоносна, порой плодотворные незримые нити связывают ее со всей областью, другими регионами, зарубежьем. Она славна разнообразными свершениями, жертвенностью и самой историей.

Задача этого исследования - проследить за некоторыми видимыми и невидимыми связями.

Наконец-то я оказался в штабквартире любого начинания на саяно-зиминской земле. В левом крыле стандартного здания строительно–монтажного управления N 12 располагалась изыскательская партия. Начальник ее Олейник Виталий Иванович хозяйским жестом пригласил меня, гостя, к осмотру своего хозяйства. После нескольких часов знакомства со мной он знал, что я не дилетант в области топографии, геодезии, бурения, инженерно-геологических изысканий, разного рода привязок, проработки профилей, теодолитных ходов и мензульных съемок, хоть все порядком подзабыл со времени своей геологической практики. Но Олейник, плотный, стандартного среднего роста, с добрейшей улыбкой на овальном лице и чуткими, как пузырьки уровней, глазами цвета сосновой коры, тактично вводил меня в курс своего дела.

А курс этот как бы завершал наше знакомство с Саяно-Зиминским комплексом в масштабном исполнении.

- Без нашего обоснования не двинется вперед ни одно подразделение, - начал знакомить меня со своей службой Олейник. - Мы при-

вязываем к местности любую выработку, дорожку, котлован, здание...

Чем "привязывали" изыскатели, было выстроено у стен, словно оружие в военном гарнизоне: зачехленные приборы, сложенные треноги, мерные рейки, даже широкие лыжи для зимних работ. Многоцветный план застройки города и промплощадок на стене свидетельствовал о тщательном контроле за каждой вводимой в строй деталью, которая "поднималась" на чертеже густым набором туши. На стенах были развешены и фотографии архитектурных моделей будущих производственных и культурно-бытовых учреждений Саянска, среди которых выделялся корабельной какой-то статью Дворец молодежи. Из окна можно было разглядеть кран, возвышающийся над остовом первых этажей этого сооружения среди новеньких жилых домов города. А хозяин, чутко улавливая мой заинтересованный взгляд, рассказывал, как после окончания Киевского политехнического института прибыл по распределению в Восточную Сибирь и с 1968 года его работа связана с Саяно-Зиминским комплексом. Здесь Олейник повстречался со своей подругой жизни, которая родилась в Куйтуне и работает теперь в партии вычислителем. За чредой полевых сезонов незаметно выросли дети - сын и дочь, оба учатся в сибирских ВУЗах. И лишь родители в далеком городке Александрия на Украине нет-нет да и напомнят о далеком Западе юности.

- Старики зовут назад, к себе, - заметил Олейник, - не понять старым, что душа прописана здесь теперь навсегда

- Я вот исколесил нашу Иркутскую область вдоль и поперек, - поддержал я разговор, - видел много мест удивительной красоты, а в Присаянье и Саяны влюблен по-особенному, хотя провел здесь лишь один сезон студенческой практики. Интересно бы сейчас взглянуть на карту, пробежать глазом междуречье Урика, Белой, Оки, Зимы...

- Это можно в порядке исключения, учитывая редкость гостей от литературы, - подмигнул мне Олейник, порылся в своем сейфе и развернул на столе буро-зеленые планшеты топоосновы. - Вспоминай свою молодость, восстанавливай маршруты, а я пока тут задания утрясу с исполнителями.

Хозяин отступил к своим техникам, а я склонился над драгоценными листами с подробнейшей обстановкой саянской горной страны и примыкающего края сибирской платформы. Саяны... Появилось ощущение, точно я вновь летел над той площадью в вертолете, еле-еле преодолевающем перевалы в щетине твердопородных останцев. По лопаткам пробежал ознобец, как в тот раз, когда мы на рекогносцировке чуть не задели скальный гребень, который проплыл прямо под плексигласовым колпаком МИ-2... Боготол, Чертовы Ворота, Инга, Белозиминск, Сарам - названия, идущие из сердца Саян к низменным рельефам предсаянья, к сельхозяйственным угодьям, промышленной полосе Транссибирской магистрали, где крупным очагом предстает Зиминский химический завод. У этого производственного гиганта своя история, как и у городов - старой Зимы и нового Саянска. Но предистория начиналась со времени моей геологической практики в конце шестидесятых годов.

Без геологического обоснования целесообразности строительства того или иного предприятия не может начаться никакой проект. Многочисленному отряду поисковиков, разведчиков, топографов-

геодезистов, буровиков, гидрогеологов пришлось пробивать свои тропы на внушительных пространствах, чтобы досконально изучить кладовые саянского региона. Из истории изучения Сибири, эксплуатации ее недр было уже известно немало. Еще в середине прошлого столетия в Саянах первостатейным купцом Алибером был открыт графит. Найдя несколько кусков высокосортного графита на Ботогольском гольце, Алибер начал разведочные работы. Следуя за тончайшими прожилками черного минерала, первооткрыватель дошел до крупной залежи графита, не уступавшего по качеству лучшим сортам английского.

А в саянском регионе наращивались темпы разведок. На Гольцовом месторождении, в междуречье Урика и Белой разбуривал твердые вмещающие породы и редкометальные пегматиты Мальцев Виктор Тимофеевич, с которым привелось мне повстречаться уже в эти дни на рассолопромысле, где он работает с 1983 года начальником цеха. Но задолго до его прихода, с шестидесятых годов, началось разведочное глубокое бурение Иркутским управлением нефтегазогеология с целью оценки залежей каменной соли для промышленного освоения.

Глубокое бурение на платформе, в условиях низменного рельефа, вблизи железной дороги и города Зима спокойнее гольцовых разведок, комфортабельней, с хорошими подъездными путями и налаженным снабжением. Но Усольская свита нижнего кембрия, где сосредоточены основные пласты соли, залегает на глубине до двух километров. Чтобы добыть небольшой керн из продуктивной толщи - соляной столбик, что стоит у меня на письменном столе в кабинете - потребовался напряженный труд геологов, буровых мастеров и подсобников. Надпись на подставке памятного сувенира гласит: "В память о Зиме 23 июля 1976 года, глубина 1650 м".

В тот год мы, участники дней литературы в Иркутске, прибыли в Зиму и начинающийся Саянск, чтобы ознакомиться с размахом здешних работ на всех фронтах. Меня, естественно, влекло на буровые вышки, которые горделиво высились среди полей. Вот здесь-то я и увидел, как отличается труд буровиков колонкового бурения, которым занимался сам на Урике, от труда бурильщиков роторной проходки.

Мечется возле скважины третий помбур Виталий Разгонюк. Его движения отработаны до автоматизма. Зачалить трубу, принести легость, зацепить за приготовленный трос! Потом засунуть в элеватор трубу, а пока ее опускают, сбегать к следующей, вкатить ее с мостков на лоток, зацепить легость, махнуть, чтоб "вирали" вспомогательной лебедкой, проверить отверстие, смазать резьбу и снова бежать наверх, помочь снять вертлюг. А когда начинается бурение, припасть к бурильной трубе и послушать, как на глубине работает турбобур, оснащенный долотом, конструкции, соответственной проходимым породам.

А геологи рассказывали мне, какие коварные толщи, горизонты, пропластки в разрезе предсаянского региона. Долото должно меняться в зависимости от того, по какому пласту идет буровой снаряд: по мягким артиллитам, трещиноватым песчаникам, крепким доломитам, разнородным конгломератам, а то и самим сверхтвердым траппам.

Нет, и в здешних спокойно-платформенных условиях свои сложности. А вспоминая первые шаги в этих местах, разведчикам

есть что рассказать из невероятных ситуаций.

Вот маленькая точка на карте и рядом надпись "Мольта". В этом леспромхозовском поселке на первых порах располагалась база изыскателей, в которой начинал свою топогеодезическую работу Олейник в качестве исполнителя. "Славное было времечко, - вспоминал вчера он. Особый азарт возникает, когда начинаешь какое-то дело на новом месте, согласись, друже".

- Каждый день приносит новое, неожиданное, - добавил я, - грустное и смешное.

- Курьезное, - сказал Олейник с доверительной своей улыбкой, - помню, случай у нас произошел в этой самой Мольте, до сих пор на памяти, будто в первобытной пещере побывал...

Мрачноватая Мольта ожила как только на краю ее, у речки разбили свой табор изыскатели и топографы. Посреди палаточного городка запылал костер, по вечерам звенела гитара, и понеслись над табором песни, будоража мольтовскую молодежь, собак и отцов местной ячейки-килки иеговистов.

Еще не все звезды высыпали над Саянами, как на пение у костра подтянулись трое. Двое парней остались за светлым окружьем, а пожилой мужик в старом ватнике, зимней шапке и с костылем в руке шагнул к костру.

- Вечер добрый, - произнес он с невытравляемым выговором жителя западных областей.

- Сидайте к нам, дядя, - предложил Олейник свободную чурку.

Мужик уселся на обрубок, оперся на костыль и настороженные огонечки засветились в его глазах под самым козырьком вытертой беличьей шапки.

- Подошли вот послушать, что-то вы спеваете...

- Книжечку нашли оригинальную, - потряс листками Олейник. - Гимн здесь молебственный, решили разучить от нечего делать.

- Похвально, - заметил пришелец, - здешним людям приметно такое пение... И вам самим оно где-нибудь да зачтется...

- Рады стараться, - ответил Олейник. - С людьми-то вашими нам теперь не один день жить: большие дела начинаем здесь, рабочие руки нужны будут да еще как.

- Работать наши люди умеют, - сообщил прищелец, - потому как крепость духа имеют.

- Крепость духа нигде и никогда не мешает, - сознался Олейник. - Вот и мы поем, чтоб дружней жилось и работалось. Слово-то есть тут прямо для нашего будущего... Послушайте-ка, дядя...

Наш святой град вновь воздвиг
В 100 раз лучше и велик,
С мраморной стеной кругом,
На горе свой божий дом!
Рощи, зелень и сады,
Фрукты, сок, мед и плоды.

Блики пламени скользнули по гладким щекам прищельца, огонечки под козырьком сузились, а губы извились сухим корешком.

- Тут люди говорят, "Чудо-книжка" эта не зря прилетает. Кто прикоснется лишь к ней, говорят, уже благодати сподобится.

- А вы что хотели с ней сделать? - деланно повысил голос Олейник. - На ростопку пустить? Премии захотели лишиться по независящим от вас причинам!

- Тоже вот говорят, - продолжил пришелец таким голосом, словно древесный корешок поскрипывал на зубах, - высокие духом не должны прилепляться ни к каким благам земным...

- Ну, в отношении премии не согласен, дядя, - зароптал Олейник. -

Она показатель нашей работы, а значит, здорового духа!

- Мне бы для поддержки духа мясной консервы подбросил господь бог, - подала свой голос Феклуша. - Егова или кто там еще... Помолилась бы на него.

- А у меня скаты совсем лысые, - включился в игру Калин. - Не мешало бы обуть машину для поддержания духа.

- Сапоги бы новые, - буркнул Шашнин.

- Рипудин кончился, - добавил Ржевский, - заедает мошка!

- Ну, я снимаю с себя эти заботы, - возвел очи к небу Олейник, - теперь нам поможет бог богов Иегова. А попросит его об этом добрый наш гость. Да не забудьте, гражданин хороший, новый теодолит, рулон миллиметровки, опять же ошибки в превышениях по седьмому профилю раскидать...

Шутить изволите, - вскочил пришелец, и оба парня придвинулись из темени ближе к свету.

- А откуда вам известно, дядя, что книжица эта называется "Чудокнижка", а? Значит, от вас она исходит! И получается, вам сподручно выпросить у вашего Иеговы необходимое бедным рабам-полевикам. Попросим, ребята, хорошего гражданина!

Олейник зааплодировал, и весь отряд поддержал начальника бурными аплодисментами. Пришелец жавкнул желваками, отступил к своим парням и проскрипел из тьмы:

- Вы над самим шутку затеяли. А он, он таким сатанистам мор вместо концервы скусной пошлет!

- У нас аптечка хорошая!

Взрыв хохота взметнул пламя костра.

- Молоньей прошибет ! - донесся из темноты скрипучий голос, на смену которому сейчас же пришел многоголосый собачий лай.

У костра же еще долго всхохатывали, перебирая каждую деталь розыгрыша.

А наутро полевые заботы отодвинули вечернее происшествие. Но через несколько дней пришлось вспомнить о визите пришельца: случай заставил.

В тот день барометр показывал на "грозу". В дождь, а особенно при грозе какая уж полевая работа, актировать полагается рабочий день. Да план-то надо выполнять - лето сибирское не резиновое, не заметишь, как пролетят на мензульный планшет белые мухи. "В общем, пошли ребята, на профиль, - скомандовал Олейник. - Гроза, она и боком пройти может. А если и накроет, пересидим - не сахарные".

И повели теодолитный ход исполнитель, его помощник степенный Шашнин и Ржевский, рассудительный и обстоятельный рабочий. А сибирское яростное солнце, словно издеваясь над топографами и прогнозом вроде бы обьективного инструмента барометра-анероида, пекло на совесть. Мошкара, комары и оводы, будто сбесившись, набрасывались на потных людей колючими клубками. И от пота с бровей наблюдателя то и дело мутнел окуляр теодолита.

- Да что же эти ваши инструменты, Виталь Иванович, - не выдержал Шашнин, яросто отбиваясь от гнуса. - Грозу сулил ваш манометр, а хоть бы ветерок!

- Хоть призывай Иегову! - вторил Ржевский.

- Накличите на нашу шею, - оборвал их,Олейник. - Русть попьют кровушку кровососы, лишь бы ход закончить.

Однако в природе что-то вдруг переменилось, разом смолкло птичье щебетанье и откуда ни возьмись налетел ветер. А из-за саянских хребтов наползла туча, будто

медвежьей шкурой укрыла солнце и разогнала по кустам весь гнус. Топографам пришлось складывать прибор, разворачивать брезент и наспех укрываться под ним. Троим было тесновато под куском походного укрытия - Ржевский решил спрятаться под ближней сосной, которая возвышалась над молодняком.

Когда блеснули отдаленные молнии, пробасил над окрестностями гром и пулями защелкали по веткам градины, рабочий отставил рейку, сам инстинктивно присел, вжимаясь спиной в подогнутый ствол.

- Ты бы лучше к нам, - закричал Олейник, - потеснимся.

- Обойдется, - откликнулся гордый Ржевский.

А молнии становились все ослепительней, и гром взгрохатывал уже над головой. Эпицентр грозы опасно приближался к старой сосне, под которой затаился Ржевский.

Олейник вспомнил инструктаж по технике безопасности при ведении полевых работ, подумал, что давно не заполнял журнал с подписями рабочих, и хотел было крикнуть Ржевскому с приказной интонацией, да не успел... Ослепительная ветка из тучи хлестнула по сосне и вроде застряла в ней. Громовой раскат сотряс крону, дерево треснуло и запылало, как смолистый факел.

Оглушенные топографы видели из-под березента, как отполз их товарищ от пораженной сосны, вскочил и побежал кругами вокруг пылающего дерева.

- Да прячься же! - не выдержал Олейник, вскочил, наперерез своему рабочему и затащил его под брезент. - Забыли технику безопасности, дундуки!

Ржевский что-то шептал фиолетовыми губами, и два факела отражались в его остекленевших глазах, которые он не спускал с пылающей сосны.

- Ты чего нашептываешь? - встряхнул его Олейник. Ржевский замигал, виноватая улыбка перекосила его лицо, и он признался:

- Молитву...

- Какую такую молитву?

- Не ту... Православную!

И хоть момент был непоходящий для веселья, товарищи не удержались от смеха. Засмеялся и сам пострадавший.

- Надо же было как-то нейтрализовать Иегову, хо-хо-ха!

А вечером, у костра, они втроем рассказывали историю с "местью Иеговы", и смеялись теперь все, будоража звонкоголосых собак, затаившихся иеговистов и местную воспрявшую духом молодежь.

Молодежи как раз и предстояло строить здесь новый прекрасный город - не мифический, а реальный. Но город должен быть обеспечен большим производством - логичнее развить здесь прежде всего химические отрасли на базе огромных запасов каменной соли. Разведчики насчитали в блоке рентабельного промышленного освоения более двух миллионов тонн.

Наступила очередь рассолодобычи. Это процесс естественного перехода с разведочного бурения на промышленные скважины. На карте эти скважины целым гнездом лепятся рядом с химзаводом. На местности буровые вышки высятся поодаль от проиводственных корпусов. С цехом рассолопромысла основные цеха соединяют трубопроводы через промежуточный вакумм-выпарки. Трубопровод тянется по полям, взгорбливаясь над дорогами, поблескивая на солнце обмоткой, словно многожильная артерия. И флаг над ближней вышкой подтверждает слова моло-

дого директора химкомбината Захарченко Николая Александровича, что с подачей рассола в приемные емкости все в порядке, перебоев нет, рассолодобытчики обеспечивают химическое производство основным сырьем.

Но я уже наслушался разного о проблемах основного производства, недочетах в проектировании, промахе при монтаже, недоглядах во время пуска... Мне понятно, отчего у директора в его неполных сорок лет так много будт выбеленных хлором волос в густой еще шевелюре, обрамляющей крупную голову с массивным лицом и темными глазами, в которых нагар хронической озабоченности. Конечно, мысли Захарченко сейчас сосредоточены на пуске завода на полную мощность, еще они вертятся вокруг неполадок в технологии, как возле зуба больного, а благополучные производства отодвинуты на задний план.

Меня же по старой памяти, естественно, интересовало сырьевое звено и насколько оно благополучно с учетом пуска в недалеком будущем второй очереди химзавода.

Так я вновь оказался на буровом участке, или в цехе рассолопромысла. И здесь меня встретил начальник цеха Мальцев Виктор Тимофеевич.

Вид у бывшего буровика был не из лучших: ввалились щеки и без того худого лица, запали темные глаза, но взгляд лучился умудренностью, теплотой и значимостью содеянного.

- Наш главный геолог Яковлева Валентина Александровна только что улетела на вертолете в Усолье, - сообщил Мальцев с извинительной улыбкой, - придется мне осветить наши дела, хоть я всего год на рассолопромысле.

- За год можно оценить целое месторождение, - заметил я.

- Когда-то оценивали, - бросил он взгляд в сторону саянского волнистого горизонта, - Канавами, шурфами, колоковым бурением. А здесь глубины до двух тысяч метров, так что уточняем разрез до сих пор...

Мы не торопясь направились с ним к вышке N 10, на которой смена под руководством мастера Разгонюка осуществляла подъем буровых труб. Полюбовавшись на слаженную работу смены, мы повернули к насосной станции, которая и осуществляет главную работу - закачивает рассольно-техническую воду по подающим трубам в скважинах до самого забоя и выкачивает насыщенный рассол по трубам-приемникам.

- На буровом фронте пока лады, не сглазить бы, а лучше взглянуть в насосную.

Мальцев привел меня в большой машинный зал, где размещалось насосное хозяйство с дистанционным управлением. Ровно и солидно гудели мощные насосы, засылая в глубь земли воду под давлением в 40 атмосфер, на разные голоса пели разноцветные трубы, выдавая "на-гора" 50 кубометров рассола в час. Сам дирижер, вслушавшись в хор своего хозяйства, удовлетворенно улыбнулся и на щеках его запламенел румянец. Теперь можно было спрашивать Мальцева и о делах неладных, проблемных, аварийных.

- Трудно давался тебе переход сюда, Виктор Тимофеевич?

- После семнадцати лет работы на колонковом бурении пришлось мне здесь хлебнуть мурцовки, как говорят у нас, - признался Мальцев. - Да, признаться, годы уже требовали оседлости, захотелось цивилизованный угол обрести для семьи, а тут квартиру дали через семь месяцев, сам понимаешь, что значит

такое жилье для таежного бродяги.

- Что говорить, ты заработал себе квартиру в Саянске, Виктор Тимофеевич.

- Пока считаю себя в долгу перед властями, химкомбинатом и нашим МСУ-24, - со скупой улыбкой таежника признался он. -Вот когда пойдет добыча без сучка, без задоринки, тогда буду спать спокойно. А пока по ночам прихваты да зятяжки снятся...

Мальцев пришел на рассолопромысел в конце февраля 1983 года и в первые же дни столкнулся с затяжкой. Над вышкой блистало уже весеннее солнце, сверкал до боли в глазах снег на полях, ветерок доносил из тайги запахи прогретой хвои, а в углублениях от человеческих и машинных следов в этот мартовский день стала скапливаться вода. Чем ближе к вышке, тем грязней она становилась. С вертолета, который стрекотал над буровым участком, следя за трассой этиленопровода и сегодня, видно, что каждая вышка возвышалась среди грязного пятна.

"Но эта грязь смоется весенними ручьями, - думал год назад новый начальник цеха, приближаясь к вышке. - С грязью на глубине сложнее справиться".

Он уже знал от предшественника и буровиков о мертвой хватке некоторых прослоев и сечас томило недоброе предчувстве: как раз сегодня на ближней вышке начали подьем обсадной колонны. И еще издали он услышал надсадный скрежет лебедки, увидел, как подрагивают в максимальной натяжке канаты талевой оснастки, а взойдя на платфорому, разглядел под козырьками касок напряженно хмурые лица бурильщиков. Все было ясно - колонна не поддавалась на рывки лебедки и всей подьемной оснастки.

- Не отпускает, Виталий Иосифович? - прокричал Мальцев бурмастеру Разгонюку.

- Прихватило, как приварило, - отозвался тот и снова включил на полную нагрузку.

Колонна на подалась ни на сантиметр.

- Ладно, парни, пытайтесь раскочегарить нашу махину, а мы будем соображать, как дальше нам действовать в таких случаях.

- Скорее пупы надорвем, Виктор Тимофеевич, чем нашей лебедкой возьмем трубы. Тут мощный кран нужен.

- Где его пока взять, ребята, промбаза у наших химиков, сами знаете, как комплектуется... Каждый болт издалека завозится... Закажем, конечно, кран, но пока что-то будем придумывать на подручном материале... Безвыходных положений нет!

- Всем надо мозговать.

- Впервой, что ли!

- Три десятка голов буровых в цехе ничего не придумают!

- Голь на выдумки хитра!

- Нет, тут голи делать нечего, ребятки, - воразил Мальцев, - нужна инженерная проработка.

Он еще раз бросил озадаченны взгляд на словно бы запянное устье скважины, повернулся и зашагал к конторе цеха. По пути перебирал все аварийные ситуации, случившиеся за семнадцать лет работы в Саянах и на Чуне, вспоминал курсы бурения в Иркутском геологоразведочном техникуме и на заочном факультете политехнического института. "Придется листать руководства, учебники, инструкции, - пришел он к неутешительному выводу. - Сколько времени пройдет, а воз будет на том же месте".

Мальцев уже подходил к конторе, когда за спиной раздался низкий, как из под земли, гул, под

ногами дрогнуло и взрывной хлопок разнесся по окрестностям. Резко развернувшись, начальник цеха увидел над дальней вышкой серое облачко, которое на глазах оседало. "Выброс! - догадался он и напрямик по рыхлому снегу бросился к пострадавшей вышке. - Газовый выброс на забурке! А до пласта еще полкилометра!".

Когда Мальцев добрался до буровой, там уже пришли в себя. Буровиков оказалось непросто узнать: лица их были заляпаны раствором, вся вышка, платформа и пристройки были забрызганы, на многие десятки метров в окружности увеличилось грязное пятно и стоял удушливый запах газа, смешанного с испарениями солярки. В глаза бросились погнутые штанги, обломки досок и внушительная воронка на устье скважины. На нее-то, воронку с помятой трубой-направлением, и уставился Мальцев, что-то соображая и одновременно слушая вполуха объяснение мастера.

- Только спустились на забой, Виктор Тимофеевич, да с полчаса побурили, а раствор как забурлит, да как ахнет - думал вышку снесет и нам кранты, да обошлось, как видите...

- На ловушку напоролись, ребята, - заметил Мальцев. - Нефть и газ тут давно предсказывали геологи, дойдет очередь и до подобных ловушек, а меня сейчас интересует взрывная сила... Это надо же толкнуть такую махину... А что если на десятой мы вызовем искусственно взрыв на глубине? Тогда ведь сотрясет всю колонну! Нет, надо обсудить это со всеми... Взрыв на отчетном интервале!... Это идея!

И, приказав буровикам продолжать ликвидацию аварии, Мальцев бросился в контору собирать технический совет.

После горячего разностороннего обсуждения на совете было решено спустить в скважину заряд аммонита и произвести взрыв даже при риске отрыва нижней части колонны труб.

- Дело пошло именно по этой схеме, - рассказывал теперь мне Мальцев. - Да вот беда - трубы-то дорогие, цельнотянутые, из высокосортной стали терялись. А еще деформировалась верхняя часть колонны. Следовательно, стал уходить не растворитель, драгоценная солярка. В общем, намаялись, пока не получили передвижной кран. А на днях нам прислали из Венгрии мощную установку А-50. Теперь мы заживем. Погляди только на эту красавицу.

Мальцев распахнул дверь насосной станции, а мы вышли на снег, исполосованный колесами с четкой отпечаткой рисунка покрышек. Сам зеленый автокран А-50 стоял под открытым небом, сгорбив мощную спину-стрелу, словно задумавшийся перед рывком штангист. Ему предстояла большая работа, но для этого он был и создан. В далекой Венгрии его смонтировали для сибирских условий в помощь тем, кто выкачивает из здешних недр соль земли.

А соль - она нужна всем. Необходима для жизни на земле в виде натурального продукта и ряда производных вплоть до поливинилхлоридной смолы, из которой можно изготовить многие нужные человеку вещи, начиная от детской игрушки, кончая деталями машин и механизмов. Так осуществляется круговорот в природе по известному принципу спирального развития. Все в нем взаимосвязано: неживая и живая природа, полезные ископаемые, механизмы, люди... Карта же отражает эту взаимосвязь в пространстве и во времени.

Вот красной тушью нанесен рукой Олейника этиленопровод, по которому из Ангарска поступает важный компонент для химического производства - этилен. Пока он поступает в переизбытке: рассчитан-то на две очереди химкомбината. Излишки приходится сжигать - над высокой трубой недалеко от рассолопромысла ярким огнем горит факел, уничтожая в сутки этилена на четырнадцать тысяч рублей.

Разговором на тему подземных этиленохранилищь и закончилась пока наша встреча с Виктором Мальцевым. "По нашему методу будут промыты камеры на сравнительно небольшой глубине, - объяснил он мне принцип развернувшихся рядом с рассолопромыслом работ. - Закачивай этилен в камеру, впрок запасайся, как картошкой на зиму в подполье, а потом расходуй по-хозяйски. А то ведь получается, как говорил Менделеев, сжигаем ассигнации!"

И Мальцев посвятил меня в тонкости отличий проработки камер рассолодобычи и этиленохранилищ, какую технологию они передают на участок соседей, какие геофизические методы следует поставить там с привлечением ленинградских геофизиков, показавших отличную работу по эхолокации их камер.

Сердечно расставшись с Мальцевым, я думал о том, что начальник цеха, расположенного вроде бы на отшибе от химкомбината, продемонстрировал общую черту здешних людей - взаимопереживаемость за дела в городе и на производстве. И сейчас, глядя на сгустившуюся обстановку в масштабе карты, я сделал окончательный вывод о родственности и преемственности в делах саянцев-зиминцев. И началась эта спайка, на мой взгляд, с первопроходческих времен, где тон задавали изыскатели. В эти дни нам приходилось не раз слышать о том, что народ в Саянске, что называется, "с бору по сосенке". Но свежему глазу была заметна объединяющая всех саянцев патриотическая горизонталь.

Химико-технологические тонкости получения хлора путем электролиза в электролитических ваннах объяснит вам любой саянец. И как получается промежуточный дихлорэтан, а попросту растворитель, обстоятельно было рассказано нам еще на подходе к цеху, уточнения же провел молодой специалист, закончивший ИПИ в 1981 году, угловатый, с гуранистой внешностью Сазонов Александр. Он же, этот юный начальник смены, обратил наше внимание на то, что операторы на пультах управления его цеха и соседнего, где синтезируется поливинилхлорид, как правило, имеют вышее образование. Естественно за процессом "варки" сложнейшего химического соединения, который управляется импортным компьютером, должен следить инженер. Оператор обязан моментально реагировать сам на показания приборов в случае, когда забарахлит кибернетика. "Перейти на ручное управление!" - это команда в технологической карте. Даже школьники школы N 1 объясняли нам преимущества и недостатки главных реакторов их комбината. Отличие реакторов по производству ПВХ от тех же немецких начинается с объема в 200 кубометров по сравнению с миниатюрными шестикубовыми у самих поставщиков.

Кстати, немецкие специалисты-наладчики, с которыми нам довелось жить в Доме иностранного специалиста, отлично чувствуют себя в Сибири. Мы обратили внимание на решетки, шампуры, ручные пилы под лестницей ДИСа. Из разговора с немцами оказалось, что по воскресным дням наши наладчики выезжают в тайгу и устраивают пик-

ники с непременным приготовлением шашлыков.

"Шашлык по-сибирски - гут, очень хорошо, - подмигнул нам Ганс с вислыми, по-запорожски, усами, откланиваясь по причине отьезда на работу. -Фрейндшафт, геноссе, мир, дружба!"

На наших глазах жизнь демонстировала свое преимущество, привлекательность и красоту. Но время жизни надо поддерживать энергией. А ее должны извлекать люди из того, что дано им природой. Разумно, грамотно, дальновидно.

Мы стали свидетелями и дальновидности многих саянцев в том, что им доверено.

"Хотя бы наладить производство кабельного пластиката, - с мечтательным вздохом говорил нам уходящий на повышение в область секретарь парткома Юрий Иванович Лебедянский. - Ведь тогда мы бы могли выгодно фуговать на тот же Шелеховский кабельный завод пластикат, а не отправлять гольнук-смолу, за тридевять земель по копеечной стоимости на заводы-изготовители того же кожзаменителя".

Переполненные впечатлениями от разнообразных встреч, мы обменивались своими соображениями на тот предмет, что построить можно все, сложнее выковать коллектив, комбинат, город единомышленников. И мы пришли к выводу, что Саянску во многом удалась эта сердцевина. Духовное здоровье, оно заложено в основе нового города. "Мы не позволили себе поставить ни одного барака, - с гордостью говорили нам. - Иной раз, ну, край как нужно было ставить эти "крейсеры". Но выдержали, без времянок".

Да, основа любого начинания должна быть добротной. И карта не зря называется на профессиональном языке топоосновой. А все, что возводится на земле, должно естественно и пластично вписываться в ее контуры. Для человека, умеющего читать карту, она может поведать очень много.

И сейчас я так увлекся чтением топоосновы зиминской части Присаянья, что не заметил, как ко мне вернулся Олейник.

- А знаешь, какая работа была самой отрадной, - заговорил он, поведя пальцем по синему прожилку Братского моря. - Разбивка пионерлагеря... вот здесь, за сто километров от Саянска, на берегу залива Кумарейка. Замечательное место: сосновый бор, песчаные косы, водная гладь... А какая рыбалка! Хочешь с нами в субботу катануть туда на подледный лов, а? Самую уловистую мормышку выделю тебе как гостю. Историй разных наслушаешься - будет хоть что написать. Вот, к примеру, был раз случай в нашей артели...

И Олейник, посмеиваясь да плутовски поводя глазами, стал рассказывать рыбацкую байку. Сводилась история к тому, как прибыли рыболовы по темну к месту лова, на скорую руку начали готовить закуску, а под конец ужина взялись за традиционный чай. Самому Олейнику выпала честь заваривать сибирский крепачок. Впотьмах да навеселе он по указанию соседа вытащил из ближнего рюкзака жестяную банку и высыпал содержимое в чайник. Попив чайку, рыболовы заснули возле костра сном праведников. А утром рыболовы обратили внимание на странный цвет воды из чайника. Открыли крышку и в остатках чая обнаружили дождевых червей, крашеных фуксином.

- Пришлось вареных червей на крючок наживлять, - закончил Олейник свой рассказ, задыхаясь от смеха.

- И как клевала? - вторил я ему.

- Даже лучше, чем на сырых! Поедем с нами - убедишься!

- Придется оставить эксперимент до другого раза, Виталий, времени в обрез, а наработали вы тут уже на большую книгу.

- В следующий раз дай телеграмму, чтоб мы тут наживку сготовили.

- Была бы рыба...

Наш смех оборвался сам собой - мы коснулись серьезной темы. Что говорить, вторжение химической индустрии не проходит бесследно для окружающей природы и самого человека даже на таких пространствах. Запах хлора ощущается в подъезде к химкомбинату. Но город Саянск отнесен на внушительное расстояние от основных производств и воздух здесь упоительно-горно-таежный.

- Охранная мысль у нас не стоит на месте, вот что отрадно, - заметил ОЛейник. - Уже при проектировании соображали, куда отнести город. Людям создали условия нормальной жизни, а мы уж позаботимся об остальном. Чтоб рыба не переводилась в наших реках и зверушка в лесу, и сам лес.

- Твои бы слова да Богу в уши, Виталий.

- На бога надейся, да сам не плошай!

- Ну, что же, до следующей встречи, дорогой хозяин. Прибуду контрольным маршрутом.

- Постараемся в грязь лицом не ударить.

- И карту не забывай подновлять - это же летопись вашей жизни.

- Карта никакая не должна застаиваться, а у нас в особенности - готовой экспонат для будущего музея. И детям учиться по ней, и внукам...

- Ну, счастливой сьемки, Виталий Иванович.

- Вам успехов в творческом деле.

- Творчество наше с вашим творчеством должно увязываться.

Мы пожали друг другу руки, как бы скрепляли союз, и я вышел на крыльцо. В глаза ударили мириады ослепительных снежинок - солнце играло уже по-весеннему. Однако морозец щипнул пальцы и в теплых перчатках - зимушка-зима будет еще лютовать не один день. Но несмотря на погодные каверзы, с ближних строек неслось поскрипыванье кранов, ревели двигатели автомашин и бульдозеров, звенели голоса строителей.

Миловидная девушка в полушубке, валенках и ондатровой шапке, естественно, не догадывалась, какие мысли вызвала у мужчины, вышедшего из помещения ее изыскательской партии. Исполнителю-геодезисту во время работы отвлекаться не положено. А девушка, склоняясь над теодолитом, отмахивала пареньку место для мерной рейки. Завтра на плане города должна появиться новая отметка, а в карте малоприметный, но существенный сдвиг.

Теперь в прежних материалах, встречах, делах приходится немало пересматривать, особенно в праздниках, подобных памятному выезду литературного отряда за зиминскую землю и Байкал.

В те золотые кадильные дни с благословения партруководства вся делегация во главе с Робертом Рождественским выехала на славное море тремя теплоходами. В живописной пади на цветущем лугу нас ожидали столы, возвышались бутылки, серебрился омуль, дымились на блюде ломти свежего мяса изюбра... Речи, тосты, пожелания долголетия озеру и его хозяевам отличались литературной отточенностью. До Байкала долетели возбужденные голоса застолья, но

старик в ответ на словеса хмуро плескал в берег осенней волной.

Сегодня, вспоминая тот плеск, я глубоко проникаюсь переменой в сознании Анатолия Абраменка. И отрадно, что эта позиция действенна, она усиливается по принципу моста с двусторонним движением "Зима-Саянск-Прибайкальский парк". Хотя путь здесь ненакатанный, с ухабами, рытвинами , объездами, как Московский тракт. Однако движению по мосту это не помеха - примером тому действия братьев Абраменков.

Анатолий, не забывая ни на день о брате, договорился буквально поверх границ как мастер-радиолюбитель о проведении престижного авторалли "Кэмел трофи-90" под эгидой Прибайкальского национального парка. Директор парка с сибирским радушием пригласил прямо из аэропорта шефа автопробега Лаина Чапмена на импровизированный полигон зеленый поймы Большой Речки.

На испытаниях я и сам, несмотря на хромоту после перелома бедра, удостоился места в "Ленд-ровере". Моя просьба была удовлетворена по личному указанию директора "Кэмел трофи".

С неостывающей улыбкой на энергичном лице спортсмена Чапмен быстро сориентировался в болотистой перекрытой долине, и золотистые жуковидные "Ленд-роверы" полезли в воду, начали штурмовать галечные отвалы, взревели моторы на компьютерных режимах в болотистой колее. Шоферы из разных стран вели машины по сибирскому бездорожью, испытывая на прочность себя и технику, после чего последовал вывод: "Здесь будет посложней, чем на Амазонии". Но Абраменку на этих "дорогах" было привычно, и он вскоре повел караван с главного старта на правах проводника, участника и посредника при встречах иностранцев с сибиряками.

За подобные услуги фирме полагается платить, и парк по договору должен был получить от "Кемел" два "Ленд-ровера". Неискушенные в международном праве сибиряки чуть не остались с носом, когда после пробега ловкач Чапмен стал загонять в зафрахтованный "Антей" все свои машины. Даже москвич Михаил Прянишников следил в аэропорту за энергичной загрузкой, раскрыв рот, хотя в кармане у него был контракт, по которому два автомобиля передавались парку.

Хорошо, Абраменок догадался в этот момент позвонить мне: что делать? Я сообразил - машины улетают, потом их не дождаться, как привета из туманного Альбиона, и пошел ва-банк. Сославшись на аторитет своего брата Юрия Николаевича, юриста со стажем, я закричал в телефонную трубку:

- Прокалывайте скаты у последних машин, чтоб остались на месте!

- Есть, прокалывать, шеф! - донеслось из аэропорта, и я понял, что мой мрачный юмор должен возыметь действие.

Во всяком случае, вскоре Абраменок пригласил меня в поездку на "Ленд-ровере" в родной Сарам. Мое заживающее после травмы бедро выдержало восемьсот километров в оба конца на этой добротной машине с гидравлическими рессорами. Прихватив в Саянске Анатолия Абраменка, мы добрались до родного дома-кордона братьев, съездили к месту гибели их отца вверх по бурной Оке и пробились к первому прижиму-отвесу, у подножия которого начинается вьючная тропа в Монголию.

Провожая нас в обратный путь, растроганная старожилка захиревшего Сарама тетя Сима твердила: "Хоть раз за лето людей повстреча-

ли, а то к нам теперича ездиют говны да говны..."

Петр Абраменок долго и понимающе повторял слова старой соседки. Люди подобного сорта наезжали теперь в Предсаянье из индустриальной "жилухи", чтобы поживиться дарами тайги, гор, рек, оставив после себя полный разор. С ними начиналась борьба в парке, но Петру хотелось, как Антею, оттолкнуться в длительной схватке от родной земли.

А земля эта сама взывала о помощи. Это мы увидели с первого же шага по Зиме, в последующем все подтверждалось и в окрестных деревнях, и на проселочных дорогах, и на полях.

При содействии главы администрации района Петра Ниолаевича Карачуна и его заместителя Галины Петровны Самсоновой, по-сибирски солидной и деловитой, мы разъехались по окрестностям, чтобы подновить впечатления о его жизни.

Меня знакомил с сегодняшним состоянием дел председатель Услонского сельсовета Павел Дмитриевич Кренделев, инженер-механизатор, который лихо вел "Жигули" по знакомым дорогам, автоматически тормозя перед выбоинами. С 1954 года рождения, Павел Дмитриевич как сибирский сельский житель окончил Иркутский сельскохозяйственный институт, успел поработать в Жигаловском северном районе рискованного земледелия и с основательным опытом осел в Мордино, где сейчас у него хватает забот и с семьей, и с прежней работой в мехпарке, и с теперешней должностью предсельсовета, на которую, как он считает, выдвинули и избрали экспромтом. Темноглазый, порывистый и доверительный, мой шеф сам обостренно воспринимал все нарушения в хозяйстве Зиминского совхоза, своего родного хозяйства, вызванных индустриальным соседством. По его невеселым наблюдениям получалось, что все пять отделений ведущего в районе хозяйства угнетены выбросами химзавода, его электростанцией и подсобных производств. Все вредное воздействие индустриальных мощностей - без существенных компенсаций со стороны минхимпрома. На плодородных землях совхоза выстроен не только сам химический левиофан, но и немалые гектары отошли под асфальтный завод, щебеночное предприятие, гравийный карьер, даже труба сброса промстоков в Оку отняла солидную полосу районной земли.

- Большой остров на Оке и тот правдами и неправдами оккупировали дачники из Саянска, - кивал на дачный городок в оснеженной пойме реки Кренделев. - А там раньше паслось стадо в три тысячи голов. Да что там остров, когда в хиреющих деревнях горожане захватывают избы под дачи – крестьянину прямой разврат.

- Ну и как вы противостоите всему этому нашествию? - осведомился я.

- Пока исхитряемся держаться, - ответил председатель. - Но надоело в склоках и тяжбах погрязать. Сейчас вот директор химзавода Емельянов отказался платить району за соль, главное наше ископаемое - мол, будем возить из Тыреги-дешевле. На чем выгадывает, на ком?! Мы спортзал не можем достроить, Дом культуры. Позор-браки регистрируем в захудалом помещении нашего сельсовета, а химики на нас, как на чужаков, смотрят и посмеиваются. Хорошо, у нас директор Михаил Степанович Гантимуров опытный хозяйственник, хоть пенсионер, а любому молодому сто очков форы выдаст. Читал, наверно, в этом году саранча пожрала траву на покосах. Так наш

Степаныч успел зеленку высеять и - удачно! Вот наше Мордино и держится за счет таких людей, как Гантимуров, да еще управляющий третьим отделением Павел Михайлович Саблин - тоже в годах, но предан земле до последней жилки. А преданность, она себя везде оправдывает.

- У меня впечатление, что вам есть куда расширяться, - заметил я. - Такие просторы по Оке, до самых Саян...

- Это называется: жену отдай дяде, а сам иди к тете, - усмехнулся мой сопроводитель. -На новом месте какие нужно вложить капиталы, пока хозяйство отладишь! А главное - земля тут ухоженная не одним поколением, фермы, рембаза, коммуникации... Правда, жизнь все равно заставляет передвигаться вверх по Оке. Уже в Карманово кое-какую базу обосновали, школу построили, Клюквенное болото осушили, табунок коней развели, фермеров зазываем... Да вот опять беда - стареет крестьянин, наша опора, а молодежь уходит на завод, к родным избам возвращаются уже как дачники в лучшем случае...

По-стариковски сгорбившись над баранкой, Павел Дмитриевич сообщил, что едем мы сейчас как раз в брошенную деревню Подгорное-2, где доживают свой век восемнадцать старушек и один фронтовик Константин Яковлевич Рютин по прозванью Староста. Дачники на зиму ра зъехались, и единственный мужчина помогает старухам по хозяйству. У самого же Рютина есть сын, но приезжает он к отцу раз в несколько лет!

- Хлебом хоть обеспечиваются сторожилы? - спросил я, окинув взглядом черную на первом снегу деревушку, в которую мы въезжали.

- Магазин пришлось закрыть за нерентабельностью, - вздохнул председатель сельсовета. - Но автолавку посылаем сюда регулярно. Вот телефонную связь никак не удается установить. Тянули связисты через Подгорное кабель, да как раз тут и бросили... Возле дома Старосты вот, полюбуйся. Кренделев затормозил у избы, возле которой вился конец кабеля в черной обмотке. На шум машины тут же вышел из ворот престарелый хозяин, у которого штаны трогательно держались на одной подтяжке. Повоенному вытянувшись перед начальстом, Рютин стал докладывать, как живут соседки, кто чем болеет, какая кому нужна помощь. Наконец, председатель мягким жестом остановил старика.

- Помощь окажем, не забудем, Яковлевич. И связь наладим, а вы тут держитесь стручками.

- Есть держаться, товарищ командир, однако отпили бы чайку с дороги.

- Время поджимает, Староста дорогой, в Самару надо успеть провести там День пожилого человека. У вас праздник прошел по уму, та деревня тоже заработала этот День.

- Что же, дело хорошее - старушек ихних побаловать, мужичков... Их осталось то в Самаре сколь, моих годков?

- Мало осталось, но поздравить надо как следует, Яковлевич. Позже положенного, да у них в законную пору уборочная не дала - рабочая ведь деревня.

- Ну и с богом, Павел Дмитрич!

И мы с шустрым Кренделевым снова понеслись по дорогам через вспаханные поля под искристым снегом, вдоль щетинистой стерни со стогами соломы, над которыми горделиво высились опоры ЛЭП, мимо сиротливых остовов-сенников, дани сельскохозяйственных

увлечений бывшего первого секретаря обкома, по перелескам широкой поймы Оки. Тут уж я вспомнил, как ехали мы с Абраменками два года назад по этой дороге в Сарам, рассказал, как подружился с братьями и теперь привязан к ним узами человеческой, природоохранной и творческой дружбы.

Павел Дмитриевич слышал о братьях, знал о Прибайкальском природном парке и принялся с пристрастием расспрашивать меня о состоянии дел в природоохранной зоне.

Пришлось признаться, что на том фронте директору Абраменку никак не легче, нежели было в Зиме. Только гуманная идея перебросить накопленный опыт научно-культурного общения с природной поддерживает его в трудный час, не дает опустить руки, заставляет искать союзников.

А в напряженке будней, по моим наблюдениям, сам генеральный директор, как когда-то в Зиме, не успевал встречать проверочные комиссии по "жалобам трудящихся". Те жалобы писали вороватые кладовщики, сачки-краснобаи, шарлатаны-травники, шоферы с левацкими наклонностями, егери-пьянчуги и хапуги - все, кого не принял или уволил директор по несовместимости с уставом и моралью полузаповедного предприятия. Главное же - за спинами этих "говнов" маячили фигуры областного значения, которых не устраивает щепетильный Абраменок до сих пор. Фигуры издавна привыкли относиться к прибайкальским гольцам как к охотничьим угодьям для избранных. Сейчас же пришли аппетиты на землю для дач, баз и профилакториев у представителей Иркутского, Слюдянского районов, Иркутскэнерго... Естественно, претендентов на заповедные распадки может устроить лишь тот посвойски подготовленный директор, который втихаря привязывает к дереву изюбра и не слышит выстрелов из номенклатурного оружия, вплоть до пулеметов.

Но Петр Абраменок пока на страже своей подковы, границы которой лишь недавно очерчены на областном уровне - вопреки промохотничьим и лесозаготовительным интересам.

Вот к запросам местного населения Абраменок относится с большим пониманием, стараясь найти общий язык и руку дружбы.

Так, по сигналу из Онгурен весной 1991 года перед днем Победы, мы с директором снова загрузились в вездеход и направились к северной оконечности парковской подковы, к поселку Онгурен, что за четыреста километров кружного пути от Иркутска.

На этот раз я меньше всего думал о своем травмированном бедре - даже кривая колея по необозримому валунному устью Сармы благодаря мастеру баранки Валерию Колесникову, была пройдена сравнительно спокойно. А валунное поле с редкими деревьями так и просилось в объектив японской кинокамеры в руках моего шефа. К вечеру в космах туманной пурги дорога закрутилась по гольцам - один внушительнее другого. Сверху было видно, какие разводы отделяют ледяные поля Малого моря от берега. Но для многочисленного племени рыболовов вода не являлась преградой - любители преодолели ее и сосредоточенно бормашили омуля в лунках, пробитых в толще голубавато-зеленого льда. Абраменок объяснил мне, что на ловлю омуля проиезжают не только из Иркутска, Ангарска, Усолья, но даже из Зимы.

А наш "Ленд-ровер" с утробным ревом продолжал преодолевать скальные кручи, промерять колесами глубину оттайки марей на скло-

нах и и скатываться в болотистые распадки. В прибрежных заводях мы видели стаки уток, парочки турпанов и серо-белых чаек. В свете фар перед нами побегал изюбр, прошмыгнули козы и пометался заяц. Мы останавливались пить воду из целебного священного источника Аршан, усеянного монетками бурятских подношений, сами жертвовали мелочь бурхану на высоком перевале и сбивались с пути недалеко от селеньица Зама.

Въехали мы в темный Онгурен поздней ночью, когда уже не работала дизельная электростанция. Но огонек в лесничестве теплился - нас ожидал лесничий - Юрий Иринчинов, круглолицый, румяный, в очках, по-бурятски спокойный и по-джентльменски сдержанный.

Однако после позднего ужина Иринчинов учтиво предупредил, с какими заботами завтра обратится к Абраменку председатель поссовета Наталья Николаевна Музеева. Проблем хватало в этом поселке, оказавшемся на территории парка. Требовалася отсыпка улиц, ремонт школы, возведение нового здания электростанции, участие в тяжбе с соседствующим Байкало-Ленским заповедником по возвращению выпасов, разрешение на заготовку древесины... "С детства знакомые вопросы и запросы, - пошутил директор на сон грядущий. - Приснились бы подходящие ответы".

Засыпали мы под грузом задачек, которые назавтра, по словам Абраменка, должны были с каждым шагом обрастать, как снежный ком.

Он и разрастался, этот большой ком проблем и забот маленького поселка, в следующий день нашего пребывания в сказочном Онгурене, потом в Кочерикове и на границе с Байкало-Ленским заповедником у кордона "Берег бурых медведей". Но уезжали мы из этого угла с твердой увереностью поддержки политики парка местным населением. Эту уверенность подкрепил в нас в Еланцах Александр Петрович Матапов, пригласив в свой хлебосольный дом на чашку чая под омулек. Какая-то сердечная земляческая струна и ощущенеие важности общего дела притягивали людей к Петру Петровичу, как его самого к добрым сигналам и откровениям.

Это цементирующее ощущение утвердилось у меня окончательно осенью на сборе егерей и лесничих в пади Кадильной. Здесь я встретил Юрия Иринчинова, Анатолия Румянцева, Олега Музеева, познакомился с хозяевами базы Виктором Ниловым и Андреем Кузьминчуком. К радости парней, мы пригласили на встречу нашего друга композитора-песенника Валерия Стукова с гитарой, и это сразу придало сходу неказенный настрой. Стуков дружил с Абраменком еще с зиминских времен, написал песню к годовщие химлесхоза и теперь был здесь почетным гостем.

Сама Кадильная встертила нас во всем своем осеннем великолепии: белые выходы мраморов резко выделялись на фоне еще зеленых лугов, по которым были разбросаны багровые куртины курильского чая. Поодаль от байкальского уреза под соснами еще сохранился павильон для пиршеств на вольном воздухе. Однако со времени нашего литературного вояжа сюда в 1976 году прибавилось строений, над главным коттеджем засверкала германиевыми квадратиками панель солнечной батареи, которую установили американцы в дар национальному парку. Но может быть, самым замечательным даром гостю была здесь баня, жаркая, душистая, с купанием в прибрежной волне и разговорным отдыхом просторном предбаннике.

Так, итоговый сход байкальских рейнджеров и завершался самым непосредственным образом в сибирской бане. После шутливого позирования перед японской камерой директора заговорили о приеме иностранных визитеров в будущем сезоне, максимальной отдаче от такого общения, совместных усилиях во имя сохранения Байкала и побережья. Абраменок не скрывал, что в Иркутске появились сверх-патриоты, которые подозревают иностранцев в попытках использовать в своих интересах воды священного моря. Тут же директор напомнил, как вписывал звуки Байкала в свои экологические мелодии американский композитор Пол Винтер, отчего озеру и человечеству никакого урона, только польза. И даже в смысле питания вегетарианская команда Винтера оставила после себя проблему: чем кормить в дальнейшем подобных приверженцев фруктов, бобов, зелени и репы?

- И воду в своих флягах они не растащут по заграницам, - заверил Абраменок.

- Лучше отравить, но самим, - ввернул кто-то.

Иронический смешок хлестнул вдоль деревянных стен, подпертых голыми крепкими плечами парковских ребят.

- К общению с иностранцами, однако, непривычные мы, - последовал возглас, - как обращаться с ними, Петр Петрович, без знания языка?

- По-человечески, - живо откликнулся Абраменок. - Как в том случае с мужем и нерадивой женой...

И директор напомнил старый анекдот, где работяга-муж был доведен до отчаяния лахудрой-женой из-за непорядка, раскардаша и грязи в доме. Хозяин решил покончить с такой жизнью, замаяв жену досмерти. Маял ее всю ночь, пока она не затихла, бездыханная... Каково же было его удивление, когда он после работы застал в доме идеальный порядок, а на столе между графинчиком и закуской записку: "Ты со мной по-человечески, я с тобой тоже. Скоро приду из парикмахерской."

Смех из предбанника вырвался наружу, переполошив собак. Но вскоре пестрые лайки улеглись, заслышав песню под гитарный подзвон:

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты...

Отрадно, когда суету нашей плохо устроенной жизни облагодарит живительный уголок природы, отогреет русская баня, остановит накат здорового смеха, а то и отодвинет задушевная песня. Сразу меркнут проблемы, большие и малые. Во всяком случае, они перестают казаться неразрешимы, вражеские интриги непредолимыми и личная жизнь несложившейся. Об этом как раз пел Стуков песню на слова Николая Рубцова:

За нами шум и пыльные хвосты -
Все улеглось! Одно осталось ясно -
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Не забыли мы тогда и зиминское сочинение, в котором был заложен бесхитростный мотив и простые слова:

Здесь родные поля
И бригада моя,
И Ока, как скобелка стальная...

Сейчас Павел Дмитриевич весело подпел мне, посигналил неторопким коровам на дороге и сообщил, что в Самаре справное

хозяйство, сегодня стариков следует побаловать по хорошему завершению года, а уж они в долгу не останутся - споют не хуже иного профессионального ансамбля.

Действительно, деревня с громким названием Самара хорошо расположилась на излучине Оки. Она производила впечатление справной, опрятной, ухоженной, квартальчик коттеджей на две семьи приятно вписывался в деревянный застрой. И Дом культуры отвечал размерами, чистотой и добротностью даже требовательному городскому глазу. Когда же нам показали музейный "этнографический уголок" с предметами крестьянского быта, самоварами, домотканными ковриками и прялками, мы испытали прилив ностальгической нежности. А педагог-кружковец Тамара Ивановна Пьянкова с особой гордостью покрутила колеса двух новеньких прялок, отливающих лаком. По ее словам, прялки были изготовлены местным любителем старины для кружка "Умелые руки" при Доме культуры. И умелые руки школьниц уже спряли клубочки шерстяных ниток, которые тут же были показаны нам.

А потом хозяйки Дома культуры во главе с заведующей Людмилой Яковлевной Проданюк показывали приглашенным пожилым односельчанам своеобразный КВН. Четыре немолодых конкурсантки выполняли разные задания под смех, аплодисменты и подсказки зала. Женщинам приходилось разгадывать загадки, разыгрывать небольшие сценки, петь частушки, вспомнить заставили их колыбельные песни, заплести девчушкам косы и предъявить строгому жюри блюда собственного приготовления. В итоге первое место завоевала искрометная Татьяна Пьянкова, остальные участницы веселой самодеятельности тоже не остались без призов.

После КВН пригласили в столовую через дорогу, и здесь веселье стало общим, застольным и хлебосольным. Хотя у меня печальной мысли о диспропорции между мужчинами и женщинами и в обильном застолье не убавилось: мужчин оказалось здесь всего пятеро.

Правда, доярки, скотницы, многие уже бывшие, не отстали от мужчин в потреблении угощенья, по-сибирски выпили по чарке-другой и слаженно запели старинные песни.

Я же в перерывах между песнями разговорился с ближним кряжистым мужичком, как оказалось, чувашом по национальности, работающим пенсионерам, механизатором Алексеем Александровичем Ежовым. И он на вопрос о малочисленности мужского населения в сегодняшнем торжественном сборе, где сам Кренделев выдавал денежные премии конвертах, со вздохом ответил:

- Многие старики лежат дома с разными болезнями, а которые из моих годков уж и на погосте: шофер да механизатор - профессии недолгожительные, все на ветру, морозе зимой, а летом тоже перегрузки, как у космонавтов. Мне, считаю, повезло с женой - она проявляла усиленный контроль надо мной: поесть вовремя организует, отдохнуть даст, дома по хозяйству сама прежде мужа успеет, детишек подняла на крепкие ноги, внуков сейчас пестует... Вон моя Надежда Александра, которая запевает...

- Поет в самом деле на самобытном уровне, - признал я к вящему удовольствию не только Ежова, но и худрука Глотовой, методиста Гавриловой, молодых хозяек столовой,

Голосисто запевала женщина с моложавым лицом, по которому нельзя было бы угадать, что у них с мужем Алексеем Александровичем шестеро детей и тринадцать внуков. Когда Ежов сообщил мне об этом немалом счете, я вспомнил о новых прялках в Доме культуры, подумал о том, что дети возле этих нехитрых станков к дурному не потянутся, а будут прясть добрые и крепкие нити своей судьбы. На эти мысли вслух Ежов ответил мне с мягкой иронией:

- Если мамкиным молоком не воспитаешься, козлиным молоком не воспитаешь.

Эту мудрость повторил я в машине Кренделеву на обратном пути в Зиму. И Павел Дмитриевич, как бы в знак глубокого согласия кивая светом фар на колдобинках, сказал:

- А отравленным молоком во что их превратишь, наших детей?

- Похоже, чем удаленнее от индустрии хозяйство, тем здоровее сам дух народа, - отметил я, вновь улавливая запах химии на подъезде к Зиме. - И все же, Павел Дмитриевич, согласись, что бойцы за чистоту земли у вас есть. Будет что передать и твоим ребятишкам на ниве природоохраны. И не только прялки музейного образца, но и компьютеры высокого класса.

- Твои бы слова, как говорится, богу в уши, - просиял Кренделев, останавливая машину у привокзальной гостиницы. - Наверное история Зимы не кончится на четверти тысячелетия! И то соображаю - фермер зря не станет горбатиться на бесперспективной земле. А у нас частное хозяйство набирает число и силу. Взять Нину Ивановну Рассоху с ее свиноооткормкой в селе Перевоз, все у нее серьезно поставлено там: миниферма с навозоудалением, подстанция, трактор. В Приозерном хозяйничают братья Толстовы - у них восемнадцать гектров земли, считай свое озеро, на котором, как пух, гуси, утки. В Рубцово тоже крестьянское семейство разводит крупный рогатый скот... Короче, хотелось бы все показать, чтобы у вашей бригады не осталось совсем уж тягостного впечатления о нашем крае, да короток нынешний денек.

- Не первый и не последний день мы у вас, - заверил я, по-дружески пожал руку Павла Дмириевича и вышел из его трудовых "Жигулей" на крепчающий морозец под освещенные окна гостиницы - общежития.

Прощальное слово мое не разошлось с делом: уже через несколько дней мы прибыли на зиминскую землю с Петром Петровичем Абраменком и кандидатом биологических наук, доцентом, заведующим кафедрой биологии зверей факультета охотоведения Иркутского сельхозинститута Петром Петровичем Наумовым.

На этот раз мы везли в "Волге" американский компьютер в вычислительный центр Саянска, где работал Анатолий Абраменок. Забарахливший компьютер, подарок американских экологов, в иркутской мастерской отремонтировать не смогли и даже вернули в разобранном виде. А в память машины еще следовало с помощью разработок Наумова заложить непростую программу по экологической защите Прибайкальского парка. Эту задачу, как и ремонт компьютера, Петр, намаявшись с машиной в Иркутске, доверял теперь только брату, признанному специалисту акционерного объединения "Восток" при министерстве Атоммаш, известному далеко за пределами Сибири благодаря своему уровню программирования и решения многоцелевых задач.

В дороге, придерживая блоки компьютера, я рассказал о недавнем посещении, нынешнем уровне "зиминского противостояния" и воспроизвел свою мысль о прялках и компьютерах. Получалось с нашей теперешней поездкой прямо в масть - наша счетная машина предназначалась на дальнюю перспективу взаимодействия человека с природой, землей, воздухом, животным миром.

Моложавый, видный, источающий обаяние Наумов заметил:

- Нам важно сейчас добиться исполнения программы на плацдарме парка, потом мы выйдем на просторы. Все будет расписано в компьютерной памяти по полочкам: это можно, здесь нельзя, в этом направлении развивай такую-то отрасль, а сюда не суйся ни с каким бредом!

- Так в сказке на развилке дорог перед богатырем, - усмехнулся я. - Влево пойдешь - коня потеряешь, прямо попрешь - свою голову оставишь, вправо поскачешь - кричи "караул".

- Нет, у нас как раз будет разработан оптимальной и благотворный путь развития любой территории, - погладил клавиши прибора Наумов.

- А не рано ли пташечка запела? - усомнился я, косясь на матовый экран дисплея.

- Кому-то первому и надо запевать, - резко бросил спереди Абраменок, - кому, как не нам? Разве Зима не посылает сигналы СОС!

Как раз мы въехали на темные улочки старого города, и я ощутил эти сигналы всем умом, сердцем, душой. Кажется, шофер Коля стремился и сам побыстрее уйти на тракт, ведущий в обильную россыпь огней Саянска. И в этой праздничной россыпи мы быстро нашли нужные ряды освещенных окон вычислительного центра. Радушные хозяева в рабочих халатах встретили нас в просторном фойе.

Рабочий день уже кончился, но нас приветствовали самые главные люди "Востока": кроме Анатолия Абраменка, начальник центра Борис Сергеевич Предунец, главный инженер Иван Анатольевич Шипицын и помощница по приему обаятельная математик Татьяна Дмитриевна. Представительные хозяева заключили нас в дружеские объятия, повели в главный кабинет и захлопотали над чайными чашками, чтобы угостить нас с дороги легким ужином. И разговор наш сквозь шутки-прибаутки с места в карьер приобрел деловое направление. Посверкивая очками, начальник и главный инженер стали расспрашивать Наумова о деталях программы, которые следовало внести в память машины. Седеющие и лысеющие головы сближались над лакированной столешницей, как бы передавая мозговые импульсы один другому и наперекрест. Некоторым диссонансом врывались возмущенные реплики Анатолия на тот предмет, что иркутские "маэстеры" не смогли наладить машину и ему теперь предстоит черновая работа. Но все понимали, что гнев Абраменка-старшего был напускным, Анатолий слегка набивал себе цену на этом летучем совещании. "Живем вроде в глубинке, - говорили его смеющиеся глаза, - но и областному центру кое в чем утрем нос, а то и кому выше..."

Слушая сослуживца, коллеги только посмеивались, мы же готовы были поднимать тост за каждого из этих профессионалов, патриотов своего края, немного "чокнутых" на своем электронно-счетном деле.

Наконец, к полуночи штабное наше совещание закончилось общим согласием и завершающим то-

стом. Завершение касалось трактовки слова "экология", его перевода с греческого. "Наука о доме" прозвучало здесь с особым смыслом.

- Поздновато, друзья, - заключил Петр Абраменок, - а нам надо сегодня добраться до Зимы - мама ждет. Не заснет ведь старушка, до утра будет бодрствовать, переживать.

- Что ж, счастливого пути, - закивали кибернетики. - А мы еще чуток посидим, помозгуем. Зима ждет и нас с нашей работой, город и его окрестности.

Старый город посылал нам свои сигналы, как терпящий бедствие корабль, который однако боролся за плавучесть и жизнестойкость.

Иркутск, 1993 год.

Алексанр Селянинов

Тайная сила масонства*

IY.

Современные масоны не только признают, что революция произведена ложами, но даже, хвастая, гордятся этим.

Однако, масса официальных документов доказывает, что масоны времен реставрации Бурбонов отреклись от революции, затем постепенно перестали говорить о ней, а потом начали с большою осторожностью снова возвращаться к революционной пропаганде, правда, по преимуществу в отвлеченных рассуждениях. В 1848 году масонство сделало более решительный шаг вперед: оно создало ореол вокруг так называемых "бессмертных принципов 1789 года", стараясь отделить их от кровавых убийств 1792,93 и 94 годов; злодейства были объяснены простою случайностью, происшедшей вследствие неизбежного столкновения "стихий" при всяком перевороте, и затем были мало по малу преданы забвению. Остались одни лишь "бессмертные принципы". Подобным образом удалось снять с революции ее окровавленные покровы и заменить их белоснежной идеальной пеленой непорочной чистоты. И только, когда общественные симпатии были таким образом по возможности обращены в сторону революции, решились масоны открыто приписать ее себе, но подразумевая при этом одну лишь "революцию 89-го года" и умывая руки в убийствах последующих годов. Что за время реставрации они отреклись от революции, вполне понятно, но странно, почему они так долго не решались признать своего славного детища, когда культ революционной идеи давно уже был создан?

Дело в том, что революция есть лишь начало в осуществлении плана, лежащего в основе деятельности той скрытой тайной силы, о которой мы говорим все время и которая незримо для самых масонов управляет ими и направляет их. Поэтому и важно, чтобы масонские действия были бы также насколько возможно сокрыты пока, выражаясь символическим жаргоном лож, "великое дело" не будет закончено. Ведь революцию удалось осуществить только благодаря тому, что Франция не знала об истинных намерениях людей, которые ее вели, и не знала, что они составляют политическую организацию.

---

* Продолжение. Начало см. № 4-5 Сибирь 1993 г.

В этом отношении интересно свидетельство масона Мирабо, приведенное масоном Мармонтелем.

"Стоит ли нам бояться несочувствия большей части населения, которое не знает истинных наших намерений и не расположено придти к нам на помощь? Сидя у своего очага, в своих кабинетах, конторах, промышленных заведениях, большинство обывателей, домоседов, может быть, найдут наши планы слишком смелыми, ибо они могут потревожить их покой и их интересы. Но если они даже и будут порицать нас, то сделают это робко, без шума. К тому же, разве нация может знать сама, чего она желает? Ее заставят желать, заставят говорить то, о чем она даже никогда и не помышляла. Нация - это большое стадо, которое стремится только пастись; пастухи с помощью верных собак ведут ее, куда хотят".

Если бы эти рассуждения были более известны, они могли бы внушить народу некоорые подозрения в смысле истинных намерений созидателей революции.

Но и сам Мирабо не знал, что, несмотря на весь свой ум, он являлся лишь той самой дрессированной собакой, о которой говорил, и что его направляют невидимые пастухи, чтобы заставить стадо идти, куда они желают. Он воображал, что сам строит планы, а в действительности лишь разрабатывал то, что ему внушалось. Слишком поздно узнал он, что революция заходит дальше того, что ему обещали "временно вручившие ему власть над непосвященным миром", он хотел остановиться и удержать остальных, но это оказалось уже невозможным, ибо с этого момента его воля становилась наперекор воле истинного хозяина, и он должен был погибнуть.

Вторая причина того, что масонам нельзя особенно выставлять на показ роль, которую играют они в революции, заключается в том, что роль эта не столь уже блестяща, как кажется. Направляющая масонов тайная сила это знает и остерегется, чтобы некоторые ее "секреты", тщательно до сих полр скрываемые, не всплыли в один прекрасный день наружу. Чтобы преодолеть равнодушие и даже сопротивление французской нации, двинуть Францию за вожаками, масонам пришлось обдумать, поготовить и выполнять ряд кровавых преступлений. [1)]

В "Истории революции" Бертран де Моллеваль пишет: "Мирабо еще до открытия генеральных штатов участвовал во многих тайных обществах. И вот в своих беседах с господином де Монморен а также с королем и королевою Мирабо открыл им некоторые тайны, дающие ключ к важным событиям, до сих пор приписываемым случайности. Так, своевременно предупредил он их, что система террора была уже разработана филантропическою группою.

"Собрания происходили у герцога де Ларошфукс и в домике герцога Авмонтского близ Версаля 1). Непосредственная разработка планов была поручена Адриену Дюпору, знатоку исторических революционных движений с древнейших времен. Им был составлен меморандум, которым он очертил характер государей Европы, разобрал суть их политики и доказал, что ни один из них не будет препятствовать готовящейся во Франции революции. Для ее же осуществления предложил он план, который по его словам давно был предме-

---

[1)] См. Копин-Альбанселли "Власть оккультизма", стр.324-331.

том его размышлений. Основные положения этого плана оказались те же самые, которые в последствии были приняты в конституции 1791 года. После долгих прений Мирабо наконец обратился к нему со словами: "но вы не указываете способов для выполнения этого широкого плана". "Вы правы; о способах я еще не говорил, - ответил Дюпор с глубоким вздохом, - я много думал...., я знаю несколько верхных способов, но все они такого характера, что я содрогался при одной мысли о них и не решался вас посвятить. Но раз вы одобряете весь мой план и убеждены, что принять его необходимо, ибо другого пути для обеспечения успеха революции и спасения отечества нет, то только посредством террора можно встать во главе революции и управлять ею... Как бы нам ни было это противно, придется пожертвовать некотрыми известными особами...." Этим он намекал, что первою жертвою должен был стать Фулон, ибо за последнее время гворили о назначении его на пост министра финансов; затем таким же оброазом Дюпор указал на парижского "управителя" (т.е.градоначальника): "слышится общий протест против управителей; они могут серьезно помешать осуществлению революции в провинциях... господин Бертье ненавидим всеми: его смерти нельзя препятствовать;2) это запугивает других управителей, и они станут мягки, как воск". Герцог Ларошфуко был поражен рассуждениями Дюпора, но, подобно прочим членам комитета, принял и план, и способы его выполнения. Согласные этому плану инструкции даны были "комитету восстания", который был уже организован и в котором принимал участие Дюпор. Вскоре последовало и выполнение: были убиты Делонэ, Флессель, Фулон и Бертье. Их головы, поднятые на копьях, были первыми трофеями этого "филантропического" заговора".

1. Это были собрания масонской ложи "соединенных друзей".

2. В действительности дело заключалось в том, что Фулон и Бертье согласились участвовать в министерстве, но обьявили королю о необходимости арестовать вожаков "великого востока". Последние об этом узнали и приговорили их к смерти. См.Барон. "Тайные общества", с.291.

V.

А вот еще слова Мирабо, приводимые Мармонтелем.

"Только деньги и надежда пограбить имеют власть над этим народом!" Мы только что это испробовали в Сент-Антуанском предместье. Право, нельзя поверить, как легко было герцогу Орлеанскому разграбить мануфактуру несчастного Ревельона, который кормил сотни семей в среде того же народа..." Далее Мирабо шутливо доказывает, что имея тысячу луи в кармане, можно устроить настоящий бунт.

"Буржуазии необходимо внушить, что она при перемене только выиграет, продолжает Мирабо. - Чтобы поднять буржуазию, существуют могущественные рычаги: деньги, тревожные слухи о неурожаях, голоде, бред ужаса и ненависти, - все это сильно действует на умы. Но буржуазия дает лишь громких трибунных ораторов, и все они - ничто в сравнении с демосфенами, которые за один экю в кабаках, публичных местах, садах, на набережных ведут речи о пожарах, разграбленных деревнях, о потоках крови, о заговорах, о голоде и о разгроме Парижа. Этого требует социальное движение. Разве мож-

но что нибудь сделать с этим народом одними разглагольствованиями о честности и справедливости. порядочные люди всегда слабы и робки; решительны одни только головорезы. Народ во время революции ужасен тем, что нет у него нравственных задерживающих устоев; в чем бороться против людей, для которых все средства хороши?! Тут нельзя говорить о добродетели, ибо для народа она не нужна, а революции необходимо только то, что ей полезно и подходяще: в этом ее основное начало."[1]

„Ко времени отправления депутатов в генеральные штаты масонские ложи в Париже и провинции необыкновенно размножаются, а также изменяется система набора новых братьев. До сих пор народный элемент редко попадает в ложи. Теперь же масоны-наборщики наполняют предместья Сент-Антуан и Сен-Марсо, рассыпаются по городам и всем, основывают ложи, в которых и крестьяне, и рабочие слушают разговоры о равенстве, свободе и народном благе в том смысле, как толкуют эти понятия революционно-масонские идеологи. Герцог Орлеанский призывает в ложи даже солдат французской гвардии, предназначенных брать Бастилию и Версаль. Офицеры гвардейских полков принуждены были выйти из масонских лож, когда увидели там в качестве равных себе сочленов своих подчиненных.

В это время открылось в Париже множество клубов, где шли оживленные толки на политические темы. Составленные в клубах резолюции передавались в "великий восток", а оттуда во все провинциальные ложи. "Мастера стула" этих лож были обязаны уведомлять о получении таких "инструкций", присовокупляя клятву верно и точно исполнять все имеющиеся там предписания. Тем, кого эти приказания пугали или возмущали, оставалось только покинуть масонство. На их места становились более преданные адепты. Приказания следовали одно за другим вплоть до самого открытия генеральных штатов.

День общего восстания был назначен на 14 июля 1789 года. В этот день крики о свободе и равенство были вынесены из масонских лож на улицу. Париж вооружился штыками, пиками, топорами. Бастилия пала. Гонцы, которые понесли эту новость в провинцию, возвратились с известием, что все города и деревни восстали... Знаменательно, что с этого дня уже нет больше лож, нет масонских центров. Теперь масонов можно найти только в разных партиях, городских управлениях и революционных комитетах. Как господствовали они на предвыборных собраниях, так будут господствовать они и в национальном собрании."[2]

Террор, зародившийся в ложе "филантропического" общества, постепенно овладел и генеральными штатами.

"Хотя доступ посторонним в нашу зону (т.е.залу, где заседала третье сословие)", - рассказывает Бальи, - был запрещен, там всегда находилось более шестисот посторонних зрителей, не молчаливых, а весьма деятельных; они смешивались с депутатами, участвовали в голосовании, словом, рядом с нами заседало как бы второе параллельное собрание, которое часто диктовало свою волю первому, т.е. нашему. Они отмечали и записывали имена тех, кто не голосовал по их указке. Эти записи тотчас же пе-

---

1) Копин-Альбанселли. "Власть оккультизма", стр.331-335.

2.) Баррюэль. "Мемуары", т.Y, стр.95-100.

редавались из залы в публику, и люди, носившие взятые в подозрение имена, объявлялись "врагами народа". Проскрипционные списки тут же составлялись, печатались и в тот же вечер в Пале-Рояль получали окончательное утверждение.

"Под подобным открытым, грубым давлением прошли многие декреты, между прочим и тот, по которому штаты провозгласили себя национальным собранием и захватили верховную власть. Накануне этого депутат Малуэ предложил предварительно проверить, на чьей стороне по этому вопросу окажется большинство, но тотчас же был окружен противниками, и какой-то человек из присутствующих бросился на него с криком "молчи, негодный гражданин!" Хотя Малуэ был освобожден, но собрание обуял страх. В результате под влиянием угроз и насилия на другой день на стороне Малуэ оказалось всего девяносто человек, тогда как накануне их было триста. Три дня спустя, во время клятвы один депутат посмел воспротивиться; он подвергся грубым оскорблениям и, чтобы не быть растерзанным толпившейся у входа чернью, принужден был спастись через заднюю дверь. Вследствие такого вмешательства насильников из посторонней публики радикальное меньшинство и не давало ему свободы действий."[1]

YI.

"В последние дни апреля 1789 года через парижские заставы вошло огромное количество всякого сброда".[2]

"С первых чисел мая замечается: что общий облик парижской толпы изменился; к ней добавилось множество иностранцев изо всех стран, в лохмотьях, с большими дубинами в руках; уж один внешний вид их показывал, чего можно было от них ожидать".[3]

Один из депутатов от дворянства, перешедший к третьему сословию, граф Лалли-Толандалль, свидетельствует:

"Уже давно Париж был полон таинственными подстрекателями, которые сыпали деньгами направо и налево. Пришла откуда-то весть, что парижские волнения отозвались не только в соседних городах, но и в отдаленных провинциях. В Сен-Жермен и Пуасси разыгрались кровавые сцены; то же угрожало Понтуажу; стало неладно в Бретани, Нормандии и Бургундии; волнения грозили распространиться во всей Франции. Агенты, очевидно отправленные все из одного центрального места, рыскали по дорогам, городам и деревням, нигде не останавливаясь надолго, били в набат, объявляли то о нашествии иноземных войск, то о появлении разбойников, призывая всюду к оружию. Раздавали деньги. Эта агитация оставляла страшные следы: грабили хлеб, поджигали дома, убивали владельцев".

Мармонтель пишет: "Я видел, как какие-то люди проезжали верхом мимо нас и кричали, что гусары грабят и жгут хлеба, что такая-то деревня горит, другая залита кровью. На самом деле ничего подобного не было, но от страха, ужаса и негодования народ

---

1. Тэн. "Революция". т.I, стр7$,-48

2. Безенваль. Мемуары, т.I, стр.353.

3. Тэн. "Рев", т.I, стр.33.

обезумевал, а это было все, что нужно."[1)]

"ВЭльзасе предъявляли королевский эдикт, в котором было сказано, что всякий сам может чинить суд и расправу; в Зундгау ткач, в голубой ленте выдает себя за принца, второго сына короля; то же происходит в Дофинэ."[2)]

"В Бургундии было напечатано и расклеено, в виде будто бы обязательного постановления, следующее: "по приказанию короля с 1 августа по 1 ноября разрешается поджигать все замки и вешать всякого, кто против этого что-нибудь скажет". В Оверни крестьянам розданы такие же воззвания, в которых сказано: "его величество этого требует". То же самое делалось в Провансе. В Бриньоме грабили кассу сборщика податей при криках: "да здравствует король!"[3)]

В других прокламациях говорится о нашествии врагов, - будто бы на Бретань и Нормандию напали англичане, на Дофинэ - савояры, а испанцы перешли уже Пиренеи. Повсюду всем мерещились иностранные шпионы и предатели. Чтобы еще более подействовать на народ, пустили слух, будто шайки разбойников рыскают по стране, грабя, убивая, поджигая и уничтожая все по пути. Неизвестно окуда появившиеся посланцы распространяли повсюду подобные вести.

"Призыв к бунту против короля не имел бы никакого успеха; даже не удалось бы поднять народ против королевского правительства, как бы непопулярно оно ни было... Главари достигли своего обманом. Они задумали и выполнили необыкновенно смелый план, который сводился к следующему: поднять народ во имя короля против господ: когда господа будут уничтожены, тогда напасть на обессиленный престол и разрушить его". [4)]

"Пока в деревнях близ Лиона говорили, что король разрешил грабить усадьбы вельмож, в окрестностях Бургуена народ возбуждали к беспорядкам тем, что агитаторы говорили: "к нам ворвались савояры: ополчитесь и ожидайте врага!" Испуганное население вооружалось и собиралось в сборных пунктах. Конечно, тревога всегда оказывалась ложной, причем обвиняли во всем вельмож, и разожженные страсти направлялись против них. Большинство населения, вооружившиеся для отражения нападения савояров, шло поджигать и грабить усадьбы".

"Вооружившийся для отражения мнимого врага народ так и остался восставшим и вооруженным, предоставляя собою готовую армию для революции".

После всех этих проведенных исторических свидетельств трудно, кажется, настаивать на мнении, что французская революция была "внезапным взрывом народного воодушевления".

YII.

В 1797 году Сурда прямо называет масонов виновниками террора.

"Посредством масонов распространились в июле 1789 года в один

1. Мармонтель. "Мемуары", т.II, стр.383.

2. Герье "Французская революция 1789-95 гг." стр.95-96

3. Там же, стр.75.

4. Ксавье. "Мемуары". стр.III, IY

и тот же день и час по всему государству слухи о мнимых разбойниках: через масонов установилась всеобщая связь и внимание пожертвований в пользу революционных партий."

Другой очевидец террора аббат Баррюель выражается так же определенно: "Во все время восстания убийцы узнавали друг друга по масонским знакам, коими они обменивались Только зная эти знаки, можно было сойтись с разбойниками и сохранить свою жизнь. Среди убийств палачи протягивали по-масонски руку тем, кто к ним подходил. Один простолюдин мне рассказывал, что палачи подали ему таким образом руку, и как он едва спасся, т.к. не сумел им ответить; другие же, более опытные, были по тому же знаку приветствуемы улыбкою злодеев среди потоков крови." [1)]

Ломбар де Лангр пишет: "Мирабо, Дюмурье, Лепелетье, Ламет, Орлеанский, Дантон, Дюбуа-Крансе, Сийес, Лафайет и масса других адептов заседали ночью в своих капитулах в Рюелее и Пасси; они управляли братьями третьей степени. Благодаря многочисленному разветвлению масонских лож они осуществили в один день и один час "внезапное" восстание 1789 года". [2)]

Следующие строчки также одного из современников, Бутильи де Сент Андре, глубоко знаменательны:

"Тайной, но истинной целью созыва генеральных штатов являлось ниспровержение существующего строя во Франции. Одни только адепты, главы масонства, были посвящены в эту тайну; другие (а их было большинство) думали, что предстояло только уничтожить некоторые злоупотребления и привести в порядок государственные финансы... Чтобы можно было надеяться на помощь народа, надо было внушить ему сознание своей силы, поднять его, вооружить, организовать и восстановить его против существующего порядка... наконец надо было дать ему толчок к выступлению... Чтобы достичь всего этого, недостаточно было толковать народу об отвлеченных учениях, провозглашать народовластие, призывать к "освобождению от оков" и к тому, чтобы броситься на своих "тиранов". Гораздо более действительно было встряхнуть его неожиданным толчком, вложить ему в руки оружие под каким-нибудь правдоподбным предлогом, например!, самозащиты ввиду громадной неизбежной опасности, дабы внезапно захватить общую власть над умами и заставить всех действовать одновременно.

"Это необыкновенное движение, это неожиданное потрясение, заранее тщательно и тайно подготовленное, было предварительно по секрету сообщено масонам каждой провинции... Вспышка произошла 22 июля 1789 года... Я во всю жизнь не забуду этого рокового дня, когда все французы оновременно восстали и вооружилиссь, покорные революционному побуждению, для того, чтобы служить орудием заранее обдуманных крамольных замыслов. Этот роковой день подготовил падение престола и смерть короля". [3)]

Кроме очевидцев о роли масонов во французской революции говорят и факты:

---

1. Баррюель. "Мемуары", 2 изд. 1803, т.Y, стр.134.

2. Лонгре. "Секретные общества в Англии", 1819, стр.180.

3. Бутильи. "Мемуары..." стр.26-29.

1. Мы видим тождество масонских теорий с учением якобинцев, видим тождество их приемов, даже фраз и выражений.

2. Когда король приехал в ратушу, нотабли (все будучи масонами), обнажили шпаги и образовали над его головю "стальную крышу", что являлось масонским салютом; этим они символически показали, что с этого момента король находится во власти их сообщества.

3. В день 20 июня 1792 года королю надели на голову красную шапочку, как делали это при посвящении в степень "жреца" у иллюминатов. [1]

4. Весь праздник в честь богини разума совершался по масонским ритуалам: костюм же первосвященника этого нового культа (Робеспьера) был костюмом "жреца" иллюминатов. [2]

"Масонство выставляет революцию как братское дело, - пишет Копен-Альбанселли, - как светлое усилие, ведущее к освобождению человеческих племен, тогда как в действительности это есть лишь огромный заговор, направленный к тому, чтобы осуществить сокровенные замыслы руководящей самими масонами тайной силы. Эта тайная сила подготовила французскую революцию, она ее произвела, она распространила ее "идеи" по всей Европе и теперь уже стремится закончить ее..."

Однако, если революция произведена масонством, то как же историки этого не заметили и упустили совсем из виду такой имеющий несомненно огромное значение фактор?

Дело в том, что масонство есть тайное общество, постоянно изощряющееся в том, чтобы сокрыть свою деятельность, и поэтому историки, слишком близкие к соыбтиям, легко могли проглядеть, в чем была суть. Только теперь, в исторической, так сказать, перспективе, начинает выясняться настоящая подоплека французского революционного "действа". Но даже и теперь, когда горсть смелых противников масонства с документами в руках твердит о грозящей со стороны этой преступной, как мы видим, организации опасности, большинство общества остается в убеждении о полнейшей безвредности масонства. Можно ли удивляться тому, что мы не знаем политического прошлого масонства, когда оно тщательно, как это делают все преступники, уничтожало следы своего преступления и спряталось за отдельными личностями, которые действовали под его внушением, часто сами того не подозревая.

Те немногие авторы, которые своевременно указывали на политическую деятельность масонства, очутились под запретом и вокруг них был организован заговор молчания. Наоборот, шумно рекламировали тех историков, которые не обнаружили происков масонского сообщества. Аббат Баррюель, на которого мы уже ссылались, как на обличителя масонства в организации террора, был т.о. "замолчан". Его документов никто не оспаривал, но как будто его никто и не сышал; его произведения не читали, потому что все, кто сознательно или бессознательно говорил и действовал по масонским внушениям, распространяли слух, что он сумасшедший...

1. "Посвящаемому в степень жреца надевали на голову шапочку и говорили ему: "надень на себя эту шапочку - она лучше королевской короны" (Макс Думик. "Тайна франк-масонов", стр.98).

2. Макс Думик. "Тайна франк-масонов", стр.111.

После Баррюэля явился протестант Эккерт, затем Дешан и Жане, которые в свою очередь обнародовали груды документов, доказывающих что вся история XIX века планировалась согласно тайным планам масонства, но и это не помогло. [1]

"Благодаря принятым масонством мерам предосторожности до, во время и после революции, т.е. благодаря уничтожению или подмене документов, которые могли бы установить истинный характер и истинное происхождение этой революции, мы уже сто лет живем в историческом заблуждении, обманутые самым реальным образом"... Вся наша история искажена в самых своих источниках и только отсталые или заведомо предубежденные будут верить, что история французской революции произошла так, как описали ее Мишле и его последователи". [2]

YIII.

Луи Блан, будучи масоном (правда, не очень дисциплинированным), в своем сочинении "История Революции" посвящает политической роли масонства французской революции целую главу [3], названную "революционеры-мистики". В виду огромного интереса этой главы приводим перевод ее полностью.

"Франция с некоторого времени имела странный вид... Среди народа появились какие-то тревожные слухи. Говорили, что существуют какие-то люди, связанные между собою страшными клятвами, преследующие темные цели, обладающие тайнами более ценными, чем все сокровища мира, и имеющие чудодейственную власть... В действительности эти люди, представляясь, будто они углублены в изученеи таинственных наук, делали это лишь с целью обмануть надзор властей и усыпить опасения правительства; они окружили себя таинственностью только для того, чтобы легче увлечь за собою легковерную, падкую до всего чудесного толпу: главы их были апостолами революции; они сыпали золотом направо и налево, подготовляя свою революционную пропаганду: все думали, что это золото добывается в магических колбах, в действительности же оно исходило из центральной кассы, питаемой тайными систематическими взносами заговорщиков...

Следует ввести читателя в ту яму, которую рыла под алтарями и престолами группа революционеров, гораздо более глубоких и деятельных, чем энциклопедисты. Представьте себе сообщество людей разных стран, разных верований, разных сословий: они связаны между собою символическими совместными ритуалами, обязаны под присягою нерушимо хранить тайну внутренней их организации; они подвергаются испытаниям, занимаются в таинственных собраниях мистическими церемониями, а в то же время и благотворительностью и держат себя разными друг другу, хотя и разделены на три разряда: учеников, товарищей и мастеров. Это и есть масонство, - то таинственное учреждение, которое некоторые связывают с древними египетскими мистериями, а

---

1. Копен-Альбанселли. "Власть оккультизма", стр.302-305.

2. Там же, стр.321,322.

3. Том III, гл.3.

другие относят к братству строителей, образованному в III веке.

Накануне французской революции масонство оказалось распространенным весьма значительно по всей Европе. Оно соответствовало мечтательному строю мыслей Германии, глухо волновало Францию и повсюду являлось образцом общества, построенного на началах, противоположных основам тогдашнего гражданского общежития.

В масонских ложах были исключены все притязания наследственного достоинства и устранены все привилегии по рождению. Когда неофит при посвящении входил в "горницу размышлений", то на стенах, украшенных погребальными эмблемами, он читал характерную надпись: "если человеческие отличия тебе дороги, - уйди: тебе не место здесь!" Затем из речи оратора он узнавал, что цель масонства есть уничтожение различия сословий, положений, отечества, фанатизма и искоренение вражды между нациями; все это выражалось в аллегории невещественного храма, сооруженного мудрецами разных стран Великому Строителю Вселенной, причем колонны храма были увенчаны эмблемами дружбы. Вера в Бога являлась единственным религиозным долгом, который требовался от вступающего. Посему над престолом, где восседал председатель каждой ложи, или мастер стула, была изображена сияющая дельта, в середине которой еврейскими буквами было написано: имя Иеговы. Итак, уже по самым основам своего существования масонство являлось учреждением, отрицающим идеи и формы внешнего окружающего мира. Правда, масоны подчинялись законам и обычаям государственности, а также, якобы, питали уважененеие к монархам. В монархических странах за трапезой они пили здоровье монарха, а в республиках, - здоровье президента, но делать подобные изьятия предписывала им осторожность, и, конечно, это не изменяло природное революционное направление масонства. В "непосвященном" обществе масоны продолжали оставаться бедными или богатыми, знатными или плебеями, но в недрах лож - храмах, открытых для следования "высшей" жизни, богатые и бедные, знатные и плебеи должны были считать себя равными и называть друг друга братьями. Это был косвенный, но все же действительный и постоянный протест на "несправедливости" существующего социального порядка: это была пропаганда на деле, живая воочию проповедь. С другой стороны мрак, таинственность, страшная клятва, тайна, сообщаемая лишь после многих испытаний, тайна, хранимая под страхом изгнания и смерти, особые знаки, - по которым братья с разных концов земли узнавали друг друга, - церемоний, относящихся к какому-то делу убийства и прикрывавшие мысли о мщении - все это служило отличною подготовкою для воспитанияс амых настоящих заговорщиков... Стены масонских лож постепенно расишрялись и демократия широко проникала туда; наряду со многими братьями, для которых масонство служило или удовлетворением честолюбия, или просто препровождения времени, или средством для благотворительности, явились люди, проникнутые мыслями о деятельности, побуждаемые революционным духом... Однако в среде трех степеней низшего масонства находилось много людей, которые по своему положению или убеждениям относились враждебно ко всякому плану общественного переворота; тогда было увеличено число ступеней мистической лестницы и основаны тайные ложи,

предназначенные только для избранных, "пылких" душ; были такие установлены высшие степени, в которые адепт попадал после долгих испытаний, расчитанных таким образом, чтобы можно было убедиться в прочности его революционного воспитания, проверить постоянство его убеждений и открыть тайники его сердца. В этих испытаниях, среди то нелепых, то мрачных обрядов, все имело отношение только к освобождению и равенству... В виду всего этого нет ничего мудреного, что масонство казалось подозрительным всем правительствам, что оно было проклято папою Климентом XII в Италии, гонимо инквизицией в Испании и что во Фанции Сорбонна объявила его "достойным вечных мук". И все-таки, благодаря ловкому ведению дела, масонство нашло среди государей и вельмож больше покровителей, чем противников. Монархи, даже сам великий Фридрих, не гнушались брать в руки лопату и надевать передник. Существование высших степеней было тщательно от них скрываемо, и они знали о масонстве лишь то, что можно было им без опасности сообщить. Им ничто не могло внушать опасений, пока они находились в низших степенях, куда суть масонских вожделений проикала смутно и была затемнена аллегориями; большинство видело здесь лишь развлечения магией да веселые банкеты, тешилось непременимыми к жизни формулами и игрою в равенство. Но игра обратилась в глубоко жизненную драму. Случилось так, что самые гордые и презирающие все люди покрыли своим именем тайные замыслы, направленные против них же самих, и влиянием своим слепо служили тем, кто желал их погибели. Среди масонов "королевской крови" был герцог Шартский, будущий друг Дантона, Филипп Эгалите, столь известный в расцвете революции. И он под конец стал подозрителен, и его убили. Масонство привлекло его; оно сулило ему власть, обещало вести его по скрытым дорогам в народные вожди... Он принял звание великого мастера, как только ему это предложили, и затем в следующем (1772) году масонство во Франции сплотилось под ферулою одного центрального управления, которое поспешило уничтожить несменяемость мастеров стула, устроило ложи на началах, чисто демократических и приняло название "великого востока". Явился центральный пункт общения всех лож, где собирались и заседали делегаты городов, охваченных тайным движением; отсюда шли инструкции, особый шифр или таинственные знаки, в смысл которых не давали проникнуть непосвященным. С этого момента масонство стало вербовать тех деятелей, которых находим в рядах ревоюционного движения".[1]

Дальнейшая судьба Филиппа Эгалите особенно характерно показывает, как масонство обходится с людьми, в которых оно больше не нуждается.

"Великий восток, - говорит Нис, - не переставал действовать вплоть до 1794 года. В декабре 1792 года герцог Орлеанский, который подписывался: Луи-Филип-Жозеф Эгалите, сложил с себя звание великого мастера. Отставка его была принята 13 мая 1793 года. Герцог изложил письменно причины своего ухода: "я поступил в масонство, которое явилось для меня залогом

1). Луи Блан: "История революции". т.II, стр.72 "В ложе "девять сестер" последовательно собрались Гара, Бриссо, Бальи, Демулен, Кондорсе, Шанфор, Дантон, Петион, Сийес и др."

равенства в такое время, когда еще никто не мог предвидеть нашей революции; точно также поступил я в парламент, который я считал олицетворением свободы. Но с тех пор пришлось мне оставить эти мечты и обратиться к действительности. Не зная, из кого состоит "великий восток", я считаю, что республика, особенно при самом своем возникновении, не должна терпеть ничего скрытого, никаких тайных обществ. Я не хочу иметь более ничего общего ни с неизвестным мне "великим востоком", ни с собраниями массонов".[1)]

Нам теперь уже не может показаться странным слышать из уст великого мастера, что он не знает, из кого состоит сообщество, в котором он председательствует. Изучая масонскую организацию, мы видели, что подобная вещь не только возможна, но что иначе никогда и не бывает.

Очевидно, что герцог наконец прозрел, за что и поплатился жизнью.

IX.

После 1793 года для французского масонства наступает период несомненного упадка. Оно было обессилено возгоравшейся внутренней враждой и раздорами, доходившими часто до кровавой расправы. Бесшабашно-кровавые оргии директории служили для сведения смертельных счетов между "братьями". Наконец настал день, когда победоносный воин, ставший императором, вырвал Францию из когтей масонства, и последнему, лишенному власти, пришлось опять начать действовать так же, как оно действовало до революции, т.е. снова принять облик кротости, смиренно припадать в лицемерных поклонах и снова клятвенно утверждать свое "уважение ко всякой религии" и свое "невмешательство в политические дела". Руководящая масонством тайная сила должна была вновь вернуться к сдержанности, подготовке и приспособлению к обстоятельствам для того, чтобы впоследствии сделать тем более сильное выступление.

Уже ко времени возвращения Бонопарта из Египта Францией овладело сильное чувство омерзения к прошлому, и она весьма определенно изъявляла сове стремление вновь войти в природные русла своих политических преданий и заветов. Для масонства, вернее, для руководящей им тайной силы, это было совершено не кстати. Если действительно во Франции была бы вновь восстановлена монархия (как это случилось в Англии после Кромвеля), если бы цепь традиции снова сомкнулась, если бы будущее оказалось связанным с прошедшим, и все это в тот момент, когда Баррюель в своих "Мемуарах по истории якобизма" раскрывал роль массонства во время террора, то эта руководящая масонством тайная сила была бы близка к тому, чтобы быть разоблаченной, или, по крайней мере, обезоруженной мерами, которые очевидно были бы предприянты против масонства. Чтобы этого не случилось, масонство решилось само пойти за Наполеоном, и поэтому в день 18 брюмера ему помогали самые влиятельные революционеры. они думали, что Наполеон будет управлять Францией по их доверенности, однако в этом ошиблись. Наполеон обладал сильной волей и, став властелином, сразу это им показал. Он заставил и масонов ли-

1).Нис. "Второй интернационал", стр.85.

бо преклониться под его железной рукой, либо исчезнуть. Общий дух страны сделался военным, и масонство этому подчинилось: в ложах ученики, наравне с "шагом", стали обучаться воинскому артикулу, поэтому масонство этой эпохи получило название "военного масонства".

При империи масонство поднялось вновь. "Под главенством "великого востока" находилось восемьсот двадцать шесть лож и триста тридцать семь капитулов. В 1807 году Иосиф, король Неаполя и Сицилии, был великим мастером; принц Камбасерес и принц Мюрат были его помощниками; в списках братьев находились имена маршалов Келлермана, Массены, Ланна, Ожеро, Лефевра, Серюрье, Брюна, Мортье, Сульта, статс-секретаря Симеона, министра полиции Фуше, главного судьи Ренье, генерального прокурора Мерлина и других".[1)]

Но несмотря на все это масонство все-таки не находилось в руках Наполеона. Сила, руководящая масонством, позволила создать военные ложи, даже помогала их основанию, но только с целью лучше обманывать императора. Мы знаем, что масонство есть целая система тайных обществ, причем верхние неизвестны нижним. Поэтому не было ничего легче, как создать целый ряд лож, которые были отданы Наполеону как игрушка, а настоящие масоны понемногу проникали в военные ложи, вследствие чего характер последних незаметно для императора и для своих великих мастеров изменялся. К концу империи большинство лож, оставаясь военными, оказались настроенными против Наполеона, и во время нашествия на Францию союзных войск они открыли свои двери офицерам-масонам враждебных армий. А незадолго еще до этого французское масонство стояло на коленях перед императором! В 1812 года на празднике ордена великий оратор "великого востока" произнес следующую восторженную речь: "И мы, братья, поставленные на сем востоке, подобно еврейскому пророку, который стоял на горе, пока сражались воины Израиля, возведем руки свои к Предвечному, который привлек победу к орлам своего любимца, и с благодарностью будем наслаждаться тем внутренним миром, который обеспечен его мощью!"

Для свержения "любимца Предвечного" понадобилось усилие всей Европы. Но вместе с тем истощенная Франция снова выказывала сильное инстинктивное стремление вернуться к своим политическим традициям, и масонству пришлось уступить обстоятельствам и согласиться на реставрацию и водворение монархии, с которой оно уже представляло себе все счеты поконченными. Восстановленная королевская власть могла нанести непоправимый удар масонству. Ведь масонство убило династию, а ныне эта династия, в лице нового короля, возвращалась опять! Но в то время ни Франция, не возвращенный ей монарх не подозревали еще того, что скрывалось под наименованием "масонство". Правда, хотя и были разоблачения, вроде сделанных Баррюелем, но тех, кто читал его, было немного в сравнении с теми, кто, подобно Марии-Антуанетте (защищавшей масонство в своем письме к сестре в 1787 году), видел в братстве "вольных каменщиков" то невинное общество, которое при возникновении революционных беспорядков закрыло свои ло-

---

1). Нис."Второй интер.", стр.86.

жи. К этому присоединялось еще представление о масонстве, как об учреждении военном, послушном орудии "любимца Предвечного". Посему только оставлось укрепить благоприятный взгляд на масонов, а самим "вольным каменщикам" внушить особенную осторожность и по возможности привить им все уловки лицемерия.

Когда Людовик XYIII вернулся из изгнанмия, то генерал Бернонвилль поверг масонство в стопам монарха, утверждая, что он, наместник великого мастера, отвечает за масонство, как за самого себя. (Великим мастером в то время был Иосиф Бонапарт, брат Наполеона).

Когда Наполеон неожиданно возвратился с Эльбы, масонство все еще находилось в этом коленнопреклонном положении перед престолом; оно не потрудилось изменить своего положения и тут же сказало приветственную речь "любимцу Предвечного" и с изъявлением самого искреннего восторга поспешило восстановить Иосифа в сане великого мастера (при возвращении Бурбонов он был лишен этого) для того, чтобы вновь, не обязуясь, оставить его после Ватерлоо.

После вторичного свержения Наполеона Людовик XYIII нашел масонство опять по-прежнему на коленях перед престолом и, вероятно, решив, что оно так его и ожидало в этом положении, принял изъявления верноподданических чувств со снисходительной благосклоностью. В своих молитвах масоны говорили: "Великий Строитель Вселенной! Прими дань наши благодарности, исполни наши моления и даруй помощь Твою королю, которого в доброте Своей Ты возвратил Франции! Распространи блеск Своего живительного света на его величество и на августейшую семью его!"

27 декабря 1815 года ложа "Друзья Франции" открывала у себя памятник Людовику XYIII и оратор, возгласив трижды "да здравствует король!" обратившись к масонам, сказал: "вот - тот, кого после двадцатипятилетного испытания послало нам Провидение, чтобы прекратить наши несчастья, чтобы исцелить нашу родину от болестей анархии и деспотизма! Вот - король, братья! Какие трогательные воспоминания связаны с сим обожаемым изображением!... Вот благодарная глава его! Подумайте только, какие скорби наполняют его душу! Величайший престол Европы опрокинут и под обломками его гибнут король, королева и их августейшая сестра! Царственный ребенок умирает от нищеты и нужды в темнице! Франция покрыта тюрьмами и эшафотами! Самая чистая кровь разлита потоками! Алтари уничтожены! Божество отвергнуто! Несмотря на весь ужас, который невольно охватывает нас при виде сей картины, радуйтесь, братья, со мною, что сердце Людовика осталось настолько сильным и великодушным, что устояло против всех жестоких огорчений!.. Да здравствует Людовик Желаний!.. Долго масоны оплакивали своего отца, и теперь, когда небо снова возвращает его для их пламенной любви, масонам опять и опять все хочется кричать: да здравствует король!"

Масонский оратор умалчивает о том, что те же самые масоны перед тем, как оплакивать "своего отца", сначала его убили и даже подделали голосование о его смертном приговоре, когда убедились, что большинство не стоит за смертную казнь. После освящения бюста Людовика XYIII масонство с неменьшей торжественностью освящает бюст Карла X.

А во время этих излияний чувств низшей масонской братии другие братья работали над новым свержением монархии. В тайной масонской лаборатории готовилась новая революция, и когда она, наконец, разразилась в 1830 году, то носивший одну из высоких степеней ложи тринозофов, масон Дюпен Старший свидетельствует о ней следующими словами: "не думайте, что все совершилось в три дня. Хотя революция произошла столь быстро, однако она никого не застала врасплох... Мы ее сделали в несколько дней, ибо все у нас было готово и мы были в состоянии немедленно же заменить прежний порядок новым. Недаром во Франции утвердились карбонарии, проникнутые идеями, которые привезли из Италии и Германии нынешние пэры и государственные чины Франции. Это было сделано с целью свержения безответственной и наследственной власти... В карбонарии нельзя было попасть, не дав клятвы в ненависти к Бурбонам и ко всякой королевской власти..."

Если это документальное свидетельство Дюпена сопоставить с тем, как более чем двусмысленно держался генерал Мэзон в Рамбулье, - получится обычная картина масонского "действа".

"Генерал Мэзон, которому была поручена охрана короля, неожиданно показал тыл восставшим мятежникам раньше, чем даже они показались. Это известно всем; но едва ли многим известно, что генерал Мэзон и был старшим надзирателем великого востока. Эта "маленькая" подробность содержит в себе целое откровение, особенно если вспомнить, что и в 1789 году тактикою масонства было развивать дух измены среди защитников монархии".[1)]

После 1830 года масоны-льстецы продолжают, как ни в чем ни бывало, давать волю своей лести, но теперь уже перед бюстами Людовика-Филиппа. Лишь только этот монарх утвердился, он тотчас же получил от масонства титул "короля-гражданина" и сразу занял в сердце масонства место "Людовика Желанного". В честь Людовика-Филиппа состоялись многочисленные масонские празднества, отчеты о которых были отпечатаны "во славу Великого Строителя вселенной" и поднесены королю "в знак преданности и признательности". Эти громкие изъявления чувств не мешали масонству действовать по отношению к "королю-гражданину" теми же способами, как оно действовало по отношению к "Людовику Желанному" и его брату.

С установлением нового режима тотчас же были сформированы отряды масонов-разрушителей, которым было поручено работать над свержением Людовика-Филиппа. Последний это знал и пробовал защищаться. Сюда относится известный циркуляр маршала Сульта, в котором он, как военный министр, запрещает всем воинским чинам вступать в масонские ложи. Хотя эта мера была противоположна тому, как поступал Наполеон, однако она была одинаково бесплодна в виду сложной организации сочетания тайных обществ и способов действия масонства.

"С 1845 по 1848 г. размножаются во Франции политические конвенты. Хотя масонство, как всегда, уверяло, что не занимается политикой, однако знаменитые "банкноты" были организованы им. Пять директоров парижских лож Витэ, де Морни, Берже, де Малевилль и Дювержье де Горан подготовляли беспорядки.

---

1). Копен-Альбанселли, стр.368-377.

Когда их главарь Одиллон Барро был призван к председательствованию в совет, он, правда, присягнул Людовику-Филиппу, но эта присяга для него была действительна лишь постольку, поскольку разрешала ее присяга масонская. Барро, член ложи тринозофов... приказал своим войскам прекратить свои действия и, т.о. было провозглашено временное правительство. В этом сознаются уже сами масоны и опять, как после "великой" революции, говорят, что все это делалось с целью дать народу якобы желанный им образ правления - республику.

"Во все времена слова - свобода, равенство, братство - красовались на масонских знаменах, а теперь, когда эти слова перешли на знамена французской нации, мы в них приветствуем торжество своих учений и рады возможности сказать, что благодаря им все отечество получило масонское крещение!" [1]

Новое правительство было масонское, причем никто того не знал: из одинадцати членов девять были масоны: Араго, Луи Блан, Ледрю-Роллен, Кремье, Гарнье-Пажес, Альбер, Мари, Флокон и Арман Марра. Только двое из них не были масонами: Ламартин и Дюпон де Лэр, но и те, окруженные масонами, действовали под их влиянием. Так, когда 10 марта 1848 года главный совет Шотландской системы явился поздравить временное правительство, Ламартин от имени последнего, отвечал: "те чувства, которые руководил великим взрывом 1789 года и которые народ французский недавно снова проявил (и я надеюсь, уже в последний раз), я знаю, исходят из ваших лож сначала во мраке, затем в полумраке и наконец при полном свете".

Несмотря на давление временного правительства Франция послала в национальное собрание депутатов, которые, отражая действительное состояние духа страны, не пожелали следовать за правительственными масонами. Этого было достаточно, чтобы правительство, которое было представителем одного только масонства, предприняло ожесточенную борьбу против национального собрания. Лишь только правительственные масоны убедились, что страна не принимает их масонских идей, они стали организовывать восстания с целью свергнуть республику.

В описаниях Эккерта говорится, что когда масоны увидели себя побежденными собранием, т.е. Францией, они начали новую тактику и завязали сношения с Людовиком-Наполеоном, дабы вернуться к империи.

Людовик-Наполеон слыл за карбонария; поэтому были шансы, что империя, во главе которой станет он, будет государством чисто масонским, и тем более, если он получит власть от самих же масонов. Масонство не колебалось, предпочитая конечно такую империю республике, в которой оно не могло господствовать. Многие влиятельные масоны немедленно вошли в сношения с будущим императором, и переворот в пользу Бонапартов стал не только возможным, но и совершившимся фактом. [2]

"Когда объясняют избрание Наполеона III только престижем его имени, забывают о том, что он с тем же именем два раза делал попытку

1. Нис. "Второй интерн." стр.88.

2. Копен-Альбанселли, стр.379-392.

захватить самостоятельно престол и два раза терпел поражение". [1]

На другой день после переворота 2 декабря великий восток провозглашает своим великим мастером принца Люсьена Мюрата, двоюродного брата Наполеона, что одно уже доказывает предварительное соглашение между новым императором и масонами. Но еще более доказывает это адрес, поднесенный Наполеону 15 октября 1852 года масонами, оканчивающийся следующими словами: "истинный свет масонства озаряет вас, великий принц! Кто может забыть дивные слова, произнесенные вами в Бордо! Нас они всегда будут вдохновлять, и под властью такого вождя мы будем гордиться быть солдатами человечества! Франция обязана вам своим спасением! Не останавливайтесь на столь блестящем пути! Обеспечьте счастье всех, возложив императорскую корону на свою благородную главу! Разрешите нам довести до слуха вашего общий клик наш от чистого сердца: "Да здравствует император!.." Вот как масонство "не занимается политикой"! Вот каковы республиканские чувства масонства в 1852 году! Да здравствует император - за шесть недель до провозглашения империи!

Однако льстиво заискивающие слова адреса не помешали масонам несколько времени спустя начать относиться с самым откровенным и циничным презрением к "декабрьскому проходимцу" (иначе они Наполеона уже не называли) и призывать все проклятия на его голову. [2]

Дело в том, что масоны поддерживали "декабрьского проходимца" до тех пор, пока могли расчитывать на его послушание. Еще в 1855 году они посылали ему восторженные адреса по случаю рождения наследного принца. Но понемногу они охладели, по мере того, как племянник "любимца Предвечного", считая свое положение достаточно упроченным национальными чувствами народа, стал проявлять самостоятельность в своих действиях. [3]

До чего Наполеон был подчинен масонству, показывает Крымская война, затеянная им в угоду масонству против России, не терпевшей у себя "вольных каменщиков".

В 1861 году произошел окончательный разрыв. У Наполеона III, вполне понятно, появились заботы о династических интересах, а т.к. он был императором французским, то понятно также, что эти интересы слились с интересами Франции в ущерб интересам масонства, т.е. Наполеон по самой логике вещей делался все менее и менее масоном.

Наконец он решительно отказался продолжать дальнейшее выполнение масонских вожделений по отношению к внешней религиозной политике Франции, и с этого времени начинается его падение. [4]

XI.

Уже с 1848 года были пущены в ход все тайные средства, чтобы пошатнуть религиозные верования в высших классах общества. Окончательный разрыв между масонами и

1. Макс Думик "Тайна франк-масонов", стр.246.
2. Копен-Альбанселли, стр. 382,383.

3. Там же, стр. 386,387.
4. Там же, стр.

Наполеоном III произошел после голосования сената относительно поддержки светской власти папы, и масонское усилие прежде всего обратилось против авторитета императора в армии.

Приняв руководящую роль среди рабочих, масонство основало т.н. интернационалку, т.е. "интернациональный союз рабочих". [1]

Внутренняя организация интернационалки, каждая отрасль которой находилась в непосредственных сношениях с центральным комитетом в Лондоне, показывает несомненное ее масонское происхождение; организация эта явилась осуществлением системы Маццинг, весьма определенно изложенной им в обращении к итальянским единомышленникам в 1846 году:

"Трудность заключается не в том, чтобы убедить народы: для этого достаточно нескольких громких слов вроде - свободы, прав человека, прогресса, равенства, братства, деспотизма, тирании, рабства... Нет. Самое трудное, это - собрать их. Только в тот день, когда нам удастся собрать народ, наступит новая эра". [2]

В интернационалке "народ" был собран.

Т.о. "вольные каменщики" подготовляли падение империи Наполеона III не только в своих ложах, являющихся масонством "в пиджаке" (т.е.буржуазией), но и в интернационалке, где масонство ходит в рабочей блузе. К этому были присоединены "позитивисты" - масонство в профессорской тоге, требующее "во имя науки" ведения анти-общественных начал и уважения к убеждениям". [3]

В 1870 году события последовали слишком быстро по нескольким непредвиденным причинам.

Среди ярых республиканцев выделился между прочим Анри Рошфор, получивший "вольтерианское", т.е. чисто-масонское образование. Пропитанный до мозга костей разрушительными революционными идеями, он в глубине души своей был француз и остался таковым, сохранив упорно свою независимость. Масонство никогда собственно не держало его в руках и могло пользоваться им лишь до тех пор, пока он не подозревал, что играет им в руку. Да и самое это бессознательное содействие Рошфора масонам представляло им больше неудобств, чем приносило пользы. Натиск Рошфора был слишком быстр и стремителен; к тому же он имел слишком большое влияние на массы. Не зная тайных причин совершавшихся событий, он слишком быстро двигал стрелку часов, на которых время событий было уже заранее определено. С другой стороны, опустошения 1870 года, ускоренные точным глазомером Бисмарка, были таковы, что конечно никто не мог заранее предугадать их размеров.

Масонство как бы поневоле оказалось вовлеченным в "период действия", который открылся для него раньше, чем это было рассчитано. Хотя в 1870 году оно захватило власть в свои руки как и в 1848 году, но оно не в силах было воспрепятствовать своему авангарду втянуться несколько месяцев спустя в авантюру коммуны. С этой поры действия масонства лишились необходимой планомерности, и

---

1. Макс Думик "Тайна франк-масонов", стр.253.
2. Там же, стр.256.
3. Позитивисты в XIX веке сыграли ту же роль, что энциклопедисты в XYIII-м.

анархия была побеждена по тем же причинам, как и в 1848 году.

Но руководящей масонством тайной силе удалось воспользоваться существующей между французами рознью, которая была создана предыдущей работой масонства. Благодаря этому т.н. консервативная партия, имевшая за собою заслугу воссоздания новой армии и финансов, после ужасных потрясений 70-71 г.г., не могла, однако удержать за собою то господствующее положение, которое было обеспечено выборами 1871 года. Благодаря раздорам между роялистами-сторонниками старшей ветви орлеанистами и бонапартистами, республика, за которую, как известно, был при голосовании перевес в один голос, была водворена вновь.

Для происков тайной силы только этого и надо было. Ведь от республики 1848 года пришлось отказаться только в силу крайности и того, что можно было временно удовольствоваться масонской империей. Использовав, насколько можно, империю, масонство, направляемое тайной силой, требовало вновь республику. Ему оставалось только проводить своих "братьев" на должности законодателей и правителей, дабы свободно распоряжаться страною, убивая ее народно-национальную душу. Это было тем более доступно, что несчастные, разделенные между собою французы, думали, о чем угодно, только не о противодействии масонским проискам, о которых они даже не подозревали. Только теперь во Франции, когда уже масонство начинает действовать там почти не обинуясь, появляются прозревающие люди, которым становится ясно, в какую бездну вовлечена их родина.

Итак, мы видим, что масонство лжет, уверяя, что не занимается политикой. Было бы большою ошибкою думать, что за последние двадцать лет история Франции развивается поступательно, согласно заветам великих, исполненных благородства преданий французской народности. В действительности в самый ход французской жизни не переставала вмешиваться некая чуждая сила, то подготовляя события, то выступая в качестве вершителя этих событий. Этот несомненно громадный фактор умышленно или неумышленно не принимался во внимание теми, кто до сих пор писал историю последнего времени. С самого своего основания, т.о., история эта искажена и ошибочна, пропущено главное действующее начало, и приведены лишь внешние причины, созданные тайною силой. [1)]

XII.

24 июля 1854 года на празднике "великого востока" в Бельгии после речи великого мастера Фергагена было постановлено, что масонство может открыто заниматься политикой. А в 1869 году на восточном конгрессе лож было предложено исключить из статусов "великого востока" положение, что в основу масонского учения кладется существование Бога и бессмертие души. 14 сентября 1877 года на большом конвенте в Париже была установлена формула: "основою масонского учения служит абсолютная свобода совести и человеческой солидарности. Девиз

1. Копен-Альбанселли, стр.388-391.

его - свобода, равенство, братство". [1)]

Масонство, наконец, явилось в истинном своем свете! Все рассказы о Великом Строителе, бессмертии души, невмешательстве в политику - все это существовало лишь для прикрытия, для вовлечения легковерных людей. В этом сознаются теперь сами масоны. Так, в 1886 году на банкете конвента б.Гонно сказал: "было время, когда наши статуты гласили для известного формализма, что масонство не занимается политическими и религиозными вопросами. Было ли это двуличием? Я бы этого не сказал. Только под давлением законов и полиции мы были принуждены скрывать то, что было единственным нашим предназначением". [2)]

В рамки этого "единственного предназначения", как мы уже видели, входила не только не разбирающая средств интрига, но и цареубийство. На масонском конгрессе во Франфуркте в 1785 году было предрешено убийство шведского короля Густава III [3)].

Нужно сказать, что в Швеции масонство было очень распространено, и поэтому почти одновременно с убийством французского короля масонами был убит король шведский (15 марта 1792 г.). Произошло это при следующих обстоятельствах:

"До вступления на престол Густава III власть фактически находилась в руках масонских лож. Густав III, однако, выказал совершенно определенное стремление освободиться от их влияния. После некоторых бесплодных попыток привести короля к повиновению иллюминаты не поколебались: было решено с ним покончить. Это дело поручили трем вельможам-масонам: Горну, Риббингу и Анкерштрему, которые бросили жребий, кому из них быть убийцей. Жребий пал на Анкерштрема, но тот сам не решился на совершение преступления и подговорил своего слугу бр*, прислужника его ложи, по имени Манеке."

"Во время маскарада толпа заговорщиков окружила короля, и он был убит выстрелом из пистолета. В виду малолетства сына Густава регентом был назначен герцог Зюдерманландский, который приказал образовать комиссию для суда над Анкерштремом и его сообщниками. Но т.к. регент сам состоял членом их ложи, то и комиссия оказалась составленною исключительно из "братьев". Следствие тянулось поразительно долго, и, по-видимому, ни регент, ни судьи не торопились обнаружить убийц. Народ, однако, требовал их казни, и пришлось для успокоения общественного мнения приговорить Анкерштрема к смертной казни... Манеке же помогли бежать в Берлин, где он поселился под фамилией Шульца". [4)]

"Со смерти Густава III все шведские короли были масонами и являлись ревностными защитниками масонства". [5)]

"В Вене существовала ложа с 1742 года; когда в 1745 году бр.*.Франц Лотарингский унаследовал престол, он покровительствовал масонству; в 1765 году он умер [6)], а "Мария-Терезия была

---

1. Нис: "Второй интерн." стр.89,99.
2. Копен-Альбанселли, "Заговор евреев", стр.176-177.
3. Бурнанд: "История франк-масонов", стр.135.
4. Бэрон: "Тайные общества", стр.292-306.
5. Нис: "Второй инт." стр.64.
6. Там же, стр.37.

враждебна масонству и всячески преследовала масонскую пропаганду; зато муж ее относился к масонству дружелюбно. При Иосифе II масонство снова воспряло и в 1784 году основалась в Вене великая ложа".[1)]

Все реформы Иосифа II, утверждает Нис, "никогда не имели бы места, если бы масоны не распространили свое влияние в Вене"[2)]. К этим словам почтенного масона остается только добавить, что реформы Иосифа II были гибельны для его страны.

Ныне масонство решительно работает над ниспровержением монархии Габсбургов.[3)]

"В последнее время масонство имеет сильное сосредоточие в Венгрии. Согласно телеграмме из Будапешта 28 марта 1899 года в Венгрии находилась 51 ложа с 3029 членами; великим мастером был статс-секретарь Иоанович".[4)]

В начале XIX века в Италии была основана "высокая вента" - высшая масонская группа, предназначенная вести борьбу с папою. С 1820 по 1846 год она наводит ужас на всю Италию. Во главе ее стоит некий сицилиаский или итальянский князек, известный под псевдонимом Нубия, и еврейский банкир, носящий псевдоним Пикколо-Тигр. Вот как рисует их историк Кретино-Жоли:

"Нубий не достиг еще тридцати лет и находится в возрасте всевозможных увлечений и неосторожностей. Но у него столько лицемерия, смелости и ловкости, что даже теперь, когда все рычаги, коими он управлял, уже выскользнули из его рук, берет страх при виде адского искусства, проявляемого этим человеком в борьбе с верою народов. Этот итальянец, наполняющий ложи Италии, Франции и Германии славою своих подвигов, получил свыше все, что нужно для создания вокруг себя престижа. Он красив, богат, красноречив и проматывает свое золото так же легко, как проживает свою жизнь. Он развратнее всех каторжников вместе взятых и собирает над своею главою чисто бесовскую силу".

А вот портрет его сподвижника - Пикколо-Тигра:

"Деятельность этого еврея неутомима, и он, не переставая, колесит по всему миру с целью создать новых врагов Христовых. В 1822 году он играет крупную роль среди карбонариев. Его видят то в Париже, то в Лондоне, иногда в Вене, часто в Берлине. Повсюду он оставляет следы своего пребывания, повсюду он присоединяет к тайным обществам адептов, на нечестие которых он может расчитывать. Для правительств и полиции он является продавцом золота и серебра, банкиром-космополитом, погруженным только в свои дела и торговлю. Но если проследить его переписку, то этот человек окажется одним из самых ловких агентов подготовляемого разрушения. Он служит невидимою связью, соединяющей в один общий заговор все второстепенные "подполья", которые работают над уничтожением Христианской Церкви".

До нас дошло много сведений о "высокой венте", благодаря тому, что в 1846 году вся переписка руководителей этой масонской организации попалась в руки папского

---

1. Бурнан: "История франк-масонов", стр.215.
2. Нис: "Второй кит." стр.72.
3. Коп.-Алб. стр.84.
4. Лютостанский. "Талмуд и Евреи". т.II, стр.240.

правительства и была издана на французском языке Кретино-Холи по поручению пап Григория XYI и Пия IX.

Вот выдержки из писем "высокой венты":

"Нами предпринято развращение народа через духовенство и развращение духовенства через нас", писал один член "высокой венты". Другой пишет: "мне сообщают из Рима, что двое из наших, известных своею ненавистью к христианству, принуждены были по приказанию высокого начальника причащаться на прошлой Пасхе". Еще одни пишет: "известная часть духовенства идет на удочку наших учений с поразительною скоростью". Один масон поучает братьев: "пускай духовенство идет под вашими знаменами, продолжая воображать, что идет под хоругвиями главы апостольской Церкви. Раскиньте сеть вашу к самым алтарям, опутайте ею семинарии и монастыри, окружите апостольский престол нашими друзьями. Тогда вы будете проповедовать революцию в митре и облачении, идущую с крестом и хоруговью в руках".

Великий мастер "великого востока" Италии еврей Эрнест Натан писал жене Дрейфуса немедленно после приговора военного суда в Ренне: "Примите: сударыня, и передайте жертве сектантского заговора глубочайшее сочувствие итальянского масонства, которое надеется, что скоро истина воссияет и утешит вас от столь долгих страданий. Великий мастер Натан".[1)]

Когда летом 1910 года в Италию приезжал Рузвельт, "великий восток" Италии устроил ему торжественный прием.

Великий мастер ордена благодарил Рузвельта за услуги, оказанные американскому масонству. Он напомнил, что итальянские масоны находятся в теснейшей связи с "великим востоком Франции". Отвечая великому мастеру, Рузвельт выразил живейшую радость, что мэром древнего Рима ныне состоит масон (т.е. еврей Натан).[2)]

"Масоны в Италии теперь, - пишет корреспондент "Нового Времени" (№ 12408), - такая сила, с которою приходится считаться. Это своего рода государство в государстве, каморра или мафия. Всем и каждому, кто желает добиться чего-нибудь в стране, играть роль, выдвинуться вперед, неудобно ссориться с масонами"

XIII.

В Испанию масонство проникло в начале XYIII века, как и повсюду, но инквизиция сильно стесняла там его развитие. Укрепилось масонство в Испании во время французского владычества, но Фердинанд YII по своем возвращении издал указ о запрещении испанцам вступать в братство "свободных каменщиков". В настоящее время масонство получило большую силу в Испании.

"Оно стремится там, - говорит Копен-Альбанселли, - низложить династию Бурбонов и заменить ее революционным и атеистическим правительством. Это решение было принято на конвенте в 1902 году французскими и испанскими масонами. Автор покушения на испанского короля оказался членом "современной школы", одного из важных испанских анархистских

---

1). Барон "Тайные общества", стр.359.
2). "Земщина" № 260.

центров, директором которого состоит Ферреро, играющий крупную роль в международном масонстве: из великой каталонской ложи в Испании ("каталана лолеар") он поддерживает самые тесные сношения с "великим востоком Франции". Политическая программа "великой каталонской ложи - ниспровержение испанской монархии".

Знаменательно, что это было написано за два года до казни Ферреро, когда никто еще о нем не знал. Теперь всем будет понятна причина того невероятного шума, который был поднят во всех странах по поводу казни этого человека.

Ныне в Испании масоны опять принялись за дело. При возвращении короля Альфонса XIII с похорон Эдуарда YII в Мадриде в него была брошена бомба. Ватикан произвел расследование по этому делу, о результатах которого кардинал Мерридель-Валь письменно сообщил самому королю. По словам аитальянской газеты дело заключается в огромном заговоре масонов:

"Великий восток Франции", играя роль центра международного масонства, решил убить испанского и португальского королей. Члены "великого восока" поклялись, что Испания и Португалия перестанут быть монархиями, и на месте их будет создана "великая панлатинская республика" с Францией во главе".[1)]

Важность и серьезность этого разоблачения подтверждается тем, что оно было сделано за несколько месяцев до происшедших в Португалии событий, приведших ее к республике.

Нужно заметить, что в настоящее время в Испании у власти находится "либерал и гуманист" Каналехас, который, следуя обычной масонской тактике, предпринял ожесточенный поход против "керикализма", совершенно напоминающий эпоху Вальдена-Руссо и Комба во Франции[2)]

За это он удостоился получить от масонства следующий благодарственный адрес, приведенный в мадридском журнале:

"Масонские ложи - оплот всех свобод и прогрессивных идей - работающие над сближением братских отношений, долженствующих соединить все народы без различия расы и цвета кожи, выражают вам свое восхищение и приветствуют вас. Масонство не может распространять гуманитарные принципы, положенные в его основание, иначе как при полной свободе совести и при цивилизующей терпимости всех убеждений".

"Вот почему, ваше превосходительство, мы приглашаем вас продолжать избранный вами путь, не опасаясь последствий борьбы, и тогда победа свободы будет обеспечена.

"Великая лджа каталана болеар от имени всех масонских организаций мира предлагает вам содействие своих всесветных и несокрушимых учреждений".

Не мешает напомнить, что у масонов свобода совести и терпимость, о которых говорится в адресе, проявляются ими в форме фанатических, как мы это уже много раз видели, преследований христианской церкви и мнений, не

1). "Земщина" № 308.

2). См."Петербург. Газ." N 136 и 142, 1910 г.,"Нов.Вр."N12337,"Бирж.Вед." N 11774 (веч.вып.)

согласных с масонской программой.

К началу 1910 года Португалия была покрыта тайными масонскими обществами, и об этом задолго до происшедшего там государственного переворота писала у нас газета "Биржевые Ведомости", не стесняющиеся открыто выказывать свои симпатии масонству и, повидимому, осведомленная в его делах:

"Члены тайных союзов в Португалии образуют группы, но четыре человека. Каждый из этих четырех входит в новую группу. Три группы образуют высшую группу. Во главе стоит верховный совет. Члены союза называют друг друга "примо", что означает двоюродный брат. Это приветствие является вместе с тем и условным знаком, по которому республиканцы узнают друг друга".

"Союз, насчитывающий несколько тысяч членов, так искусно организован, что арест за последнее время около ста лиц не привел полицию к сколько-нибудь важным открытиям".[1]

"Новое время" еще подробнее описывает организацию этого тайного общества:

"Союз существует с 1820 года. В начале число его членов было весьма незначительно, но с началом движения 1908 года союз стал пополняться все новыми и новыми единомышленниками... Характерной особенностью этого союза нужно признать его таинственность. Достигается она следующим образом: все члены союза подразделяются на четыре степени: дровосеков, кандидатов, учителей и профессоров. "Ателье" (мастерская) представляет собою единицу этого союза и состоит из четырех "дровосеков", из которых каждый знает только своего непосредственного начальника и трех "дровосеков", принадлежащих к тому же "ателье". Четыре "ателье" составляют "лачугу", четыре "лачуги" "сарай". Высшей инстанцией является "палата", состоящая из четырех "сараев". Т.о., каждый член этого союза знает только трех своих единомышленников. Ведение всех дел союза лежит на таинственном обществе "Молодая Португалия". Кто составляет это общество - властям неизвестно. Вновь поступающий в союз приводится в условленное место (обыкновенно на квартиру одного из членов союза), где находится пять-шесть масонов, с ног до головы закутанных в темные мантии. Даже после вступления новичка в союз свидетели посвящения при нем не снимают мантий, и новичок начинает работать но пользу дела, зная только своего непосредственного начальника и сотрудников по ателье.

"Как открылось во время революции, Люц Альменда был главарем этой организации, выставившей во время революции армию в сорок тысяч человек".

"Моей главной заботой, - сказал Люц Альменда корреспонденту, - было привлечение армии. Нам необходимо было иметь армию на своей стороне, а достичь этого было не легко. Когда понемногу среди членов союза оказалось значительное число офицеров, приступлено было к организации отдельных лож для военных. Интересная подробность: имена офицеров-масонов во имя сохранения дисциплины, были совершенно неизвестны солдатам, но принадлежащие к союзу нижние чины всем безразлично отдавали честь особенным, установленным союзом,

---

1). "Бирж. Вед."(веч.вып.) № 11806.

способом. Изменение было настолько незначительно, что совершенно ускользало от внимания непосвященного и в то же время для офицера, принимающего участие в союзе, являлось знаком принадлежности к союзу..."

"В настоящее время идея союза приведена в исполнение, но союз далеко не думает о прекращении своей деятельности. Он еще нужен для того, чтобы поддержать молодую, еще не твердо стоящую на ногах республику..."[1)]

Кем произведена португальская революция, видно из слов секретаря антимасонской лиги во Франции Турмантена, который в статье "Лузитанская республика", напечатанной 25 декабря 1907 года, говорит, что если бы португальский король внимал урокам истории, то он немедленно запретил бы в своем королевстве масонство и все тайные общества. Этой мерой он мог бы еще спастись, но можно опасаться, что в недалеком будущем Дон-Карлос будет инзвергнут, изгнан или казнен, что послужит новым доказательством масонской силы".[1)]

Через два месяца после появления этой статьи Дон-Карлос был убит.

Другой смелый антимасон, Луи Дастэ, в своей книге "Мария-Антуанетта и заговор масонов", написанный за год до последних португальских событий, предсказывает их с такой же точностью.

Сравнивая французскую революцию 1789 года с назревшей тогда революцией в Португалии, Дастэ видит, что обе они подготовлялись одинковым образом, а именно: во Франции до начала революционных вспышек появлялись целые кипы печатных пасквилей и грязных инсинуаций на королеву Марию-Антуанетту, до тех пор обожаемую народом, с целью набросить на нее тень в глазах ее народа. Этот поток грязи завершился скандальной "историей с ожерельем" и, наконец, достиг своей цели: народ возненавидел ту, которую еще недавно боготворил.

А вот что происходило в Португалии в 1908 году.

Месяцем раньше убийство короля и его наследника в Лиссабоне появился памфлет, направленный против королевы Амелии и буквально списанный с памфлетов, направлявшихся сто двадцать лет назад против Марии-Антуанетты. Те же грязные обвинения ныне сыпались на португальскую королеву.

"В номере "Ревю" от 1 марта 1909 года еврей Финельгаузен (псевдоним Жан Фино) говорит, что королева Амелия "душою и телом предана церкви". "Этот слух, - продолжает он, - поднимает бурю в Португалии и лишает вдову Дон-Карлоса многих симпатий" (!) Еще за несколько недель до убийства короля Дон-Карлоса издатель "Ревю" писал следующее:

"В Лиссабоне только и было разговоров, что об одной удивительной книжке. Это был роман или вернее памфлет "О маркизе Бакалхо". Он составлен в форме сочинений, появлявшихся около 1780 года и касавшихся интимной жизни Людовика XYI и Марии-Антуанетты. Автор приводит разные скандальные эпизоды из жизни Дон-Карлоса и не щадит королевы Амелии. Королю приписывался невероятный разврат, причем все было неимоверно увеличено; рассказывались любовные похождения королевы, являющиеся сплошной ложью и выдумкой.

"Книга сделала свое дело... Слишком поздно спохватились о

1). "Нов.Вр." № 12519.

произведенном этой книгой удручающем впечатлении на народ. Наконец, когда министр Франко решился конфисковать эту книгу и возбудить преследование против автора и издателей, - это только больше возбудило интерес к грязной книге, и цена ее вскоре возросла до невероятных размеров. Т.о., клевета крепко пустила свои корни, и о королевских скандалах шептались все и в столице, и в провинции.

"Республиканцы ликовали. Они сравнивали это с известного рода литературой, процветавшей в дореволюционный период во Франции, и делали из этого очень благоприятные для себя выводы". ("Ревю", стр.14,15).

Неужели никого не поразило равнодушие народных масс к совершившемуся перевороту? Неужели никого не поразил антихристианский характер португальской революции, предавшей христианских монахов и монахинь мученической смерти? Неужели никого не поразило открытое выступление масонов в торжественном шествии в честь убитых республиканцев? Масоны, по словам "Нов.Вр.", шествовали "с лентами через плечо и со своими значками", а на площади глава масонов произнес речь".[1]

Все это глубоко знаменательно и должно было бы заставить беспристрастных людей призадуматься!

---

1). "Нов.Вр." № 12423.

Сергей Булгаков

Правда социализма

Однако, нападая на социализм за его мещанские черты, которые все-таки находят себе и значительное оправдание в бедности и обездоленности представителей труда в нашем обществе, не менее всего можем тем самым брать на себя защиту капитализма, отравившего своим ядом и социализм. Яд же этот состоит в том откровенно и цинично провозглашенном убеждении, что в своей хозяйственной деятельности (так же, впрочем, как и во всех других областях) человек может руководиться только стихийными своими побуждениями или хозяйственным эгоизмом, на котором и основана хозяйственная жизнь в наши дни. Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчиненность хозяйства высшим началам нравственности и религии; он есть служение маммону, маммонизм, по выражению Т.Карлейля. Никогда еще в истории не проповедывалось и не проводилось в жизни такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть, как ныне, и хотя мир не видал еще такой хозяйственной мощи, но к чему же она теперь привела? К мировому пожару, к капиталистической войне всех против всех! Если по духовной природе своей капитализм в значительной мере является идолопоклонством, то по своему общественному значению для социальной жизни он покрыт преступлениями, и история капитала есть печальная, жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии. Одним словом, мы должны, не обинуясь, сказать, что социализм прав в своей критике капитализма. В этом смысле надо прямо и решительно признать всю правду социализма. Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме. Социальная наука раскрыла и раскрывает многоразличные бедствия, причиняемые капитализмом, и она же вырабатывает средства для борьбы с этими бедствиями. Голос науки и совести сходится в том, что капиталистическое хозяйство ради общего блага должно быть преобразованным в направлении растущего общественного контроля или в направлении социализма, и в этом смысле давно уже сказал один английский общественный деятель, что "мы все теперь социалисты". Различие относится к пониманию практических вопросов о том, в каком темпе должно совершаться такое преобразование. Здесь слово принадлежит науке, социальной медицине, и разговор должен идти на почве фактов и практических вопросов.

Однако можно признавать правду социализма, как отрицание неправды капитализма, - и здесь его воодушевляют, несомненно, высокие чувства святого гнева, ревность к справедливости, сострадание к меньшей братии, - но наряду с этим видеть и его ограниченность и неправду, которая есть тонкое или грубое воспроизведение ограниченности и неправды капитализма. Социализм верит вместе с капитализмом, что человеческое общество построится только на экономическом интересе, известным образом регулированном, и что иных сил не существует. Социализм разделяет с капитализмом его неверие в духовную природу человека, и это несмотря на то, что он же предрекает для него такое радужное будущее. Для социализма общественное преобразование исчерпывается внешней, прежде всего экономической реформой, и он без всякого внимания проходит мимо того, что свершается в человеческом сердце. Социализм интересуется человеком одновременно и слишком много, и слишком мало, сулит ему земной рай и, однако, его не уважает, не признавая в нем нравственную личность. Прав был Вл.Соловьев, говоривший, что социализм дает человеку не слишком много, но слишком мало. Уже на самых первых шагах социализма, еще в XYI веке в загадочной "Утопии" Т.Мора,не то шутя, не то серьезно выражено убеждение, сделавшееся общим для всего социализма, что достаточно отмены частной собственности для полной победы над порочными наклонностями в человеке. И чем дальше, тем эта мысль звучит настойчивее. Ради возвеличивания человека в будущем за ним отвергается духовная самобытность и нравственная ответственность в настоящем. Для социализма человек есть денежный мешок, пустой или наполненный, так же, как и для капитализма. И эти мещанские, материалистические основы современного социализма делают его учением духовно-мертвящим, лишают его поэзии и очарования, наполняя жизнь рассудочностью и прозаичностью. На нем лежит отпечаток вульгарности, низменности и бескрылости, и это, конечно, связано с отсутствием в нем истинной религиозности, которая заменяется извращенным грубым идолопоклонством, где идолом является толпа, - "демократия", понимаемая, как экономический союз.

Владимир Корнилов

Солнечная ярмарка

* * *

Ярмарку солнечной осени
Трудно в словах передать.
Желто-багряные просеки.
Дней золотых благодать.

Взгорки брусникой румянятся.
Бор построжал, словно тесть...
Все здесь душе моей глянется
И затевает в ней песнь...

Песня с осенними звонами
В даль понесется рекой.
Ей над плавучими бонами
Сплавщик помашет рукой.

Песня с реки перекинется
И зазвенит над селом.
То хлеборобы в гостинице
Ждали ее за столом...

Песня - ты гостья крылатая!
Кто же твой ведает путь?
...Скоро я Настеньку сватаю -
Нас навестить не забудь!

На даче

Над любою непогодой
Здесь владыкой столько лет
Царь-камин... а воеводой
У него седой поэт.
...Сам же царь велик и грозен,
Коли вспыхнет, то не тронь:
Гнев его в державной прозе
Распаляется в огонь...
В час вечерний в мирном доме
Пляшет пламя, треск и гул.
Здесь, на даче, мне знакомой
Этот царственный разгул...
Я же - гость здесь постоянный -
Их биограф и судья.
Здесь, в компании непьяной,
Нетверезый только я.
Потому молю о песне
Близ веселого огня.
И поэт, усевшись в кресле,
Пишет песню для меня.
...Песнь в руках - и вот с приплясом,
Сполоснувши горло квасом,
Чарку выпив, заведу
Песню в пьяную дуду.

* * *

Обобрали Русь да распродали
На бесславных торгах с заграницею.
Рубит лес теперь кто ни попадя
Да вывозят меха соболиные.

Не с того ль ты, Русь, величальная,
Взглядом ласковым запечалилась?
Не с того ль в душе твоей песенной
Ясна солнышка поубавилось?

Может сам народ бесталанным стал -
Ест да пьет, а труд - подзабыл давно?
Коли так, не зря черны вороны
Про беду твою всем раскаркали.

Тяжело тебе занедужилось,
А спасти-помочь, видно, некому.
...По тебе не зря запечалилась
Церковь Русская Православная...

У весны свои законы

Внучке Юленьке

У весны свои законы -
Вот по ним я и живу.
Жизни солнечные звоны
Сердцем слышу наяву.

Я по ним сверяю чувства,
Потому душа светла.
Жизнь вне всякого искусства
Мне особенно мила:

Каждый день свои цветочки -
С жизнью солнечная связь,
Например, у старшей дочки
Дочка Юлька родилась...

Над кроваткою у Юльки
Зайчик солнечный дрожит,

За окном звенят сосульки,
Жизнь весенняя бежит.

Я по ней сверяю чувства -
И душа моя светла.
...Жизнь вне всякого искусства
Мне особенно мила.

Дни наши тяжкие...

Г.Ч.

Дни наши тяжкие требуют действий
Как через них и пассивность прорваться?
Скоро увидимся - дней через десять.
Скоро поженимся - лет через двадцать.

Ты о профессии, о лицедействе...
Мне на своем берегу оставаться.
Скоро увидимся - дней через десять.
Скоро поженимся - лет через двадцать.

Руки на клавиши, ноги на камни.
Первым числом начинается август,
Цельность всегда создается кусками...
Строки, как струны легли на бумагу.

* * *

Ты уехала, чтобы приехать,
Я пришел для того, чтоб уйти.
Ты - актриса на фоне успеха,
Я - рабочий на фоне картин.

Твой успех - это аплодисменты.
Золотая моя тишина.
Надо верно расставить акценты -
Видишь, как забурлила страна?

Мы стоим на пороге событий -
Либо двигаться, либо стоять.
Люди бедные, как вас насытить?

Музыкальная дочка твоя
На своей подрастающей скрипке
Пусть о нас свою песню споет...
Мы на жизнь обижаемся крепко,
А ее только смерть превзойдет.

Один из автопортретов

Яблоко. Стакан. И скрипка.
Стены давят фресками Сикейроса.
Дверь застыла, подлая, не скрипнет.
Этики отсутствие и эроса.

Листики монетками поддельными
На асфальте черном пометаллятся.
Ночь. Антенны крышу заантеннили,
Чтоб поймать птенца моей метафоры.

* * *

По черному небу, по синему
Восходы скатились в закаты.
Живем мы по самому минимуму
И ждем ежедневно расплаты.

Народ суетится и дергается.
По городу ходит печальным,
И хлеб добывает свой в поте лица...
Доходы, что он получает

Поделим на ценники рыночные,
Получим чуть-чуть и немного...
Источники наши убыточные...
Куда приведешь нас, дорога?

И каждому ясно, и мне самому,
Что хочешь не хочешь - придется
Платить в этой жизни по максимуму
За лунный огонь и свет солнца.

* * *

Нашли современники время и повод
Направить движение по магистрали
Рука инвалидно схватилась за провод,
А ноги на рельсы, как водится, встали.

Трамвай, как живой человек, переполнен
Звучаньем критическим, взрывоопасным.
От этого звука болят перепонки -
Повсюду грехи, искушенья, соблазны.

Вот, вкратце, обзор боевой обстановки,
Отдельный аккорд из музея мелодий -

Трамвай до конечной дошел остановки,
Когда из него ничего не выходит.

Владислав Ходасевич (1886-1939)

Искушение

"Довольно! Красоты не надо,
Не стоит песен подлый мир.
Померкни, Тассова Лампада,
Забудься, друг веков, Омир!

И Революции не надо!
Ее рассеянная рать
Одной венчается наградой,
Одной свободой - торговать.

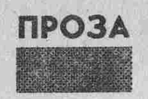
Вотще на площади пророчит
Гармонии голодный сын:
Благих вестей его не хочет
Благополучный гражданин.

Самодовольный и счастливый
Под грудой выцветших знамен,
Коросту хамства и наживы
Себе начесывает он:

"Прочь, не мешай мне, я торгую.
Но не буржуй, но не кулак,
Я прячу выручку дневную
Свободы в огненный кулак".

Душа! Тебе до боли тесно
Здесь, в опозоренной груди.
Ищи отрады поднебесной,
А вниз, на землю, не гляди".

Так искушает сердце злое
Психеи чистые мечты.
Психея же в ответ: "Земное,
Что о небесном знаешь ты?"



Сергей Женин

Кроткая, беззащитная

Он подошел сзади, когда я стоял за пивом, и треснул по плечу так, что я выпал из очереди. Рыжие волнистые волосы, вечно улыбчивое скуластое s лицо, на щеках ямочки. Смеющиеся глаза ждут ответа на немой вопрос - узнал? Хм, узнал ли я?! Вы бы узнали своего закадычного школьного друга, хотя бы даже лет десять спустя?

Едва успели обменяться приветствиями, Коляха воскликнул: - Я слышал, ты до сих пор в холостяках ходишь?.. Вот ты-то мне и нужен!

Очередь зашевелилась, заозиралась: то ли холостяков не видели, то ли всем хотелось знать, зачем я Коляхе понадобился.

- А ну его, это пиво, - махнул я рукой и покинул строй. - Пошли, по дороге расскажешь, чего тебе от холостяка надо.

- Девчонку одну выручить надо, - начал Николай еще возле "гайки" - пивной ларек так почему-то прозвали. - Попала по распределению к нам, а хочет в город.

Угадав на моем лице протест, поспешил успокоить:

- Да женить не надо: подадите заявление, и ее отпустят.

Видя мою немую неприклонность, продолжал:

- Хороший стол гарантирован, за такую услугу даже подженится позволит. Глядишь, понравится, и заявление забирать не захочешь. Ха-ха...

Ему весело! А я молчал вовсе не потому, что не согласен - у меня другая причина была, посерьезней...

- Где она живет? - спросил я, наступая на друга детства, а самому от его слов что-то в голову трахнуло, аж в глазах потемнело, потом ознобом прокатилось с затылка по спине и растеклось в ноги. - Живет где, спрашиваю?

- Ты чего? - попятился Николай. - Что такого я сказал-то? Ну, у нас живет. В нашем поселке.

- Где это у вас? Как поселок называется?

- Да ты что?.. Не знаешь где я живу?

Другу было не понять моего внезапного волнения, а мне было недосуг объяснять ему, что всему виной одно знакомство - прошлой весной это было...

* * *

Познакомился я в междугороднем автобусе с девушкой: сидели рядом. Девушка оказалась не больно разговорчивой. Однако, я выпытал, что зовут ее Надей, заканчивает училище, работать будет в детском саду воспитателем, а едет она из Озерного: у сестры гостила. Еще Надя открыла мне, что воспитывалась в детском доме и, что, получив диплом, поедет работать в Нежинск.

- Куда?! - переспросил я, зная Нежинск не понаслышке.

- В Нежинск, - повторила моя попутчица. - Уже и распределение получила.

- Да-а, похлеще дыру не могли найти? Ну, конечно! В Чите останутся те, кому и в захолустье жилось бы не худо: такие нигде своего не упустят.

_ А что, там плохо? - насторожилась Надя. - Вы там были?

Я видел расстроенное личико и уже пожалел, что так заговорил про Нежинск.

- Главное не в этом - живут люди и там... От Читы далеко, а транспорт один - самолет, да и то не каждый день. У тебя, как я понял, одна сестра в Озерном и все? Так вот, оттуда не очень-то поездишь.

Надя становилась все печальней. Мой последний аргумент оказался самым впечатляющим.

Лицо девушки выглядело смущенным, растерянным. А ведь в этом я виноват. Нет, нельзя ее так оставлять. Девушку нужно было ободрить немедленно.

-Ну! Чего скисла-то. Все в твоих руках. Я так же попал в Новокузнецк, и мне там не понравилось: оказалось, работать придется в леспромхозе МВД..Знаешь, что это такое?

-Нет, не знаю.

- Вот и я поначалу не знал. А это - предприятие на базе исправительно-трудовой колонии. Тюрьма - чтоб понятней было. А какой из меня надзиратель? Воспользовался тем, что предприятие не выполнило кое-какие обязательства и вернулся в Читу. Переиграть нужно твое распределение.

- Ну да, - вздохнула Надя. - Переиграешь его, как же.

Судя по интонации, распределение было для нее, словно приговор Верховного суда и обжалованию не подлежало. "Ничего, - подумал я. - Что-нибудь придумаем. Только бы этого славного человечка из вида не потерять".

А за окнами автобуса кварталы родной Читы, стиснутой в объятиях прокопченной зелени сосновых лесов, утомленной пыльным зноем белесого забайкальского солнца.

- Сейчас в общагу опять... Надоело - сил нет. Скорее бы отучиться. - И Надя прикрыла лицо маленькими ладонями. Но тут же отняла руки и виновато улыбнулась. На зарумянившихся щеках белели полосы, надавленные пальцами.

- Вот и я тоже... - сделал я кислую мину. - Как подумаю: четыре стены, телевизор надоедливый, полумрак комнат... А ведь весна! - молол первое, что пришло в голову; в действительности я домосед и единственное, что не соврал, так это про телевизор, он и в самом деле опостылел.

Необходимо было зацепиться, чтобы эта встреча не оказалась первой и последней: я уже чувствовал непреодолимое желание помочь девушке, которая сама не способна постоять за себя, а упусти ее сейчас, чем потом объяснишь свое вмешательство в ее судьбу?

- Слушай! - делаю вид, что идея пришла мне в голову только что. - Давай в кино сходим? Ну, что ты косишься, как на чумного? Сходим, как земляки, как хорошие знакомые, наконец. Не подумай, что я...

- Ничего я не думаю. С чего ты взял? - поспешила успокоить меня Надя, неожиданно перейдя на "ты", а сама смутилась, опустила глаза, вижу, покраснела даже.

- Вот и прекрасно! Договорились значит?

От вокзала нам тоже оказалось по пути, ведь ее общежитие не так уж далеко от моего дома. Ехали на троллейбусе. Я не сводил глаз с моей попутчицы. Белые волосы, круглое личико и ни грамма косметики - этакое солнышко! Она нравилась мне с каждой минутой все больше. А может меня распаляло предчувствие вечера, который мы проведем вместе?

Я вдруг ощутил, что начинаю дрожать, мелко-мелко, словно в легком ознобе, даже смущение охватило. Хотелось смотреть в большущие, без лукавства Надины глаза, но стоило нашим взглядам встретиться, я пугливо отворачивался. Вот напасть! Любое начальство взглядом переупрямить, - вот попробуйте! - а тут вдруг заробел, разволновался.

И захотелось вдруг показать Наде мою скамью на площади - мы как раз мимо проезжали... Любил я когда-то отдохнуть здесь в знойный летний день. Гляжу, а скамейки-то уже нет. Переделали площадь, и новый фонтан потеснил ее. Но, коли уж заикнулся, пришлось показать первую попавшуюся, что ближе к кинотеатру: совестно было признаться, что больше года не был на центральной площади.

Собственно, почему я именно сегодня вспомнил о той скамье? Наверное потому, что я сегодня, благодаря Наде, тот же, что и десять лет назад в свои восемнадцать. А ведь зачастую вспоминается о чем-нибудь дорогом только тогда, когда его уже нет и в помине. Становится грустно и обидно до слез: понимаешь вдруг, как давно это было - беспечная юность и розовая любовь... А еще понимаешь, что ушло все это в страшно необозримую даль, и не в пространстве, а во времени, и значит безвозвратно. Так уж водится - пока имеем, не ценим, потому что и в голову не приходит, что можем лишиться; когда уйдет, любить всем сердцем начинаем, с болью, ностальгией, да поздно уже: любовь нужна живому... Сам же ты, хотя иногда и кажешься себе прежним, на самом деле совсем другой, с каждым днем новый, вряд ли лучший, и прежним никогда не будешь. Конечно, в твоей жизни еще будет пугливое дыхание ночной аллеи, которая и сейчас понуро бредет по Новобульварной, и скрипичное соло качелей, уносящих тебя с кем-то в пьянящую высь, и букет взволнованно-нежных яблоневых цветов, брошенный тобой в растворенное настежь окно на третьем этаже... Но никогда больше не случится этого с тобой впервые и будет, скорее всего, так же фальшиво, как эта "любимая" скамья.

- Где встретимся? - спросил я уже без особого энтузиазма.

- Только не у "Родины"... пожалуйста. Не хочу я там... Мне там не нравится.

Я пожал плечами.

- При чем здесь "Родина"? Я вовсе не думал об этом кинотеатре.

- Не знаю, - смутилась девушка. - Обычно там назначают встречи. - Смутилась еще больше, зарумянилась. - Наши девчонки всегда туда бегают.

"Понятно, - подумалось мне, - Боится со знакомыми парнями встретиться в компании со мной. А может не хочет показываться со мной подругам?"

- Ну, хорошо. - Мой взгляд на яркую афишу видеосалона, приглашавшую горожан посмотреть фильмы с участием Брюса Ли. - Я здесь ждать буду, в восемь. - И с мольбой в голосе добавил:

- Только обязательно приходи.

Былая радость, вызванная весенним разноцветьем и цветущими лицами горожан, сменялась почему-то грустью. Голос, с каждым произнесенным мной словом, становился все тише. Я вдруг испугался, что меня слышит кто-нибудь из посторонних, которых в троллейбусе в этот час было предостаточно и которые, как мне показалось, смотрели на меня с плохо скрытой иронией.

Я вдруг взглянул на себя со стороны: неподстрижен, одет лишь бы как, не брит... Одним словом - неряха. Странно, раньше ведь франтом ходил, туфли на платформе и клеш от бедер одним из первых в городе напялил. Когда же это я перестал глядеться в зеркало?

Дома слонялся по комнатам, как белый медведь по клетке какого-нибудь там южного зоопарка: мне было жарко, не хватало воздуха, и в то же время меня бил озноб, а прикосновение собственной одежды к телу раздражало.

Уже в семь часов взялся за туфли, которые не надевал со дня защиты диплома: не вынес тяжести ожидания. Взглянул в зеркало, выщипнул седой волосок, смутился, поймав на себе собственный ироничный взгляд.

И вот уже околачиваюсь возле афиши, стыдливо ловлю случайные взгляды прохожих, будто им известна цель моего ожидания. А время, черт бы его побрал!.. Кто придумал, что в часе три тысячи шестьсот секунд? Я бы не больше сотни сделал.

Вдруг сердце всколыхнулось и будто притихло. Идет! Я увидел ее еще за квартал по ту сторону улицы: светлые волосы, светло-пепельного цвета приталенное платье, неспешная поступь, словно девушка задумалась и бредет бесцельно, куда ведут ноги. Эта неторопливость будто противостояла моей неторопливости. И пока Надя вышагивала по аллее, переживала

нескончаемый поток машин, несущихся по улице, я переминался с ноги на ногу и даже успел несколько раз вспотеть.

Мной овладело отчаяние: что же это твориться? Где мое хладнокровие, выдержка - предметы моей особой гордости? Что случилось со мной, если я жду человека, который мимо не пройдет, с таким нетерпением, словно пытаюсь вскочить на подножку набирающего скорость поезда? И в то же время боюсь встретиться с этим человеком, как это бывает, когда проверяешь лотерейный билет: торопишься увидеть, что же выиграл, но не спешишь убедиться, что твой билет - пустышка.

Вот так и бывает: живет себе человек, уверенный, целеустремленный, и ничто не может вывести его из того равновесия, в котором несется он к своей цели, и вдруг на пути этакая несмышленая пичужка. Она совершенно случайно оказалась на рельсах и теперь, не обращая внимания на набравшую ход силищу, маленькими шажками движется по нагретому солнцем, укатанному до блеска металлу. Ей и невдомек, что эта махина не может ни объехать ее, ни остановиться без последствий для себя. Она не видит и не слышит, как летят искры из-под заторможенных колес, как скрежечет стальная душа, ломаясь и каверкаясь... Она не чувствует, сколько при этом рождается тепла и добросердия.

- Давно ждешь? - спросила Надя. Спросила обыденно, просто, словно я не ее, а троллейбус ждал, она не случайно мимо шла. - Первый раз я пришла на... - Слово "свидание" явно не шло ей на язык, а потому легко верилось, что действительно "первый раз". - Другим обещала, чтобы отвязались, но не приходила. А сегодня почему-то не смогла так. Странно.

Объяснение звучало оправданием. Девушке было совестно за свое легкомыслие. Я, склонившись, поцеловал ее руку. Боялся, что отнимет - не отняла, только зарумянилась и прикусила губу.

- А может не пойдем в кино? Погуляем? - предложила она.

Мне тоже не хотелось очутиться в темном, душном зале. Я еще не насмотрелся на ее вспененные шелковистые волосы, на всполохи нежно-розового румянца на щеках, на свежие, словно лепестки только что распустившейся саранки, губы, бесконечно терзаемые маленькими, ровными зубками, на лучики тоненьких морщинок, разбегающихся от больших серых глаз, когда она улыбалась. Мне казалось, что это чудо призрачней легкого облачка, разметавшегося по вечернему небу подобно

лебяжьему пуху, и может исчезнуть от неосторожного вздоха, как пыльца кудрявой лилии исчезает от дуновения ветерка.

Мы, чинно взяв друг друга под руку, долго гуляли по городу. Шли никуда, говорили ни о чем. Ноги сами выбирали тихие, пустынные улочки и влекли нас то прохладной Горьковской, то аллеей, то дорожками сумеречного парка... Надя показала мне детдом, в котором она воспитывалась, я привел ее к Пушкинской библиотеке, где просиживал веснами, сбежав с уроков в техникуме. Это были не просто замечательные места, с ними были связаны воспоминания, оттененные легкой, приятной грустью.

Сев на скамеечку у библиотеки, мы разговаривали, глядя друг другу в глаза: я - с восхищением, Надя - с предосторожной пытливостью, словно силясь найти ответ на одной ей ведомый вопрос. Я бережно держал ее теплые руки, словно пойманную синицу, которую и отпустить жалко и крылышки помять страшно. Смеха, веселья не было. Была лишь уловимая, невесомая нежность- паутинка, соединившая наши сердца. И нельзя даже шелохнуться, не оборвав этой паутинки. Кажется, мы оба понимали, что это не может продолжаться долго и вскоре растает, как тают на рассвете звезды: медленно, неумолимо и совершенно независимо от нашего желания.

Лишь в двенадцатом часу мы пришли в общежитие. Когда оказались у высокой дощатой ограды, Надя вдруг остановилась и попросила дальше не провожать. Я было подумал: стесняется со мной показаться подружкам, но заметил, что голос ее подрагивал, и сама она не на шутку разволновалась. Меня это обеспокоило, и я настоял, чтобы она ответила, почему хочет лишить меня удовольствия пройтись с ней еще каких-нибудь пятьдесят метров.

Послышался тяжелый, охваченный дрожью вздох. Немного помолчав, Надя рассказала, что ей не дают прохода парни - компания шалопаев, собирающихся вечерами под окнами общежития. - Один из колонии недавно, - говорит Надя, а сам трепещет, словно береста на холодном ветру. - Вот он и пристает: "Увижу с кем - обоим ребра поломаю!" А сам в наколках весь, аж синий.

Меня сковала злоба: надо же, сволочи, до чего девчонку довели - чуть не плачет от страха, рукам места не найдет. - Я провожу тебя, - настойчиво сказлал я. - Не бойся, они с теми смелые, кто от них в страхе прячется. Тем более, недавно из

колонии - вряд ли ему хочется обратно туда угодить. - А самого тоже слегка пробрало: да и кто был бы рад такой встрече? И неизвестно, только ли Надю я успокаивал или себя заодно.

Я обнял Надю и повлек во двор общежития. Она освободилась от моей руки и смело пошла впереди меня. На скамье под окнами никого не оказалось, но Надя и не глядела в ту сторону. Остановившись у зашторенного окна, сочившего во двор скудный оранжевый свет, она скользнула взглядом по двору и поникла, словно привядший подснежник, пошатнулась - вот-вот упадет. Потом облегченно вздохнула, нервозно провела рукой по лицу, будто утерлась, и смущенно улыбнулась. Даже в тусклом оранжевом свете было видно, как бело ее лицо, лишь губы спелой земляникой рдели в полутьме.

Мне хотелось взять ее, как ребенка, на руки, но вместо этого обнял за плечи и привлек к себе.

- Ну ты что, курносая, никого же нет? А хоть бы и были... Я ведь не шпана, как они - увидели б тебя со мной, глядишь, и отстали бы. Не дураки, сообразили бы, что и тебя есть кому защитить. Ну, успокойся. Завтра встретимся?

Надя вскинула удивленное личико и какое-то время смотрела молча. Кажется, пыталась разгадать: всерьез я, или приличия ради. А может быть подумала, что после испытания страхом я больше не захочу с ней встречаться?

- А ты правда этого хочешь, или так?.. - Надя описала рукой в воздухе небольшой круг, видимо изображая неопределенность.

Дежурный вопрос, но для меня он прозвучал чуть ли не признанием в любви: она не прочь встречаться со мной, весь вопрос в том, хочу ли я.

- Конечно хочу! - ответил я с готовностью.

- Ну, тогда... Если сможешь, то там же и в то же время.

Я на радостях заколотил кулаком в дверь общежития. Послышался приближающийся из глубины коридора сердитый женский голос:

- Ну, кто там еще? Носят черти до поздна!.. Никакого покоя!

- Это я, тетя Паша, - робко ответили Надя и мимикой показала, вот так и живем, как в детском саду.

- Кто это "я"? - раздраженно допытывалась вахтерша.

- Да я же - Надя!

Дверь, весело взвигнув шарнирами, отворилась, выпустив на волю лучь яркого света, и в проеме показалось удивленное, на редкость добродушное лицо.

- Надюшка! - растерянно воскликнула женщина, словно встретила самою себя. - А тебя-то где носит до такого часу? - Увидев меня, вовсе потерялась. - Твой, что ли?

Надя, опустив глаза прошмыгнула в приотворенную дверь, и лучик, словно щенок, выпущенный погулять, проворно юркнул следом, оставив меня стоять в полном одиночестве у закованной в железо двери.

Над головой в прохладной вышине росой блестели звезды, прильнувшая к асфальту темень окутала кирпичные дома, от звонкого перестука моих шагов вздрагивала, дробилась и бытым стеклом рассыпалась по проулкам тишина, а я думал о Наде.

Чем меня так очаровала эта девушка? Почему я так рад нашему знакомству? Смеяться, дико хохотать хочется, чтобы беспокойно зажигался свет в окнах спящего города. Хотел ведь только помочь ей, а теперь хоть сам умоляй о помощи. Никак влюбился?!!

А может все дело в том, что я всегда стремился оказать кому-нибудь неоценимую услугу, - и не ради благодарности: об этом я думал меньше всего, - хотел утвердиться в собственных глазах сильным, благородным. Но ко мне никто и никогда не обращался за помощью, а жажда рыцарства требовала утоления. И вот я встретил человека, которому нужен, нет, просто необходим!

Я сделаю для Нади то, чего не сделал для нее никто. Она детдомовская воспитанница и мало видела заботы, доброты - так ведь можно и разувериться в хорошем. Пусть знает, что и до нее есть кому-то дело, и она имеет право на хорошее.

В таком вот благородном порыве я не обратил внимание, как поставил все с ног на голову: неизвестно, нуждалась ли Надя в моей добродетели, но она для меня стала просто необходимой.

На следующий день мы опять гуляли по городу. И на следующий... Я считал себя вправе идти уже не просто под руку с Надей, как в первый вечер, а бережно обняв ее за талию. Когда я, проникшись нежностью, слегка прижимал к себе ее податливый стан, Надя в ответ горячо сжимала мою руку. Страшно было представить, что мы можем расстаться навсегда. Поэтому я бегал по знакомым, разговаривал с заведующими детскими

садами... Искал тот единственный шанс, который позволил бы оставить Надю в городе. Но оказалось, что дверь отворяется в другую сторону - все решилось довольно-таки просто, в кабинете заведующей отделом народного образования.

Дело было улажено. Вот Надя обрадуется! Однако, долго мне не представлялось возможным порадовать ее: я никак не мог застать Надю ни в детском саду, где она отрабатывала практику, ни в общежитии. Я каждый день рыскал по городу, а мне ведь кроме этого работать надо.

После четырех дней тщетных поисков я догадался позвонить в общежитие - если бы мне могла прийти в голову мысль, что Надя меня избегает, то я конечно же додумался бы до этого раньше... Услышав Нади голос, какое-то время прерывисто дышал в трубку, не мог говорить: до того истосковался по ее негромкому голосу, ставшему для меня родным, чо нахлынувшая радость овладела дыханием. Справившись с волнением, я поздоровался и объяснил, что никак не мог ее найти.

- Да, мне говорили, что ты приходил, - равнодушно ответила Надля.

- Мы сегодня встретимся?

- Нет, сегодня не могу: готовлюсь, завтра экзамен.

- Тогда я в общежитие забегу на минутку, можно? Очень соску...

- Лучше не надо, - прервала меня Надя, - Давай завтра?

- Где и во сколько? - с готовностью услужить спросил я.

- Мне все равно.

- Ну тогда - там же. Часика в четыре тебя устроит?

- Да... - и трубка пронзительно запищала, настаивая повесить ее на место и больше не беспокоить.

Я стоял в недоумении: даже не попрощалась. Настроение испортилось. Я с раздражением смотрел на чему-то ухмыляющихся людей, ваыходивших из булочной, и никак не хлотел оставить тяжелую черную трубку.

Выйдя из будки растроенный, я поплелся домой. Жаль, что никуда не надо спешить, никто не ждет... Вчера хоть цель была - Надю искал. Ну ничего, зато завтра! Что бы придумать такое-этакое, интересное?..

Напрасно я ломал голову, чем поразвлечь Надю. Напрасно на следующий день выстоял два часа в условленном месте: Надя не пришла. Я словно проснулся. Голова вновь сделалась холодной, мысль - ясной. Чего я добиваюсь от Нади, если по-

смотреть по сторону? Любви. А кто я такой, чтобы добиваться любви молоденькой девчонки? Я же на десять лет старше ее. Говорят, разница в возрасте любви не помеха. Может оно и так, но лишь в исключительных случаях, иначе нас не удивляли бы своей сенсационностью браки, где ей шестнадцать, а ему за шестьдесят. Чаще, все-таки, подыскивают себе супруга из равных; природа этого требует. То, о чем Надя лишь мечтает, у меня наверняка вызвало бы лишь саркастическую усмешку. А мечтает она, наверное. встретить своего "принца". А я? Какой я - принц? Смешно! Надя поняла это раньше меня и сумела вовремя остановиться. И как я вчера не обратил внимание на это ее "мне все равно", ведь у нее сегодня экзамен? Назначая свидание, она знала, что не придет. Значит, все напрасно.

Я поймал себя на мысли, что думаю вовсе не о том. Ведь я же просто ее земляк, изъявивший желание помочь с перераспределением. И только! Да-а, далеко же меня занесло: подспудно думал об одном общем будущем для себя и для Нади. Действительно, пока остановиться. А может, пусть едет в свой Нежинск? Мне-то какое дело? Она сама ведь его выбрала.

Перед глазами встала Надя, светленькая, кроткая, беззащитная. Я поежился. Мое воображение живо нарисовало другую Надю: с перекрашенными по модному, в два цвета и торчащими подобно пучку ковыля волосами, с резко очерченными глазами и ярко нарумяненными щеками, с сигаретой меж пальцев и надменным, циничным выражением лица, сквозь которое светились те же кроткие, наивные глаза. А может, во мне говорило самолюбие, ведь я уверил себя, что Наде без меня не обойтись? Я с готовностью принимал помощь людей, которых искренне уважал и лишал права на рыцарский поступок людей презираемых. За что же Надя лишала меня такого права? Я хотел теперь только одного - чтобы Надя приняла мою помощь.

- Ну что ж, - думал я. - Живи, как задумала, но в Нежинск ты не поедешь. Живи в Чите, ходи с кем хочешь, люби кого хочешь... Я же буду счастлив тем, что помог тебе в этом".

Настраиваюсь таким образом, я не терял надежды, что моя Надежда не смогла прийти по какой-нибудь другой причине. Мало ли? Думал, вот увидимся завтра, и все будет, как и прежде. Сходим с ней в гороно, уладим все... Собственно, почему завтра? Нужно сегдня же идти в общежитие и выяснить - что и почему.

Я опустил в телефон-автомат двушку и набрал номер общежития. Когда Надю пригласили, сухо сказал:

- Здравствуй, Надек! Нам необходимо увидеться.

- А мне кажется... нам не нужно видется, - впервые повысила голос Надя.

- Надюша, я говорю не-об-хо-димо.

- Зачем?

- Я прошу тебя, - мой голос начал ломаться. - Прошу, в последний раз. Очень нужно.

- Хорошо. Приходи к общежитию. Я выйду.

Лед чувствовался в каждом ее слове, и я решил: ничего выяснять не буду, так все ясно, сходим в гороно и все - исчезаю. Никогда больше не побеспокою. А сердца точила обида: ну как она не хочет понять, нужно она мне. Нужна, и все тут! Я понял, что полюбил ее и больше не хотел кривить душой перед собственной совестью.

Когда вошел в общежитие, Надя спускалась по лестнице. На ней был джемпер, накинутый поверх халата, на ногах тапочки. Ясно - разговор должен быть коротким.

Мы вышли за ограду и побрели к Дворцу пионеров. Надя молчала, я - тоже. Остановились у крылечка обшарпанного кирпичного дома. Надя поднялась по ступенькам, как-то посвойски провела рукой по перилам. Похоже ей довольно-таки часто приходилось здесь бывать. Мне же стало понятно, что дальше она не пойдет, и разговаривать придется здесь.

Некоторое время я в каком-то тягостном иступлении разглядывал изъеденные кирпич в кладке, надписи на них: "Хэви металл", "Граф-балбес", "Б.Н.А.+Р.Д.С.=". Ответ был яро зачерчен углем. Я нехотя поднялся на крылечко и встал у давно некрашеной и неоткрываемой двери. Взял Надю за руку. В ее глазах дальним всполохом шевельнулась и тут же погасла теплая, кроткая нежность, колкой болью отозвавшаяся в моем сердце.

- Надя, я знаю: ты избегаешь меня, но выслушай...

Надя вскинула узенькие брови, ее губы тронула саркастическая усмешка. она укоризненно покачала головой.

- А мне показалось, что это я тебе в тягость.

Как я был удивлен! Нет, женская логика непостижима для мужского разума.

- Не понимаю, - пожал я плечами. - Я ищу ее по всему городу, покой потерял... А она заявляет такое! С чего ты взяла?

Надя грустно улыбнулась.

- Да уж взяла. А разве не так? Ты добрый, совестливый.

- Положим, что так. Ну и что из этого следует?

- Ты встречаешься со мной из жалости: первый день тебе может и было интересно, а теперь просто боишься обидеть меня, потому и назначаешь все новые и новые встречи. А может потому, что не находишь в себе сил быть честным перед самим собой, боишься сказать, мол, побаловались и хватит.

Надя разглядывала свои тапочки с таким вниманием, словно видела их впервые. Было совершенно непонятно: или она не ждет от меня ответа, считая, что уже ответила за меня, или не хочет смотреть мне в глаза потому, что заведо знает - все сказанное ею надуманно с какой-то одной ей ведомой целью.

- А без темных пятен можно? - потребовал я. Говори, чтобы я понял в чем моя вина?

Надя резко подняла голову, в ее глазах отразился испуг.

- Что ты! Какая вина может быть перед человеком, который тебе безразличен. Я вовсе не виню тебя. Просто не стоит больше встречаться "низачем".

Меня так и подмывало крикнуть: как это низачем, я ведь люблю тебя! Но язык не поворачивался. Сказать люблю, значит обязать себя очень многому, я же не мог поручиться в чем-либо даже перед самим собой.

Пока искал слова, какими мог бы сказать, что она мне очень дорога, не обнадеживая ее при этом, Надя сама нарушила неловкое молчание:

- Ты ведь всегда торопишься, когда мы вместе.

У меня от этих слов гора с плеч свалилась. Не было надобности долго обдумывать сказанное: всему виной ее мнительность. Мне без труда припомнилось несколько случаев - еще тогда обратил внимание, что они произвели на Надю неприятное впечатление: однажды расстался с ней, не проводив до общежития, но мне нужно было спешить по ее же делу; в другой раз прибежал всего на несколько минут, мне нужно было срочно явиться на работу; в один из вечеров был немного не в настроении: у меня была большая неприятность. Девчонка! Как немного ей нужно было для вывода, что она мне в тягость.

Но, с другой стороны, она ждала с тобой встречи, возлагала на эту встречу какие-то надежды... И вдруг ты являешься только за тем, чтобы проститься с ней и сказать, что спешишь на

работу. А какое дело ей до твоего испорченного настроения, если она ничего не знает о твоих неприятностях?

Я прильнул спиной к облупленной двери и, прикрыв глаза, облегченно улыбался. Надя, замерев, ждала. Ей самой хотелось услышать, что это не так.

- Какая тягость, Надюша? - насколько возможно ласково заговорил я. - Мне ни с кем не было так легко и хорошо, как с тобой. Порой даже страшно представить, что мы могли где-нибудь разминуться. - И горестно добавил:

- Почему я не встретил тебя раньше?

Надя настороженно смотрела мне в глаза. Ей хотелось верить, но не верилось, а это пожалуй труднее, чем верить безоглядно. Ведь человек легко верит в то, во что ему хочется верить, насколько бы это ни казалось маловероятным. Бывает, пошутят товарищи, чтобы вы зашли в профком, где вам якобы необходимо получить путевку куда-нибудь за границу. Вы прекрасно понимаете, что это шутка, и все же на всякий случай заглянете в профком - время спросить, например. В то же время ваш дом может сгореть дотла, пока вы будете выпытывать убедительные доказательства из того, кто принес вам эту весть.

Чтобы развеять Надины сомнения, я рассказал ей, что был в гороно, и что заведующая сказала: "Плохо ли в Нежинске, хорошо ли, далеко ли это, близко ли не имеет никакого значения. Но то, что Надя воспитанница детского дома, и у нее из родных никого, кроме сестры в Озерном, нет, дает ей право на некоторое снисхождение. Ваша землячка может рассчитывать на место в городе".

- Она только хочет услышать от тебя лично, - добавил я, что ты не хочешь ехать в Нежинск. Я, кажется, так старательно за тебя просил, что заведующая усомнилась, только ли за землячку я прошу.

- Правда?! - обрадованно воскликнула Надя, блеснув глазами. - Нет, серьезно? Ты не шутишь? Я могу остаться в Чите?

- Глупой была бы такая шутка и жестокой.

Погасив вспыхнувшую было радость, Надя настороженно спросила:

- А тебе это зачем?

- Почему мне? Тебе это надо! Я же обещал.

Глаза вновь засветились счастьем, щечки заалели румянцем, губы заиграли в благодарной улыбке. Тучи рассеялись, и я был счастлив не меньше Надиного: значит все по-прежнему

и она останется в городе. Идти в гороно договорились на следующий день.

Я шел домой вне себя от радости, без стеснения улыбался во весь рот, вспомнив Надины благодарные глаза. Как мало нужно, чтобы человек, хмурый и равнодушный ко всему лишь минуту назад, вдруг так преобразился - всего несколько слов.

Весь город ликовал вместе со мной: оконные стекла играли пламенеющими бликами заходящего солнца; детвора носилась по школьному стадиону с громким смехом и восторженным визгом, гоняя что-то похожее на мяч; даже сваи недостроенной блинной казались мне торжественной колоннадой.

А что же вы, сосны, наши городские сосны, стоите в безмолвии, склонив в настороженном ожидании свои реденькие, ершистые кроны? Может, вы печальны от того, что вам видно с вышины, как город, раздвигая зеленую стену ваших собратьев, медленно, шаг за шагом отвоевывает все новые квадратные метры, оставляя лишь такие же одинокие деревья, которые рады бы потесниться в шумливое зеленое лоно, да не могут? Их доля - коротать век в каменном плену. Я понимаю: вы давно устали от нашей пестрой суеты, и вас заботит лишь одно - прожить бы еще годик, потом еще... Вас вовсе не беспокоят наши, земные переживания, своих хватает: машины по обнаженным корням ездят, ветер не утихая пригибает к земле, не желая понимать, что сосны, это не березы; человек, обрывая корешки, что-то копает и копает. Но сегодня-то, сосны, порадуйтесь вместе со мной?..

На следующий день, как и условились, я зашел за Надей в детский сад. Она вышла в белом халатике и тапочках.

- Ну что же ты?.. Иди одевайся! Нас ждут в гороно в течение часа.

Надя, спрятав руки за спину, прильнула к стене под лестницей и уставилась в пол. Боязливо взглянув на меня, вновь опустила голову. Ее большие серые глаза, чуть прикрытые припухшими, покрасневшими веками, смотрели в одну точку где-то на полу. Она хотела что-то сказать, но не решалась.

- Та-ак, - протянул я устало. - Ну, что еще случилось?

- А может не надо всего этого? - спросила она не поднимая головы.

Я опешил. Показалось даже, не расслышал, поэтому переспросил:

- Что?

- Я говорю, может не пойдем в гороно? Пусть останется все, как есть.

Меня бросило в жар.

- Надюша, да ты что?! Одевайся! Быстренько одевайся, и пойдем.

Надя сделала шаг от стены, но остановилась и, повернувшись ко мне, нервно теребила пуговицу на халате.

- Тебе-то это зачем?

- Я уже говорил: не мне, а тебе это нужно. Поторопись! - терпеливо сказал я, предчувствуя, что понервничать тоже придется. Но она вернулась к стене.

- Нет, не пойду. Пусть все останется, как есть.

Вот заладила! Хотелось вспылить и, хлопнув дверью, уйти. Кому это все, в конце концов, нужно? Мне или ей? Ей! Хотя, и мне, кажется, тоже.

- Да ты что?! Все уже обговорено, нас ждут. Не капризничай! Не ребенок ведь уже. Или ты хочешь ехать в Нежинск?

Надя отрицательно мотнула головой.

- Но и так не хочу.

- Как "так"? - недоумевал я.

- Ну вот так, - Надя развела руками. - Что я в училище скажу? Сама ведь давала согласие. Мы вдвоем с подругой выбрали Нежинск: название ведь красивое? А теперь? В обход директора, учителей... Как я им в глаза глядеть буду? Нет, так я не могу.

Меня начинало бесить это "не могу". Гляди-ка, какая принципиальная! А если через полгода, бросив трудовую книжку и плюнув на диплом, а значит и распрощавшись с любимой работой, убежишь оттуда и про подругу забудешь? Это верно будет? Я взял Надю за локоть и повлек к лестнице.

- Иди одевайся и не дури! Такя возможность не всем дается и не каждый день. После можешь хватиться, да поздно будет. Преступного здесь ничего нет. Заведующая гороно - женщина серьезная, она не пошла бы на аферу. Все законно, Надюша, и справедливо. А если бы тебя перераспределили помимо твоей воли? В этом случае твоя подруга обошлась бы? Да если она настоящая подруга, то поймет тебя.

Надя сперва поддалась нажиму, но возле самой лестницы увернулась и вновь уставилась на меня своими большущими глазами.

- А я?

- Что ты? - не понял я.

- А я, если настоящая подруга?..

Упрямство в глазах вдруг сменилось на страдание и боль.

- Да тебе-то... зачем? - почти простонала Надя. - Скажи... Зачем тебе все это нужно? Я тебя никак не могу понять. Кто ты? Что ты за человек? Ласковый, нежный, добрый. За что все это? Скажи, пожалуйста, я прошу тебя, зачем тебе все это нужно? - беспокойные Надины глаза заблестели, губы задрожали.

Я только теперь обратил внимание на вопрос, прозвучавший несколько раз, вопрос, который она задавала мне и вчера. Только теперь услышал, сколько Надя вкладывает в него эмоции. Этот вопрос самый для нее важный! Мне вдруг показалось, что все Надины аргументы, кроме этого "тебе-то зачем?" - надуманные. Мне стали понятны Надины мысли, как свои собственные. "Он наверное для себя старается. Сейчас вежливый, обходительный, а как только останусь в городе, житья не даст. Мужики благородные, пока своего добиваются: все женщины так говорят".

Я вдруг почувствовал чудовищную усталость. Все старания напрасны. И из-за чего?

- Но ведь это неправда! - крикнул я в ответ на якобы Надины мысли.

- Тихо! - испугалась она. - Это же детсад, тихий час.

Меня трясло.

- Послушай, Надюша! Я в самом деле питаю к тебе более, чем уважение. Полюбил я...

- Не надо! - взмолилась Надя, голос которой наполнился слезой.

- ...Но я понял, что не пара тебе. Если бы решил добиваться своего до конца, то ты не скрылась бы и в Нежинске. Когда я теряю голову, то уж капитально - все могу бросить ради нескольких минут с любимым человеком. Но, повторяю, я понял, что не нужен тебе. Сейчас сходим в гороно, и я скроюсь с твоих глаз навсегда, будто меня и не было.

Немного помолчав, я добавил: - Конечно, если ты этого захочешь.

В душе поселилась странная раздвоенность. Больше всего хотелось, чтобы Надя не отвергала мою помощь, не лишала меня права на поступок. С другой стороны, ох как не хотелось потерять ее навсегда. Оба чувства имели одно устремление -

оставить Надю в Чите, и мне трудно было поверить самому себе, что мое старание абсолютно бескорыстно, хотя это было так - я готов был любить без взаимности, лишь бы у нее все было хорошо.

Надя, запрокинув голову и прикрыв глаза, нервно кусала губы.

- Нет, - сказал она уже твердо, без тени колебания. - Пусть все останется, как есть.

- Но почему? - опять сорвался я на крик. Упрямство Нади выходило за всякие мыслимые рамки. - Почему? Ты можешь объяснить так, чтобы я понял и отстал от тебя? - Тряс я Надю за плечи.

Она закрыла лицо руками и стояла молча. Вконец обессилев, я опустился на корточки у стены рядом с ней.

- Я бегал, старался... Думал, почему девчонка должна прозябать в этой дыре, - давил я на психику, разговаривая, как бы с самим собой. - А она... Никакого уважения. Обошлась, как с пацаном. Как она учителям в глаза смотрит. А я? Как я заведующей гороно в глаза посмотрю? Что она обо мне теперь думать будет?

Надя резко отняла ладошки от лица и сжала их в кулачки. Обернувшись ко мне, буквально простонала:

- Да не верю я в хорошее! А плохого столько было, что я от него устала. Не верю! Понимаешь! Не ве-рю!

Первое, что в сердцах подумалось - строит из себя уставшую от жизни старушонку, а сама еще и не видела ее - жизни-то. Но такое не вязалось с той Надей, которую я успел узнать.

Раскалившийся в атаке мозг стал остывать и я вдруг увидел, что мы настолько разные люди... У нас совершенно разные представления о жизни, о ценностях, о вещах, имеющих, казалось бы, вполне определенное содержание. Мы словно из разных жизней, а потому и говорим будто на разных языках. И Надино представление о жизни, кажется, было более близко к реальности, нежели мое.

Видимо сама жизнь слагалась у Нади так, что бескорыстное добро было для нее чем-то несуществующим. Она старалась избегать всего, что поставило бы ее в зависимость от кого-то. Самый простой путь к этому - отрицание чьего бы то ни было вмешательства. Лучше жить исключительно своими возможностями, своим умом. Худо-бедно, но своим.

"Не верю", брошенное в лицо, стало для меня пограничным столбом, зайти за который я больше не мог. Нет, я в ее глазах вовсе не был коварным хитрецом, но она не могла положиться и на обратное, а потому избрала простейший путь - напрочь отвергла и то, и другое, оставшись сама при себе: так надежнее.

Но откуда у девчонки, не прожившей и двадцати лет, такое благоразумие? Что она должна была пережить, чтобы дойти до всего этого своим умом? Более того, где она набралась такой твердости духа, чтобы противостоять соблазну? Нет, не такая уж она кроткая и беззащитная. Она сильнее меня! Сильнее многих тех, кто готов пожертвовать даже честью, чтобы уйти от диктата госраспределения. Пусть едет в Нежинск: с таким кремнем ничего не станется!

Я глядел в Надино открытое, без хитринки и лукавства лицо, жадно впитывая каждую его черточку. Хотелось с фотографической точностью запомнить каждый лучик морщинок у глаз, каждую ресничку.

Моя рука наткнулась в кармане на небольшой камешек.

- Но хоть это возьмешь от меня на память? - протянул я Наде шелковистый сиреневый самоцвет. - Это чароит - символ твердости духа... да и вообще, символ редкостных качеств.

Надя с охотой приняла подарок и крепко стиснула его в руке. Она смотрела на меня с былой нежностью, но теперь это скорее походило на жалость. Не хватало еще, чтобы она изменила свое решение из-за жалости. Нужно как можно скорее оставить ее в покое.

Такой я ее и запомнил: невысокая, голова чуть склонена на бок, ровные зубки, как всегда, прихватили нижнюю губу, к груди прижат кулачок с самоцветом, а в глазах сомнение в правильности выбранного пути и сожаление о том, что могло сбыться, да не сбудется уже.

Такой она и удалялась в моей памяти стремительно во время, как удаляется земля, покидаемая нами, когда самолет набирает высоту. Но землю нельзя покинуть навсегда. Не получится. И в лучшем случае, и в худшем ты вернешься к ней. Так и яркий образ Нади: он не удаляется в памяти навсегда и время от времени высвечивает, заслоняя собой все остальное. В такие минуты хочется все бросить и полететь в Нежинск, хотя бы мысленно. Там ли ты еще, Надежда? Если да, то как поживаешь? Волосы в два цвета не перекрасила?..

* * *

Николай тряс меня за плечо, в его обеспокоенном взгляде отразился испуг.

- Ты чего? Что с тобой? Белый, как бумага. Сердце, да? Может скорую?.. - волновался мой школьный друг.

Я перевел дух, улыбнулся. А в груди и правда защемило. Страшно, когда идеал вдруг грозит рухнуть.

- Все нормально, Коля. Наверное вздохнул не так, вот и повело... Возвращаясь к теме, сказал:

- Нет, Николай, для меня это дело не годится, и тебе не советую лезть. Не порть человека, Коля, он только начинает жить, а ты ему такую услугу. Или ты тоже веришь, что трем годам отработки по распределению честь - красная цена? Да и нужно ли откупаться от своего гражданского долга? Ты ведь, помнится мне, в армию сам напросился, хотя тебе отсрочка полагалась?

Николай скорчил замученную, обиженную мину.

- Да я шибко и не стараюсь, так ведь она - надоеда... друг взглянул на часы и спохватился. - Ну, ладно - кранты! Бывай здоров: мне еще к матери заскочить надо.

Николай скрылся за старым двухэтажным домом, а у меня в груди что-то неуемно ныло, словно выпустила когти чья-то черная, косматая лапа да и полосонула прямо по сердцу. Нет, все-таки я возьму билет на самолет и слетаю в Нежинск...

Илья Павлов

Разлад в большой семье

Светлой памяти жены Нади

8

Как часто говорила покойная мать,- это наш заскребушек, если речь заходит о Сергее, самом младшем в нашей большой семье. Серега как закончил ФЗУ, привязался к железной дороге, так и провел всю сознательную жизнь в локомотивном депо, вначале помощником, а в основном, машинистом локомотива. Как говорится, хлебнул горячего до слез, от паровозной топки, копоти и сажи и постоянных сквозняков.

Сергей в среде рабочих, многие годы оттачивал мастерство, за свою доброту, отзывчивость заработал и товарищеский авторитет, награждался орденом Трудового Красного Знамени, медалями, грамотами, юбилейными подарками.

Свой труд постоянно совмещал с общественной жизнью. Неоднократно избирался в местный комитет, даже несколько лет был председателем месткома депо, участвовал в работе центральной конференции профсоюза железнодорожников, проходившей в Москве. А как страстный болельщик хоккея был рекомендован руководителем команды хоккея с мячом, носящей имя "Локомотив", отстаивавшей интересы родного города в матчах высшей лиги республики. Это было уже значительно позже, после перенесенной тяжелой операции желудка.

В общем, за 40 с лишним лет, Сергей изучил все специальности локомотивного дела, дошел до профсоюзного руководи-

теля. В трудные годы войны Сергей, бригадир по ремонту локомотивов, стал членом партии коммунистов.

Как-то сложилось, что у нас с младшим было очень много общего. Из всех родичей мы одни хорошо "варились" в рабочем котле, испытав все горечи и радости трудового быта. Даже по складу характера были похожи: все как-то запросто, откровенно, обоюдно обсуждалось и сближало в родственно семейную дружбу. Даже ребятишки, будучи еще маленькими, по мере взросления, тянулись другу к другу.

Вровень с хорошими, душевными качествами Петра, появлялись дурные: брат стал увлекаться "зеленым змием", выпивать. То на стадионе, во время футбольного матча, то после хоккейной баталии. Надо "сбрызнуть" выигрыш любимой команды, то с досады отметить проигрыш. С годами увлечение настолько прогрессировало, что в последствии переходило в недельные и большие запои, как говорится, до чертиков.

Естественно, все это не могло не сказаться на состоянии здоровья. Тяжелая, серьезная операция желудка. Психическое расстройство с кратковременным пребыванием в нервной клинике. И что очень пагубно, он, как в начальной стадии так до критического периода, не мог признать своей слабости к спиртному.

- Вам всем только кажется, что я отпетый алкоголик, - с раздражением отстаивал он свой недуг в ответ на советы или замечания кого-либо из нас, родственников. Реагировал на замечания дерзко, болезненно.

В следствие перечисленного пережитого в семье создавалась напряженная обстановка, которая в бошинстве своем оканчивалась скандалами.

Вера, жена Сергея, почему-то преимущественно за помощью обращалась ко мне, чтобы я вник, поговорил с ним. Правда, все родственники не оставались в стороне, всяк по-своему увещевали, напоминали, уговаривали, старались отвлечь, убедить его в пагубности такого поведения. Что касается меня, видимо, по причине прямолинейности, всякие внушающие разговоры у нас с братом оканчивались довольно серьезными конфликтами, вплоть до резких реплик в его адрес. Я никак не мог согласиться с отсутствием у него понятия о надвигающейся катастрофе.

В ту пору никак не представлялось, что все мои резкие замечания, советы, наставления, как брата брату могут оказаться в будущем затаенной обидой.

Все же, несмотря на очевидные, личные недостатки, Сергей свой производственный путь прошел с достоинством, с материальной обеспеченностью. Дети выросли, обзавелись своими семьями, приобрели специальности, как положено молодым людям современого общества. Старшая, Нэля, росла еще в трудные годы, была в семье тихой, скромной девочкой. После десятилетки - государственный университет, факультет химии. Дальнейшее занятие - преподавание в старших классах. Муж Нэли, кандидат наук, Оглоблин Виктор, занимается научной работой в одном из институтов крупного промышленного города Украины, где и проживает с семьей, имеет двух дочерей.

Сын Сергея, как и его старшая сестра, закончил 10 классов, далее пошел по стопам отца, железнодрожником. После некоторой школьной, кружковской подготовки, стал помощником машиниста электровоза. Работал добросовестно, слаженно, дисциплинированно, как и подобает молодому, начинающему рабочему. Отслужив в рядах советской армии, Валерий возвратился обратно в свой коллектив, локомотивное депо. Вскоре, по рекомендации комсомольской организации, перешел работать в органы внутренних дел, сотрудником государственной автомобильной инспекции, где и продолжает служить нужному для государства делу. За время работы в ГАИ показал себя дисциплинированным, принципиально-справедливым, перспективным работником в борьбе за сокращение дорожно-транспортных происшествий.

Коммунисты, сослуживцы Валерия, приняли его свои ряды, здесь же он заочно окончил техникум железнодорожного транспорта. Таня, жена Валерия, служащая, добрая домохозяйка и прекрасная мать двоих, пока еще маленьких детей. Трехкомнатная благоустроенная квартира вбирает в себя молодую, современную, дружную семью.

9

Итак, вкратце, по возможности объективно, охарактеризовано мною все довольно большое семейство Павловых.

Несмотря на разные характеры, капризы, нравы, малозаметные семейные вспышки, мы взрослели, мужали и старели очень дружно.

У кого-то свадьба, именины - любые семейные торжества прооводились сообща, со взаимным вниманием, весело. Собирались довольно часто, семьями. Нередко с ребятишками, особенно, нам с женой детей всегда приходилось брать с собой, т.к. оставить было не с кем. У всех остальных дети были или уже большенькими или нянчились с ними бабушки. Короче, время мы проводили замечательно, несмотря на то, что материально, особенно в послевоенный период, жилось значительно труднее.

Зато душевно были все богаче в течение двадцати послевоенных лет. Бывало во время празднования каких-либо семейных событий кто-то расскажет подсоленый анекдотик, побасенку, кто-то пошел в перепляс под аккордеон или в медленный вальс покружиться.

Константин имел аккордеон, который привез из Германии после войны. Он часто на семейных гулянках выступал со своим коронным номером - перепляс под собственный аккомпанемент на аккордеоне. И вообще все любили и у всех неплохо получался перепляс, так называемые "Русская", "Подгорная", полька.

Кого-то коснулось горе, болезнь - также, с сочувствием, личной скорбью все делилось на всех.

Нередко нашей дружбе завидовали, восхищались ею многочисленные более дальние, двоюродные, троюродные родственники, или просто знакомые нашей семьи.

Но наступил злополучный момент, и в нашей дружбе образовалась трещина. Все расширяясь, увеличилась она в пропасть и превратилась в родственную трагедию. Как ни прискорбно, но это факт.

В ход было пущено все дурное в понятии здравомыслящего человека. Такое как - подлость, шантаж, клевета, личные оскорбления, унижение человеческого достоинства, вплоть до угрозы физической расправы.

Чтобы не ввести в заблуждение читателя, я попытаюсь на строгих фактах обрисовать случившееся, называя вещи своими именами.

Следует оговориться, что со всеми подробностями происшедшее осветить невозможно: слишком гадко, кощунственно,

мелочно. Как говорится в народе: лучшая защита - это нападение.

Выдавалось желаемое за действительное, или когда вор, забравшись в чужой карман за кошельком, всех громче кричит: "Держите вора!"

Забегаю далеко вперед.

Все это неприятное на протяжении многих лет, постепенно начиналось среди близких, кровных родственников. Никто не может, не хочет попуститься своей гордостью, тщеславием. Все отстаивают свою правоту, одновременно наслаивая обвинения противной стороне, несмотря на то, что "правота" выражается в явной несправедливости.

Появилось некое новое, невиданное раньше понятие - "правда лжи". Когда глядя другу другу в глаза люди, знающие правду, говорили друг другу ложь, опять-таки, точно понимая, что собеседник принимает эту необходимую ложь, соотнося ее с известной ему правдой.

10

Начало событий исходило от старших - Кирилла и Клавдии. Они совместно приобрели злополучный садовый земельный участок, в три сотки, в садоводческом товариществе "Байкал".

Первые два года протекло все благополучно, выражалось обоюдное удовольствие, раздавались взаимные похвалы, восхищения и т.д.

Они могли взахлеб рассказывать о своих достижениях по выращиванию урожая в саду. "Какую чудесную малину или смородину вырастили мои хозяйки, хорошо, что имею мотоцикл, а то я не успевал бы выполнять их поручений", - с восторгом рассказывал Кирилл о сестре Клавдии и своей жене, Дарье.

Но вдруг черная кошка перебежала им дорогу.

Нас всех это не особенно удивило, т.к. всего, получилось, от них можно было ожидать. Но тем не менее, мы беспокоились за брата и сестру, и каждый из нас по-своему стремился уладить начавшийся семейный разлад.

На могилу к покойной матери, в родительский день, не сговариваясь, собрались все родственники. Тут же, на могиле, якобы примирили старших и они подали друг другу руки.

Но Кирилл прямо с кладбища на мотоцикле поехал в сад и сделал там все по-своему, в чем не был согласен с Клавдией. В присутствии нас, он якобы со всем согласился, не осмелился доказывать, а тихонько, крадучись, все переделал.

Время шло, страсти разгорались.

Все предыдущие годы Клавдия как-то всегда была ближе к нам, т.е. к моей семье, и семье сестры Татьяны, к Ганиным. Женщины, моя жена Надежда и сестра Татьяна, по-своему, по женски, всегда ее опекали, у них не было меж собою каких-либо тайн. В усложнившейся обстановке Клавдия приходила ежедневно, могла часами плакать, рассказывать, возможно, и с предвзятостями, о проделках Кирилла. Мы, как могли, утешали ее, и откровенно говоря, в то время лично я многому верил в рассказах старшей сестры.

Чувствуя, что их противоречия зашли далеко, как-то предложил сестре уйти из совладения по саду:

Вы с Кириллом не сработаетесь, - сказал и я ей.

- Что ты! - с возмущением ответила Клавдия, - ни за что не уйду, скорее, наоборот, Кирилл, уйдет, а вместо него вы с Надеждой приходите. Вы не такие, вы многое делали и делаете для меня хорошего. Я перепишу на тебя сад, делай с ним, что захочешь, а я буду с вами только отдыхать, мне ведь скоро седьмой десяток закончится, надо и об отдыхе подумать. И не нужно от вас платы, буду возле вас, а там схороните меня.

Были и слезы, причитания с уговорами пойти нам с женой к ней за помощью по обработке участка и в совладение.

Зная хорошо характер Клавдии и все, что произошло между старшими, я наотрез отказался, не дав малейшего повода к надежде.

- Все равно выживу Кирилла! - однажды заявила Клавдия. - Написала заявление на него в партийную организацию, на, почитай, - она протянула мне листок бумажки.

Сделав ей соответствующую проборку, я предложил уничтожить написанное не читая, и впредь наказал не повторять кляузную писанину.

Но Кирилл, видимо, учел развивающиеся напряженности, забрал у нее половину стоимости участка, 175 рублей, отдал документы с личным заявлением в правление садоводства и ушел из совладения садом. Одновременно приобрел для себя садоводческий участок на Ершовском заливе, за плотиной ГЭС.

Ушел Кирилл, а злобу, в основном, почему-то на меня, затаил. Видимо, внушил себе (в дальнейшем это подтвердилось), что я из корыстных целей натравливал Клавдию на него.

По-своему и я был неправ. Мне следовало активно включиться в выяснение обстоятельств инцидента, не прислушиваясь ко всему, чего наговаривала на Кирилла Клавдия. Этого я не сделал, да и никто из родственников в этот момент не вник в их историю, считали, все обойдется. Больше того, с моей стороны допущена еще одна ошибка - не воспрепятствовал жене Надежде, которая целый летний сезон ездила к Клавдии, по ее просьбе и помогала обрабатывать участок, когда она осталась одна.

Но самый большой мой промах в том, что через год, когда Клавдия принесла от Кирилла документы, подтверждающие его выход из совладения, на ее, Клавдины уговоры я дал согласие войти к ней в компанию.

К тому времени мой дом снесен под строительную площадку для кооперативного дома, и я не считал чего-либо предрассудительного в своем поступке.

Вот копии документов, переданные Кириллом сестре Клавдии.

В садоводство "Байкал"
от Павлова Кирилла Павловича

Заявление

Прошу числящийся за мной садовый участок № 9, переписать на Симонову Клавдию Павловну.

Прилагаю членскую книжку.

1966 г. (Павлов)

Расписка

Я, Глушков Леонид Александрович, проживающий по ул.Ленина, 22, получил деньги с Павлова Кирилла Павловича, проживающего по ул.Желябова, 25, за принадлежащий мне садовый участок в садоводстве "Байкал" в количестве 3 сотки, сумма одна тысяча пятьсот рублей (1500).

Декабрь 1959 г. (Глушков)

Подпись Глушкова заверяю домоуправ печать

(Деньги в старом исчислении 150 руб., в новом 1-10)

До того, как Клавдия показала документы с заявлением Кирилла, я не успел еще войти в дело, а только лишь дал согласие подключиться к ней. И тут же, немедленно, через служебный адрес, получил письмо.

Уважаемый Илья.

Ты дальше своего носа ничего не видишь. Сведи Клавдию с Дашей, она тебе расскажет, как Клавдия все сплетала. Вы действуете, как фашисты, нащупав мое уязвимое место.

Я в настоящее время одинок, изолирован вами.

Ты действуешь, как тамада, все спланировал, метишь на готовое, предлагаешь Клавдии свои услуги, с казенным транспортом. Так имей в виду, я изменил решение переписывать на сестру сад, значит напрасные твои хлопоты подсчитывать урожай с готовой плантации.

Все, что имелось во мне родного и свято хранилось мною, вы вырвали с кровью, и, кажется, навсегда.

Очень сожалею, что Степану не сделал предупреждения еще 15 лет назад (пощечину), не имел бы такого нервного потрясения, какое переношу в данное время.

1966 г. Кирилл.

С большой осторожностью я включался в совместную обработку участка, стараясь ничем не обидеть сестру, без ее согласия ничего не предпринимая.

Первой задачей, с которой пришлось заниматься все лето, конечно, с помощью женщин, - это упорядочение домика, в наличии был не домик, а его подобие - легкое, ветхое, сколоченное из ящичков сооружение. Пришлось сделать пристрой такой же, поднять крышу, изнутри и снаружи под одно все обшить, перекрасить, выкопать подполье. К осени домик стал походить на уютное место отдыха.

Как-то во время строительства, подошел старик-садовод Жмуров и заметил:

- Ну, Клава, с таким помощником, - пальцем показывая на меня, - тебе можно жить, не то что был старший, Кирилл.

Клавдия, действительно, от радости была на седьмом небе. Бывало, подает мне доску на крышу с похвалой:

- Вот это хозяин, не то, что Кирилл, тот приедет, выспится, тыр-тыр на мотоцикле, и только видели его, а сейчас просто душа ликует.

Сосед Глушков, Александр Алексеевич и то бывало говорил своей жене или кому из знакомых:

- Вот два брата: Кирилл, бывало, рассердится, перевернет мои бочки с водой на меже, а этот, Илья, безо всякой просьбы, своим шлангом, наливает мне, как инвалиду.

Садик был очень загущен, они с соседкой Федосьей, как бы соревновались до этого, у кого больше нарастет смородины, или еще чего, а что там может расти, когда ни солнца, ни воздуха, все сплетено, покрылось плесенью.

Посоветовал сестре разредить участок, а старые кусты и плохие сорта постепенно заменить, в чем она охотно согласилась.

- Делай, делай, Ильюша, как лучше, тебе виднее.

С моей Надеждой они работали очень дружно, от всякой тяжелой работы мы старались Клавдию отстранять. Копать ли ямы под столбы заборов во время общих воскресников, переносить навоз и прочие тяжести, которые непредвиденно одна другую нагоняли.

К нам в садоводство очень часто приезжали сестра Татьяна с мужем Иваном Николаевичем, на природе "гоняли чаи", смех, анекдоты, побасенки, в общем, время проводили дружно и весело. Иной раз в шутку скажу женщинам:

- Я вам выращу смородину, малину и прочее, а вы уже по-своему управляйтесь с урожаем, собирайте да перерабатывайте.

Урожая-то было с гулькин нос, что можно снять с трех соток! И все же, все было согласовано, обговорено, чтобы не было какой-либо обиды у сестры.

Но брат Кирилл никак не мог успокоиться и простить, особенно мне. Прихожу как-то на очередное дежурство в автобазу, кадровичка вручает письмо. Я был удивлен, почему второе письмо на служебный адрес, тогда как домашний мой всем родичам известен.

"Илья, я очень рад, что меня окружают верные друзья, совсем не похожие на вас.

Друзья наблюдают за мной, и одиночеством моим, как я терзаюсь, и предлагают свои услуги защиты. Советуют обратиться в редакцию, все рассказать, будет как "фельетон", к пятидесятилетию Советской власти - "Братья коммунисты".

Считай, что я тебя предупредил, это будет связано с райкомом, значит, Клавдия, и все остальные отпадают, а фигурировать будем только мы с тобой.

Я пока друзей успокаиваю, объясняю им, что сам отражаю натиск. Ты все советуешься со своими и жмешь на меня, как жали гитлеровцы.

Не забудь, что я фронтовик, орденоносец, и член партии коммунистов.

Сентябрь 1967 г. Кирилл

В этот же период, брат Семен, с Иваном Николаевичем, решили сходить к Кириллу. Они попытались урезонить, успокоить, но куда там, как говорится, "ходил на дубах". Все злобные высказывания в порыве гнева были направлены в мой адрес.

Тем временем у нас с сестрой Клавдией, проходило все согласовано, дружно - пока что. Продолжали благоустраивать участок, плоды своего труда уже были заметны, урожай, какой бы ни был, делился строго пополам.

Вся малина заменена более урожайными и морозостойкими саженцами "Новость Кузьмина". Как могли, применяли современную агротехнику, вносили ежегодно по машине навоза. Для меня с машинами, с разрешения руководства автобазы, было более доступно, так что и раньше я им привозил навоз, по их просьбе, особенно, по просьбе сестры.

Я учитывал Клавдины наговоры на Кирилла, что, якобы, он вносил удобрения без разбора.

- Дарья так же, нужно или не нужно, наполивает, наудобряет, и я, конечно, не отставала от них. Все вроде старались делать лучше, а получалось наоборот - хуже, не согласованно. А еще стала замечать, что они втайне от меня увозили сумки с овощами...

Во избежание повторения подобного, я с самого начала совместных работ договорился с женщинами, т.е. с сестрой и с женой, что внесение удобрений и необходимый полив основных культур, смородины и малины, возлагались на меня. Что касалось выращивания мелочи и обработка всего урожая, - это удел женщин.

Казалось, все оговорено, согласовано, но тем не менее на третий год, мы с женой начали наблюдать изменение настроения у "хозяйки". Вдруг исчезли шутки, под разными предлога-

ми участились отказы от общей еды за одним столом: "Я поела недавно", "Я не хочу есть" и т.д. Появилась непонятная замкнутость, частые, глубокие охи-вздохи. На вопросы: "Что случилось, здорова ли?", ответы следовали более резкими, чем бывало прежде: "Ничего, так просто". Наблюдались заплаканные глаза в отсутствии на то причины.

Это нас с Надеждой настораживало, состоялся первый, не совсем обычный разговор.

- Объясни, пожалуйста, Клава, что случилось?

- Особенного ничего, - ответила сестра, - но ты что-то начал сильно хозяйничать, от всего отстраняешь меня. Смородину не удобряй, малину, землянику не поливай, да вообще-то я и сама еще могу похозяйничать.

- Ты ведь постарше нас, мы просто тебя оберегаем. Мы же еще вначале обговорили, кто чем будет заниматься, чтобы не получилось, как у вас с Кириллом. А может быть, тебе отдать деньги, половину стоимости участка, несмотря на то, что ты, когда уговаривала нас, заявляла: "Никакой платы не надо?"

- Да, видимо, вам придется заплатить, - заявила сестра, так как я собираюсь в Минск, к сыну Юрию, деньги нужны на дорогу. Отдадите половину стоимости, 150 рублей, - (нам известно было, что они покупали участок за 3000 рублей, в старом исчислении, реформы, 1-10). - Я отдала Кириллу 175 рублей, но т.к. вы домик отстроили, с вас достаточно половины, 150 руб.

- Вот что, Клава, - сказал я, - давай, договоримся так, как ты обещала раньше. Садик перепишем на меня, я все же мужчина, мне проще им заниматься. В остальном все остается по-прежнему. Сможешь ты или нет работать на участке, находись здесь сколько хочешь, принимай, кого захочешь, все денежные расходы по садоводству (земельная рента, электроэнергия, вода, удобрения) беру на себя, а все, что вырастет из урожая, строго делим пополам, несмотря на то, что мы с Надеждой двое работали. Пойми меня правильно, мне бы очень не хотелось, чтобы между нами получилось, как у вас с Кириллом.

Так и порешили. Деньги, 150 рублей, были вручены ей немедленно, но по тону разговора чувствовалось что-то более серьезное.

В это время в товариществе произошел вполне обычный, часто повторяющийся у садоводов случай. Клавдин "консультант", Жмуров, продал свой участок за 1200 рублей (уже в

новом исчислении). Участок вдвое больше нашего, оборудован довольно культурно. Короче говоря, стоящий участок. Участки вообще стали дороже. "Не явилось ли это причиной изменения настроения сестры," - подумали мы с женой, но близко к сердцу не приняли.

Вскоре Клавдия принесла в садик бумагу, чернила и предложила мне написать заявление о приеме в члены товарищества. Одновременно показала написанное ею заявление, с просьбой о переоформлении участка на мое имя, на имя Павлова И.П. Тут же все документы положила на полочку, со словами:

- Давай, не тяни, напиши заявление и передадим в правление.

- Успеется, не горит ведь, - попытался отшутиться я.

А через несколько дней хватился - на полочке ничего не оказалось, совершилось таинственное исчезновение. Спрашивать об исчезновении у сестры воздерживался, чувствуя, что-то новое опять предподносится, или вновь затевается.

Так время шло, все мои попытки пошутить, запросто поговорить не давали желаемого результата. С каждым днем напряжение усиливалось, сестра все чаще пыталась спровоцировать какой-нибудь конфликт, мы с женой старались не допустить его. Но было очевидным, с Клавдией происходит что-то неладное. Делает более повелительные замечания: то не на место посадил молодой кустик сирени, то много и неправильно вырезал смородину.

Случилось как-то, стал пропускать, подтекать водопроводный кран, не причиняя каких-либо помех. Так Клавдия без меня наняла стариков, Жмурова, Клыпина, чтобы заменить неисправный кран, тем самым подчеркивая мою беспомощность, а я хозяйка. Как-то, по своей ошибке, я увеличил дозу химикатов, проводя внекорневую подкормку смородины и незначительно поджег лист кустов. Опять же, в мое отсутствие, был собран "консилиум" из тех же стариков-садоводов, прошли страстные обсуждения вокруг подожженного листа, но какого-либо вреда не было подтверждено.

Меня же, вся эта надуманная шумиха настораживала, наконец произошел незначительный, нс с нежелательными последствиями конфликт.

Кирилл тем временем метал гром и молнии на всех, особенно на меня, в своей трехлетней самоизоляции. Не дождав-

шись кого-либо к себе с повинной, решился пойти к Клавдии, просить прощения самому.

- Бей, сестра, по плешивой голове меня, я во многом виноват.

Вскоре Кирилл и ко мне временно сменил гнев на милость, отношения несколько восстановились.

Летом, по случаю приезда в отпуск дочери Эльвиры с семьей, мы с женой Надей устроили традиционный, родственный прием. Пришли многие из родственников, в том числе и Кирилл. Но прежде чем прийти, он много упрямился, заставляя меня применить все возможное при уговорах.

Пообедали, естественно, все выпили, запели песни, подсел я к Кириллу. С другой стороны возле него сидел Геннадий, сын Клавдии, младший сын, зоотехник.

Слово за слово, повели непринужденный разговор, и конечно, коснулись конфликтов, в частности, его самоизоляции.

- Слушай, Илья, - обратился ко мне Кирилл, - я намерен был тебя зарезать.

Приняв высказанное за шутку, также шуткой спросил:

- А может, и сейчас еще не поздно? - придвинул к нему столовый нож, лежащий рядом. Он вполне серьезно ответил:

- Нет, тебя этим не проймешь, было у меня приготовлено кое-что похлеще.

Его ответ меня и рядом сидящего и все слышавшего Геннадия основательно ошарашил, трудно было поверить в правдивость сказанного.

Вскоре сестра напомнила мне, чтобы я написал заявление о переписке участка. Тут, без промедления уже, я написал заявление, и, по обоюдной нашей просьбе правлением, а затем общим собранием членов садоводства "Байкал", было разрешено переоформить участок на мое имя.

Тут, как на грех, ко всем нашим ненормальностям соседка Федосья продала свой, такой же, как наш, участок, за внушительную сумму, 1000 рублей. Эта новость, а также тысяча, которую она также могла иметь, окончательно вскружила голову сестре.

Она начала выкидывать номера, влекущие к окончательному разрыву. Вызывала на беспричинные ссоры, всякий раз высказывая:

- Добились своего, выживаете меня, немощную старуху, все равно вам не будет счастья в моем кровном саду.

Основательно доставалось моей жене, Надежде, которую упрекала в воровстве, что де Кирилл с Дарьей с этого же начинали, сумки с овощами крадучи таскали, ты туда же, толстозадая королева, разжирела за спиной жадного мужа, и т.д., и т.д., даже проявляла попытку к рукоприкладству. Одновременно Клавдия выискивала поддержку у других родственников. Демонстрируя психическое заболевание, несчастную старческую немощь, истерики, слезы, вплоть до угрозы самоубийства.

От сестры Татьяны ожидаемой поддержки и сочувствия она не получила, так как многие годы, особенно последние события, протекали и развивались при непосредственном наблюдении Татьяны и Ивана, ее мужа. Они Клавдию много предостерегали, предупреждали о допускаемой несправедливости. Татьяна делала ей замечания, причем высказывала:

- Что же, с одним братом скандалила, теперь другой стал плохим, который на протяжении всей жизни тебе причинял только доброе.

За это высказывание, и только за это, Татьяна с Иваном попали в немилость, за что получали оскорбления и всяческое унижение.

Зато после всего происшедшего Клавдия получила поддержку от братьев. Чего-чего, но этого я никак не ожидал, даже мысленно не предполагал, после всего случившегося между Клавдией и Кириллом. Куда благоразумней было бы сделать Клавдии внушение, как это сделала Татьяна, и все встало бы на свое место.

В том, что я уверен был в объективности братьев, - это моя роковая ошибка. Тот день, когда я дал согласие связаться с Клавдией, пойти с ней в совладение по участку, проклинаю и буду проклинать до конца своей жизни.

В канун дня Советской Армии, в феврале 1970 года, ко мне на квартиру пришли два брата, Семен и Сергей. Мы с женой, в порядке традиционного гостеприимства, как положено родным, встретили гостей.

После обычных дружеских разговоров и умеренного подпития начался разговор по части наших с Клавдией, взаимоотношений.

- Что ты думаешь предпринять с вашим садом? - спросил Семен.

Я попытался отшутиться:

- Вот начнется весна, будем начинать работать.

- Ты же Клавдию выгнал! - более возбужденно заметил Семен.

- Никого не выгонял, она сама отстранилась с руганью, все выдумано.

- Ты диктатор, диктуешь ей свои условия, как она рассказывает и плачет, ты издеваешься над ней.

- Вы в курсе всех событий, так выслушайте еще, я вам подробно все расскажу.

- Нечего нам слушать, мы только что от нее и все выслушали. Ты должен оставить старуху в покое, уйти от нее или заплатить как положено, - ровным, внушительным голосом излагает Семен.

Не ожидая подобного ультиматума, естественно, с возбуждением, тут же, немедленно, пишу доверенность об уходе и предоставлении Клавдии право распорядиться садом, как захочет.

- Что это за доверенность? - замечает Семен. - Она должна быть заверена нотаруисом.

- Никакой заверки не нужно, я уйду немедленно, только после всего этого сестру я не буду признавать, она мне не нужна - все наклеветала, это шантаж.

- Тогда пойди сам и передай Клавдии доверенность.

- Никуда я не пойду, не считаю нужным.

Основательно рассердился Степан, даже ноздри зараздувались, - это признак крайнего раздражения. В порыве он налепил на меня оскорбляющих, незаслуженных ярлыков: диктатор, комбинатор, делец, мудрец, затем передал доверенность тут же сидевшему, молчащему Сергею, который также молча разорвал доверенность и бросил на стол.

- Не хотите выслушать, да к тому же оскорбляешь, - обращаюсь к Семену, - тогда идите к такой-то матери, - я крепко покрыл братьев.

- Ты со своей шоферней совсем обнаглел, только и научился матюгаться, - не ожидая такого оборота, несколько растерявшись, Семен продолжил, - и все же ты должен уладить с Клавдией, мы через неделю с Сергеем еще придем.

Выйдя в прихожую, он стал поспешно одеваться, затем молча вышел за дверь.

Несколько задержавшись после ухода Семена, Сергей сдавленным голосом (чувствовалось сожаление о происшедшей довольно резкой беседе) заметил:

- На меня, Илюша, не обижайся, - и также быстро ушел.

Визит братьев и разговор с ними положили начало первого действия родственной драмы, в которой они, особенно Семен, довольно активно, с искусством исполняли роли.

Наутро иду к Клавдии, она жила через два подъезда в нашем же стодвадцатиквартирном доме. После моего приветствия, на которое она не ответила, начал разговор с целью выяснения столь крутого поворота в делах наших.

- Ты знаешь, вчера вечером у меня были Семен с Сергеем и предъявили ультиматум: или я должен уйти из совладения с тобою, или оплатить положенное.

В растерянности Клавдия ответила:

- Я не знала, что они пошли к тебе и ни о каком ультиматуме не знаю.

- Я принял решение уйти: оставайся и делай, что хочешь, вчера я написал доверенность об этом, но Сергей ее разорвал и бросил.

- Никуда ты не уйдешь, сад мне так же не нужен, да и что я, старуха, буду с ним делать, одной совсем не под силу.

- В таком случае сколько тебе доплатить? 200 рублей? 250?

- Не знаю, спроси братьев.

- Зачем я буду спрашивать братьев, ты хозяйка, с тобою я имею дело.

- Не знаю, не знаю, - с слезами ответила сестра.

- Так вот, 200 рублей, и больше ты от меня не заработаешь к тому же, за 4 года совместной работы мы с Надеждой много там переворочали, только ты неблагодарная. - Деньги, 200 рублей, положил на стол.

- Что я теперь буду делать с этими деньгами, кому я нужна?

- После всего совершенного мне безразлично. Чего хотела, того добилась, я тебя предупреждал, в дальнейшем работать совместно мы уже не сможем, это факт. - Я пошел к выходу.

Вдогонку посыпались проклятья:

- Все равно вам счастья не будет в моем кровном саду, отольются вам сиротские слезы, и т.п.

Предчувствие подсказывало, что события принимают бурный оборот, нужно как-то официально защищаться на будущее. Кое-что изложил письменно, т.к. устного разговора, чувствую не получится, к тому же был уверен, что Клавдия мое письмо обязательно покажет братьям, будет жаловаться.

"Клава, я решил напомнить тебе, сколько ты допустила несправедливости, только за последнее десятилетие. Сколько ты наговаривла гадости на Кирилла, уму непостижимо, а фактически, большинство исходило от тебя, в чем я убедился после пятилетнего контакта, в смысле работы по саду с тобой.

Все наговоренное подтверждалось заклинаниями, горькими слезами, а я, к великому сожалению, принимал за правду, как за чистую монету.

Покойная мать завещала нам хранить родственную дружбу, но к сожалению, мы ее завет нарушили. Вы, старшие, считаете вправе лить грязь на людей, клеветать. Таким образом, мать оказалась честней, справедливей всех.

Ну, а теперь, о главном - наших взаимоотношениях. Вспомни, как ты нас целых 2 года уговаривала пойти к тебе в совладение по садоводческому участку. Я никак не предполагал, что после стольких слез, переживаний, как ты наговаривала на Кирилла, что он тебя оскорблял, матюгал, и вся пережитая гадость, пошлость, как-то изменила в тебе отношение к нам. На протяжении 30 лет ты ведь всегда была ближе к нам с Надеждой и сестре Татьяне с Иваном Ганиным.

Ни одного мало-мальского семейного события не проходило без твоего присутствия. Надежда же, кроме как "Клава-Клашенька" не назывыала тебя, знала даже, из какой чашки чай пьешь. Ребят твоих, сыновей, всегда принимала, как родных, а потом оказалась воровкой, толстозадой королевой, и даже покушалась на избиение ее, стукнула по затылку.

Все, о чем вы откровенничали многие годы, как женщины, все в искаженном, в свою пользу, против Татьяны и Надежды, наговаривала невесткам, женам братьев.

Тебе вскружил голову проданный соседкой Федосьей садовый участок за 1000 рублей, вы и с нас хотели тысячу получить, а за что? За государственную землю? А с кого? С родного брата, который исренне тебя оберегал.

Ты великолепно знала, что братья Семен с Сергеем прямо от тебя идут ко мне, также знала, с чем идут. Нужно было предотвратить это, хотя трудно, но нужно было себя перебороть, во имя того, что нам скоро придется хоронить друг друга.

Одумайся Клава, ты ведь крещеная старушка.

Что будет, если мы окончательно расскандалимся, а на помощь к тебе мы первыми придем, живем в одном доме, остальные проживают далеко. Одумайся, пока не поздно!

февраль 1970 г. Илья.

Я чувствовал, почти был убежден, что Клавдия, после нашего с ней разговора и моего письма, пойдет к братьям, искать защиты. Действительно, сразу же, на следующий день, она припала к стопам старшего. Как рассказывала Дарья, жена Кирилла, Клавдия упала к нему на грудь, слезно просила его защитить.

- Выручай, пожалуйста, Кирюша, Илья издевается.

Это они все меня натравливали, чтобы тебя выжить из сада, Илья велел писать на тебя в партийную организацию и т.д., т.п.

Кирюша только ждал подобного, чтобы расправиться с неуемным братом Ильей. Закрутилось колесо разжигания вражды.

Во-первых, он немедленно побывал у Семена с Сергеем, с информацией о последних событиях и предложил принять меры в защиту обиженной Клавдии, а вернее, пердставился случай мести, расправы со мной.

Несколько раз сходил в сельхозуправление, где работал Геннадий, младший сын Клавдии. Посоветовал, как сыну, подать на меня в суд. В противном случае, если с судом не получится, так хотя бы морду набить.

Прошло несколько дней, очередное дежурство в автобазе заканчивалось нормально, без каких-либо приключений. Я находился в глубине двора, автомобили, в основном, вышли на линию, кто куда и вот вижу, в контору идет брат Кирилл.

Откровенно говоря, сердце защемило от его визита, можно было ожидать очередной неприятности. Но на этот раз он ушел ни с чем, т.к. мне сообщили: приходил брат к парторгу, которого на базе не оказалось.

Зато через три дня, в следующее дежурство, опять пришел. Потребовал у секретаря партбюро, товарища Фидосова Николая Александровича, чтобы тот позвал Павлова, т.е. меня, тогда он в моем присутствии расскажет о цели прихода.

Фидосов встретил меня во дворе, передал желание брата и попросил зайти.

В кабинете начальника, кроме парторга, сидел председатель местного комитета, товарищ Будников, новый у нас работник.

Кирилл же, без пальто, при всех своих фронтовых регалиях, с гордо поднятой головой, взад-вперед расхаживал по кабинету.

Николай Александрович попросил сесть, обращаясь к брату:

- Слушаем Вас, товарищ Павлов.

Кирилл, не садясь, возбужденно жестикулируя, начал свои изложения.

- Пришел я к вам как коммунист, чтобы вы обратили внимание и приняли соответствующие меры о поведении брата Ильи, разобрали его в своей парторганизации. Он нагло влез в совладение садом к сестре Симоновой Клавдии Павловне. Затем, путем шантажа и даже угрозы, вынудил ее переписать участок на него. Далее он начал притеснять сестру, издеваться над ней, она вынуждена была бросить все и с полным психическим расстройством стала совершенно больная. Илья при своем положении имеет возможность доставать дефицитные продукты и одаривать тех, кто для него представляет интерес. Таким образом, он вокруг себя собрал единомышленников, которые во всех случаях выступают в его защиту (имеется ввиду семья сестры Татьяны, Ганевых). Я еще не знаю, как поступит брат Семен, а вот железнодорожник Сергей, он такого же мнения, и ни за что не попуститься в этом, я уверен.

- И если мы не получим от вас положительного ответа, то обратимся в вышестоящие инстанции, - угрожающе обратился к парторгу, к Фидосову.

Тот, в свою очередь, спросил меня:

- Что вы, Илья Павлович, можете сказать?

- Представлю материалы в свое оправдание (имел ввиду заявление в садоводство) и подробно все объясню несколько позже.

- Ты скажи товарищам, уйдешь от Клавдии или нет? - повторяет Кирилл.

Зная брата, был уверен, что он наговорит больше гадости, если не прекратить разговор, я тут же ответил:

- Хорошо, я уйду, я уже писал доверенность, но Сергей разорвал ее.

Со злорадной усмешкой, как добившись, чего желал Кирилл сказал:

- Вот этого от тебя только нужно было. Их жадность одолевала, - продолжал брат, они начали выживать друг друга. К

тому же Илья мне не возвратил паевые, деньги, которые я вносил по саду.

После ухода Кирилла мне пришлось товарищам Фидосову и Будникову все объяснить. Они выслушали с большим интересом, признавая все это за явную клевету. Но тем не менее, поручили члену партийного бюро, товарищу Бурдукову, съездить в указанное садоводство и в правлении выяснить суть вопроса - нужно отвечать заявщику.

Тем временем вокруг меня тучи сгущались.

Прошло еще несколько дней, ко мне на квартиру пришел Геннадий, младший сын Клавдии и довольно повелительно потребовал объяснения.

- Объясни мне дядька поподробней, что у вас произошло с матерью?

- Ты расспроси у матери, - ответил я, она, возможно, как сыну, более обстоятельно расскажет.

- Нет, ты мне должен рассказать, я уже от Кирилла кое-что знаю, хочу от тебя услышать.

- Ну что ж, коли так настаиваешь, слушай, - пришлось племяннику все обстоятельно пересказывать.

- Кирилл мне обрисовал совсем иначе. Учти, дядька, - погрозился Геннадий, - я все узнаю, и если так, как рассказывал твой родной брат, то могут быть большие неприятности. Я не позволю, чтобы мою мать обижали.

- Тебе тот же Кирилл посоветовал, чтобы мне морду набить, как, выполнишь совет? - спросил я Геннадия.

- Да, если все подтвердится, то набью. Ты ведь присосался к матери и тянешь из нее соки. Наверное, рассчитываешь после ее смерти завладеть квартирой, однокомнатной секцией?

Последовало еще и еще, несколько унизительных, оскорбительных упреков.

- Вот что, Геннадий. Не стану напоминать о наших безупречных отношениях к тебе, это самому известно, многие годы околачивался возле нас. Но если хоть пальцем тронешь меня, невзирая на какую-либо родственность, постараюсь направить туда же, где, как сам говорил, окончил пятилетний университет жизни. Короче, посажу.

И если у тебя сохранится хоть капля совести, извинишься еще, время придет. Сейчас немедленно оставь меня в покое, я ни в какой квартире не нуждаюсь.

Не прошло двух-трех дней, ко мне, на вторую работу, машинно-счетное бюро, где я по совместительству занимался ремонтном счетных машин, пришел младший брат, Сергей.

Много раз приходил Сергей на встречу, и всегда, как правило, под хмельком. Приходил и настоятельно, довольно ультимативно, навязывал разговор. Чувствовалось, что его больше кого-либо беспокоила далеко идущая враждебная история. При неопровержимых фактах, он не выдерживал, срывался в тоне разговора, защищаясь дополнительными грязными высказываниями и оскорблениями.

- Сколько ты будешь "канать", - (это его излюбленное выражение), - несчастную, психованную старуху?

- Нет, я очень удивлен, как ты мог резко измениться, растоптав наши былые, хорошие взаимоотношения. Ради чего ты присоединился к гадости и продолжаешь умножать ее? - отвечал я.

В резкой форме Сергей заявил:

- Ты немедленно должен оставить в покое Клавдию, уйти от нее, или доплатить не 200 рублей, которые бросил ей в глаза, а значительно больше.

- Во-первых, об уходе я писал доверенность, а ты разорвал ее, для чего? Во-вторых, 200 рублей я положил спокойно на стол, зачем вы выдумываете, для какой цели разжигаете вражду, для какой цели шельмуете, шантажируете? - И в-третьих, сколько же вы хотели бы выдавить из меня?

- В общей сложности, - сказал Сергей, чтобы получилось не менее тысячи рублей.

- А не хотели бы его..., - не выдержав, я основательно матюгнулся.

Вынимая из внутреннего кармана пиджака сложенную бумажку, он, подает ее мне со словами:

- На, читай, мы написали Юрию Симонову (старшему сыну Клавдии, офицеру, служившему в Белорусском военном округе), - пусть он через военкомат повлияет на тебя в защиту матери.

- Не буду читать пошлости, - ответил я, - пишите, сколько вам вздумается, у вас на это ума и времени достаточно.

Естественно, все это меня будоражило, еще раз крепко матюгнулся и ушел, оставив брата в коридоре конторы.

С зятем, Иваном Николаевичем Гаевым, обсудили всю сложившуюся обстановку и решили попытаться собрать всех, и

как положено, за "круглым столом", поговорить. По своей инициативе, Иван Николаевич пошел к братьям, и ему с трудом удалось склонить их к предлагаемой беседе.

12 апреля 1970 года собрались у Клавдии: братья - Кирилл, Семен с женой Анной, Сергей с женой Верой, Татьяна с Иваном Николаевичем и я, Илья, с женой Надеждой.

Клавдия, как хозяйка квартиры, начала гоношиться, собирать на стол чаепитие.

- Перестань бегать, Клава - повелительно сказал Семен - садись, нужно поговорить.

Он же обратился ко всем присутствующим:

- Давайте, побеседуем, только очень кратко, нам некогда, чтобы за 20-30 минут все закончить.

- Разрешите, я обстоятельно все объясню, от этого может зависеть много, - первым попросил слово я.

- Нет, мы пока повременим тебя слушать, - в роли тамады выступил Семен, - может, кто другой начнет?

Все женщины выразили желание вначале выслушать меня (Клавдия промолчала). Все подробно, объективно постарался обрисовать и почувствовал, что у большинства вызвал удивление, растерянность.

- Как старший, Кирилл, что ты можешь сказать? - предложил Семен. Тот уклончиво отказался.

Семен продолжил:

- Обстановка сложилась нежелательная, но виновен во многом, Илья, ведь его мы предупреждали, как бы не получилось так же, как у Клавдии с Кириллом. Тебя же, Кирилл никто не уполномачивал ходить в партком к Илье, ты выкинул отсебятину, будь добрый, объясни нам все.

С ехидной усмешкой Кирилл стал объяснять.

- А что особенного допустил я? Только в присутствии секретаря парткома и председателя местного комитета просто хотел предупредить Илью, ничего тут нет предрассудительного. Он и со мной не рассчитался, не уплатил паевые взносы, которые я вносил за сад.

- Положенные деньги ты получил от Клавы, и напрасно начал мутить воду, - заметил Семен.

- Оплатить сестре тысячу рублей, о которой я ему говорил, так и имелось ввиду: тысяча, деленная пополам, то есть по 500 рублей, - заявил Сергей.

Братья объяснялись туманно, не конкретно, старались отвлечь от основной причины раздора.

- Зачем ты, Киря, пошел в партком, - упрекнула Анна, жена Семена, - этим самым только осложнил обстановку. - Ты не успел отдохнуть от того, что произошло с Клавой, и опять возобновляешь. Обвиняешь Илюшу, якобы он заставлял Клаву писать в твой партком на тебя, это неправда, вы все выдумываете. Клава написала сама и показала мне, но т.к. было изложено очень плохо, я ей переписала, она очень просила, но не знаю, отослала Оля или нет это письмо. Я пыталась отговорить ее, но не знаю, поняла она меня или нет.

- Мы много лет были вместе, - говорит сестра Татьяна, - и все происходящее между Клавдией и Ильей протекало у нас на глазах. Клава всегда была возле нас. Когда у них произошло с Кириллом, она все жаловалась, плакала, мы успокаивали ее, старались разрядить напряжение.

Но когда стала жаловаться на Илью, а для меня все известно, я с возмущением предупредила ее, так как все несправедливо. В подобном случае я не поддерживаю, ты все сочиняешь, неужели мало того, что произошло со старшим братом, Кириллом? На Илью с Надеждой все клевещешь, все нам известно, и все надумано в обвинении их. Ты, Клава, неправа, так вести себя нельзя.

Братья же, вместо того, чтобы урезонить сестру, пресечь конфликт, больше разжигают его, явно чувствуется, цель - месть Илье. На меня также клевещете, якобы Кириллу я сказала: "Видела Клавдию в гробу в белых тапочках". Вы все сочинили и повторяете, поддерживая друг друга.

- Скажи, Клава сможешь ли ты обрабатывать участок без чьей-либо помощи? - задала вопрос Анна.

- Нет, не смогу, и вообще он теперь мне не нужен, - ответила Клава.

Вполне разумное предложение внесла Анна, стоило только к нему прислушаться и на этом поставить точку разума. Она сказала:

- Если Клава не сможет обходиться без помощи, то пусть останутся там, в саду, Илья с Надей, а то, что они оплатили, 350 рублей, вполне достаточно - все же 4 года они работали вместе и многое переделали там.

- Я всегда гордился и радовался на старости лет, нашей взаимной дружбе, - сказал Иван Николаевич, муж сестры

Татьяны. - Все, что происходит между вами в данный момент, - это ужасно. Следовало бы по-родственному разобраться и положить всему конец. Ведь мы всегда вместе, и события, что происходили между старшими, теперешнее обвинение Ильи, происходило у нас на глазах. Мы во всех подробностях знаем, когда, как начиналось.

С вашей стороны, по отношению к Илье допущена несправедливость.

Клавдия, очень волнуясь, сквозь слезы, вымолвила:

- Разрешите, я объясню.

- Хватит, наговорилась, садись на место, - резко одернул ее Семен.

Заключить пришлось мне.

- Братья ничего не сказали в пользу разрядки атмосферы, больше того, только что Семен усадил Клаву, не дав что-либо ей пояснить. Чувствуется, что на сегодняшнюю беседу вы пришли, предварительно обговорив, как себя вести. Это было и вначале заметно, пытались за 15-20 минут все свернуть, или прямо умышленно сорвать переговоры.

Коли так, то вот мое окончательное, прицпипиальное заключение. Вы называете мне сумму доплаты, кроме уже уплаченных 350 рублей, что касается садового участка, оставляю за собой, и об уходе не может быть речи. Это очередной каприз Клавдии, а с вашей стороны, братья, усматриваю искусно завуалированную месть за мои, ранние вам высказывания. До свидания.

С этим я ушел, за мной вышли Надежда с Татьяной и Иван Николаевич.

Указанная беседа ничего положительного не внесла, зато явно определились два враждующих лагеря. Также почувствовалось ведущее влияние Семена, действия которого красной нитью прослеживались на протяжении многих лет в наших слабо выраженных, но недружелюбных взаимоотношениях.

Одновременно Геннадий Симонов, младший сын Ольги, получил назначение на работу в Каминский совхоз Боханского района, главным зоотехником.

Валентина, жена Геннадия, работала буфетчицей на кирпичном заводе, должна была отчитаться и позднее поехать туда же, к Геннадию. Но при отчетности у Валентины обнаружилась недостача, около тысячи рублей. Чтобы погасить растрату, она со слезами, выставляя объективные причины,

просила деньги не у кого другого, а у нас. Не парадокс ли? Муж с матерью с ног на голову все перевернули, а невестка деньги в долг просит.

Геннадий получит подъемные, клянется Валька, и она через 2-3 месяца все возвратит. Учитывая создавшееся положение (как она сама говорила, у нее не первая недостача, могут посадить вновь), дали ей нужную сумму, 260 рублей. Дали под честное слово, с предупреждением:

- Смотри, Валентина, чтобы это было в последний раз, даем тебе, ты и отдашь, а Геннадий не имеет никакого отношения к этим деньгам.

Я знал отношение Геннадия к деньгам, и сердце как подсказывало: он будет пытаться не возвратить долг.

Уехали супруги в район и замолчали. Мы, со своей стороны, целый год ожидаем, учитывая их затруднительное положение. Все же новое место, дополнительные расходы в приобретении необходимой домашней утвари. А беспокойство как-то не оставляет. На двухкратный вызов на телефонные переговоры не отвечают (как сказала телефонистка совхоза: "Симонов дома, от переговоров с пункта отказался").

Естественно, мы с женой начали активнее напоминать о возврате долга. Надежда написала Валентине чисто женское письмо, выставляя свои причины - ответа не последовало. Я написал Геннадию более сухое письмо, - также ни ответа, ни привета.

Обращаюсь в дирекцию совхоза, чтобы они повлияли на подчиненного - молчок.

Там же, в Каменке, учительствовала Валентинина сестра Тамара, через которую мы решили осведомиться о причине столь упорного молчания супругов.

"*Здравствуйте, Илья Павлович и тетя Надя, - отвечает нам Тамара. - Вы извините, что пишу вам я, потому, как не могу молчать.*

Живу в Каменке уже второй год, а о истории Симоновых, до вашего письма, ничего не знала. Вот вчера, случайно, оказалась свидетельницей крупной ссоры Геннадия и Вали. Узнав всю правду, я решила написать.

Вам, Илья Павлович, большое спасибо, что открыто все сообщили, жаль несколько поздно. Валентина рассказала всю правду о растратах, хотя и горькую, но правду.

Я беру на себя выплатить деньги хотя бы пока вам, она, кроме вас, другим значительно больше задолжала. К вам у меня большая просьба. Одновременно, всю задолженность, 260 рублей, внести не смогу, а за 2-3 взноса обязуюсь, пожалуйста, поверьте, я не обману. Валентина сама никак не может выплатить, работает она в пошивочной мастерской, зарплата 60-70 рублей, но на них надо жить. У Геннадия, хотя и большой заработок, по 250, но он пьет, и очень редко что приносит домой.

Теперь я узнала, что с ними так же было в Иркутске, Валентина растраченные деньги Геннадию на бутылочки перетаскала. Во всем я виню его, т.к. он, Геннадий, запретил возвращать вам деньги, а она все же моя сестра.

Еще раз прошу, не откажите в моей просьбе, разрешить за 2-3 месяца выплатить вам. Я зарабатываю 130 рублей, но у меня также семья.

Ответьте, пожалуйста, я верю, что вы не откажете.

апрель 1971 г. С уважением Тамара."

Конечно, ответил я согласием, но после перевода пятидесяти рублей опять надолго замолчали. На повторное напоминание Клавдии никакого ответа не пришло.

Тогда уже я вынужден был за помощью обратиться к начальнику милиции Бохანского района, по месту жительства Геннадия и Валентины. Надежды на какой-либо успех было мало, т.к. деньги одалживал Валентине без расписки - язык не повернулся, посчитал: неудобно.

Но сверх всяких ожиданий, 16 августа 1971 года, из Бохана, на мое имя поступило сообщение.

На ваше заявление сообщаю, что Симонова В.В. дала обязательство к 1-му сентября с.г. имеющийся долг погасить.

Прилагается: обязательство на 1 листе.

Зам.нач-ка Бохანского р-на

Копия

Объяснительная

Я, Симонова Валентина Васильевна, проживая в г.Иркутске, (адрес) работала на фабрике-кухне N 2, при кирпичном заводе.

При сдаче буфета у меня оказалась недостача, которую я погасила. Чтобы погасить недостачу, а заняла денег, двести шестьдесят (260) рублей у дяди, Павлова Ильи Павловича, проживающего в г.Иркутске (адрес).

Оставшийся долг, в сумме 210 рублей, обязуюсь заплатить до 1-го сентября 1971 года.

12-8-71 г. В.Симонова

Ожидая еще полгода безрезультатно погашения долга, вынужден был обратиться в народный суд того же, Боханского района, к заявлению приложив обязательство Валентины.

И только на третий год, решением суда от 30 марта 1972 года, по 15-20 рублей, мы получили долг в течение 15 месяцев. И что характерно, всякий раз переводы денег не находили наш адрес, путали номера квартиры, к примеру: 5,15,35, 57 и т.д., с обязательной пятеркой, но только не 51.

А вот как ответил на мой запрос судебный исполнитель нарсуда, от 19/IV-1973 г.

На ваш запрос отвечаю:

Удержание суммы с ответчицы Симоновой-Авдеевой перечислялись по неправильным адресам по вине бухгалтерии Боханского комбината бытового обслуживания, где работала ваша должница.

В отношении виновных лиц будут приняты соответствующие меры.

Симонова-Авдеева материально проживает плохо. На своем иждивении имеет четырех несовершеннолетних детей. Имущества, на которое можно было бы наложить опись, не имеет.

Поэтому сумма взыскивается только по 20% с заработка ответчицы.

В мае месяце Авдеева обязуется выплатить оставшийся долг.

12 апреля 1973 г.

Суд.исполнитель Г.Морюшко

Что касается 4-х малолетних детей, то у Симоновой-Авдеевой В.В. никаких детей не было и нет. Это чистейшая афера, введшая в заблуждение исполнителей законов. Спрашивается, как следует характеризовать супружескую пару Симоновых после вышеперечисленных подвигов?

Вот как характеризует его старший барт, Симонов Юрий Михайлович, офицер в отставке.

"Неприглядная история и, больше того, всего выглядит довольно мерзко. Мерзко, во-первых, потому, что взят долг и своевременно не возвращен, а во-вторых, потому, что долг возвращен через органы милиции, через народный суд. В этой истории, безусловно, престиж должников упал здорово.

На месте Геннадия с Валентиной я бы не допустил такого позора не только перед коллективом, но и перед своей совестью. Уж если бы не захотели отдавать долга, то сказали бы от этом прямо, аргументируя причину, а не тихой сапой.

Теперь по части вашего конфликта с мамой. Вы ведь ее из сада не выгоняли, а своим письмом к маме вы не чуждались ее, а имели цель дать ей обо всем поразмыслить в спокойной обстановке.

Если вы и отстранили маму от некотрых трудоемких работ по саду, то только лишь с целью не утруждать ее работой. Ведь мама-то согласна с тем, что одна она в саду быть не может. Сейчас она смирилась с этой мыслью, а в то время, конечно, она не допускала такой мысли. Что касается условий, которые вы ей представляли, они безусловно, были приемлемы и лучшего желать нечего. В основе кризиса уже не лежит раздел и передел сада, он остается как отголосок, как второстепенный вопрос, который может быть решен очень просто. Теперь в основе лежит уже взаимная неприязнь, недовольствво действиями друг друга, похожее на вражду".

(Письмо Юрия, Фергана, 27 января 1973 года)

После апрельского общего собеседования у сестры Ольги, братья повели бурное наступление. Особенно активизировались Кирилл с Сергеем. Семен как-то старался оставаться в тени, хотя чувствовалось во всем его участие.

Сергей, после очередного визита ко мне в машино-счетное бюро, наговорив разных пакостей и пошлостей направился в семью Ганевых, к сестре Татьяне. Гаевым наговорил такой гадости, что уму непостижимо. На что Иван Николаевич, спокойный человек, вынужден был попытаться силой выставить его за дверь, но не справился, возраст не тот, да и морально был унижен.

Через несколько дней на мой адрес поступило письмо от Сергея. Привожу некоторые выдержки из письма, т.к. оно очень объемистое, с мелкими и злобными выражениями.

Здравствуй, брат!

Ты окончательно утерял всякую совесть, растоптал все родственное, все кроешь нам "правду-матку". Действуешь, как гитлеровцы на нашей земле, все топчешь, насилуешь, уничтожаешь. Почувствовал землю - она тебя засосала, и действуешь по законам джунглей - кто сильнее, хитрей, слабого уничтожает. Чистая подлость и иудейство предавать кровное и товарищей по работе. Ты все кичишься справедливостью, а где же она, твоя справедливость, спросить тебя?

Шестнадцать лет после войны мы семьями ездили садить, окучивать, копать картошку и всякий раз распивали по бутылке водки на рыло. Это значит, 16х3=48 раз ты через город, за рулем, пьяным, приезжал на базу. А наутро, с трибуны, крыл "правду-матку" на шоферов, замеченных в пьянке. Как это называется? Да чистая подлость.

Я полагал, ты просто погорячился, а, оказывается, у тебя были ранее далеко идущие планы. Ты задумал отобрать у сестры сад, еще тогда, когда твой дом не подлежал сносу горсоветом. До какого состояния ты ее довел, она стала немощной, прализованной, беззащитной старухой. Ты решил и сыновей натравить против матери, потащил к Генке своих гостей, затем давал им "в долг" деньги 260 рублей, чтобы ближе к себе расположить их.

Ты присосался к Клавдии как паук к мертвому телу, и высасываешь из нее кровь. Как узурпатор, деспот, добиваешься выполнения своих коварных планов. Копаешься в ее грязном белье, а свою грязь стараешься прикрыть крикливой, ложной справделивостью. Ходишь к ней с тем, чтобы травмировать старуху, издеваешься, в гроб вгоняешь.

Я полагал, что ты ездил ко мне с благими намерениями, что, дескать, брат брата на путь наставляет, а ты, оказывается, и у меня по-своему комбинировал, тем более, я был после операции.

А помнишь, после болезни, ты напоил меня умышленно и повел с Кириллом разделываться (пришел ко мне в гостиницу, где мы жили, еще проиграли наши хоккеисты). Благодаря своей настырности, ты более двух лет сутяжничал со своим начальником Трофимовым и кадровичкой, в то время ты действительно заслуживал "строгача".

Прочитав это письмо, конечно, побежишь в свой "штаб", за советами к сестре Татьяне и зятю Ивану. Вы там, в "штабе", даете нам имена. Сережка - пьяница, Семка - подхалим, Кирилл - склочник, но я в вашем "штабе" не заседал, и на мои уши свидетелей не нужно, сам слышал, как Татьяна заявила: "Клавдию видела в гробу, в белых тапочках".

А что из себя представляет Татьяна? Простая, малограмотная, баба, всю жизнь просидела за спиной мужа, не принося чего-либо полезного для общества. Как она может судить об Клавдии, если сама не пережила того, чего пережила несчастная старуха.

Вы взялись обрабатывать Анну, она ведь собирается ехать в Америку, глядишь, оттуда привезет в подарочек кофту, а через Анну, и Семена решили склонить. Семен же, когда мы были у тебя, высказал тебе поделом, жаль, что не все высказал, чего ты заслуживал.

Мы еще придем к тебе на автобазу, на партийное собрание, попросим слова и с трубуны расскажем, что ты из себя представляешь. Пусть шоферы-коммунисты знают и разделают тебя по косточкам.

Считай, что я ответил на все твои психованные выпады.

1971 год.

Сергей.

Через 2 месяца после апрельской беседы у Клавдии в один прекрасный июньский день, во время дежурства на автобазе проходя мимо, парторг попросил зайти к нему.

Управившись с необходимыми делами, зашел к товарищу Фидосову Николаю Александровичу. Он подал мне конверт со

словами: "Нате, почитайте", - а сам немедленно вышел из кабинета.

Письмо вскрыто, т.к. на конверте адрес автобазы, заместителю секретаря партбюро, т.Кузнецовой Антонине Алексевне (кадровичка, о которой указывает в своем письме ко мне Сергей, и с которой действительно, мы конфликтовали, а значит, не случайно, конверт с содержимым адресован именно ей).

Читаю. Сопроводительная, написанная Кириллом.

Копия.

К вам приходил Павлов Кирилл Павлович и вел разговор с секретарем партбюро и председателем месткома. Разговор шел в присутствии брата, Павлова Ильи Павловича, о его поведении, как коммуниста.

Илья нагло влез в садовый участок Симоновой Клавдии Павловны и всячески ее притесняет. Илья, в присутствии секретаря п/бюро и председателя месткома, обещал уйти из сада, но данное слово не выполнил, тем самым обманул вышеуказанных товарищей.

Заявления прилагаются.

Копия, почерк Сергея.

В парторганизацию автобазы № 6
В правление садоводства "Байкал"
От Павловых Кирилла Павловича,
Семена Павловича, Сергея Павловича

Заявление

Просим рассмотреть заявление Симоновой Клавдии Павловны и принять соответствующие меры.

Наш брат, Павлов Илья Павлович, нечестным путем пробрался в совладение земельного участка Симоновой К.П. Путем шантажа и угроз добился оформления участка на себя, стал ее притеснять. Довел сестру Клавдию до нервного потрясения, частичной парализации. Лишил сестру удовольствия копаться в злемле, тем самым скрашивать старческое одиночество. Жизнь она прожила трудную, в тридцатом году потеряла мужа, вырастила двух сыновей.

Мы на Илью повлиять не можем, т.к. на все наши разговоры и предложения отвечает грубостью.

Мы, братья, предлагали ему помощь в разработке нового участка, но он и слушать не хочет, добрался до готового.

Просим повлиять на Илью, чтобы он обратно переписал участок на сесту Клавдию, а она поступит с ним по своему усмотрению, как настоящая хозяйка.

23/IV-1970 г.

Член КПСС Павлов К.П. (роспись)

Член КПСС Павлов С.П. (роспись)

Павлов С.П. (роспись)

Копия

В парторганизацию автобазы (почерк Сергея)

В правление садоводства "Байкал" (почерк Клавдии)

Заявление

Мы с братом Кириллом приобрели земельный участок, разработали его, построили домик, провели водопровод, сад плодоносил (3 сотки). Затем Кирилл купил участок на Ершовском заливе, за Ангаргэсом и ушел от меня. Для дальнейшей обработки участка я пригласила к себе брата Илью. Думала, сделаю благородное дело, т.к. он остался без усадьбы, его дом снесли под застройки горсовета, кооперативного дома. Когда я переписала сад на Илью, он стал притеснять меня, устраивал скандалы без свидетелей. Не давал чего-либо делать мне. Сначала запретил ухаживать за смородиной, а затем за малиной и земляникой, тем самым лишил удовольствия рыться в земле. Я больная пенсионерка, не видя выхода из создавшегося положения, замкнулась в себя. Тогда братья, заметив мое одиночество, пришли на помощь.

Прошу, чтобы Илья переоформил участок обратно на меня, я являюсь настоящей хозяйкой.

Просительница Симонова К.П.(роспись)

23/V-1970 г.

Можно было усмотреть, апрелем 23-го писано заявление в садоводство, затем решили похлеще, как предложил Кирилл, и Сергей дописал в парторганизацию маем месяцем.

Нетрудно читателю представить, в каком состоянии мне пришлось объясняться перед товарищами, членами партийного бюро. За себя я не краснел, был уверен в своей правоте, за многолетнюю совместную работу люди достаточно хорошо меня знали.

Что касается моей родни, их поступка, то мне было не по себе.

Товарищи, которым секретарь партбюро поручил проверить суть заявлений, обстоятельно на бюро доложили. Члены партбюро единогласно признали, что со стороны братьев Павловых и Симоновой, допущена грязная клевета, с целью искусно завуалированной мести.

Им был дан ответ.

Копия

Симоновой Клавдии Павловне,
Павловым К.П., С.П., С.П.

По вашим заявлениям партийное бюро разобралось и, проконсультировавшись в правлении садоводства "Байкал", сообщает:

Павлов Илья Павлович принят членом указанного садоводства согласно его заявления и заявления Симоновой К.П. 27 июня 1969 года, протокол N 2 общего собрания членов садоводства.

Каких-либо аморальных поступков со стороны т.Павлова И.П. не подверждается.

Секратерь п/бюро автобазы-6 (Фидосов)

Слово "не по себе" за родичей, при разборе их заявлений, это не то слово: было очень стыдно за родственников.

Для меня раскрылся весь коварный их замысел. Если в начальной стадии всей нашей неприглядной истории я как-то старался внушить себе, что кто-то погорячился, не смог сдержаться, вспомнил прошлые обиды и, учитывая разности характеров я надеялся, что постепенно все уляжется, что после этих жалобных, гнусных заявлений, причем коллективно средактированных, согласованных - я почувствовал удар, какого не получал за всю жизнь. Меня давила обида за себя, потрясение, что так в людях обманулся, тем более, в кровных. Как раньше

во все и всем верил. В моем понятии, родные мне люди - это святая святых, ими гордился, за них мог "горло грызть", если бы кто посягнул на их достоинство, а тут, - вот, на тебе, получай!

Еще хорошо, что не осуществилась надежда братьев на Кузнецову - кадровичку, которой были адресованы заявления как заместителю парторга, и с которой в прошлом, по работе, мы крепко конфликтовали. Она на заседании партийного бюро сверлила меня глазами: вот ты, де оказывается, какой, обязательно не упустила бы случая подлить масла в огонь.

Парторг т.Фидосов, зная нрав Кузнецовой, заранее предупредил ее не вмешиваться в разбор дела, разберемся сами.

Семен знал в подробностях о наших к кадровичкой взаимоотношениях, т.к. я ему все рассказывал. И братья, в свою очередь, решили использовать конфликт, чтобы хлеще наказать меня.

В сновидения я не верю, но где-то читал, что сон - это продолжение мысли человека. В то бурное переживаемое мною время вижу два взаимосвязанных сна.

СОН 1. В районе центрального рынка, на углу улицы Тимирязева и Партизанской, где в прошлом, на протяжении многих лет, после весенних талых вод и в ненастье сохранялась непролазная грязь почти все лето. Стоя на углу возле сельхозуправления, вижу, от рынка на улице Партизанской, в самую глубокую грязь, въезжают длинные дроги, в которые впряжены три крупные, гривастые, разномастные лошади. Стоя на ногах, лошадьми управляет разлохмаченная сестра Клавдия.

Увидев на углу меня, она машет рукой, предлагая садиться, в дроги, а я молча простоял, наблюдая за дальнейшим движением упряжки.

По мере въезда в глубь грязи, лошади барахтались, сопротивлялись, фыркая, но подстегиваемые Клавдией скрылись в пучине, вместе с дрогами и ездоком, оставляя грязные пузыри.

СОН 2.- аналогичный, причем с небольшим промежутком, в несколько ночей.

Идем мы братом Семеном по улице Подаптечной и что-то мирно, но горячо обсуждаем. На этой улице, также несколько лет, сохранялась глубокая, отлогая во всю ширину улицы, яма. Видимо, строители вели теплотрассу и почему-то не завалили ее, и так яма со временем превратились в мусорную свалку.

Я остановился у кромки ямы, а Семен молча продолжал постепенно спускаться на ее дно, так и остался там, в глубокой яме.

Что это, совпадение или продолжение моих бурных мыслей? Непонятно.

Рассказал эти сны людям, как-то умеющим разгадывать их, объясняют в следующим порядке. Первый сон - зачинщица наших скандальных ситуаций, сестра Клавдия, смогла запрячь трех гривастых лошадей-братьев: Кирилла, Семена, Сергея, управляла ими, и со всей ложью - лошадьми, - потонула в грязи. Второй сон - брат Семен, являясь основным вдохновителем своих клеветнических вымыслов, спустился в глубокую яму, так и остался, не поднявшись из нее.

С моей стороны предпринималось еще несколько попыток собраться на беседу и попробовать как-то уладить создавшуюся довольно неприятную обстановку. Но родичи противной стороны упорно отмалчивались, тем самым давали понять о своем несогласии. Больше того, однажды на мое предложение Клавдия ответила:

- Ни на какую беседу я не пойду, что там, морды бить друг другу, глаза царапать?

В одном из многочисленных, гадких писем ко мне, Кирилл заметил: "На общий сбор не рассчитывай, а если сам придешь, никто не вспомнит о прошлом, о происшедшем".

Тогда я решился, все, что у меня наболело, изложить им письменно, уж коли не соглашаются на устное собеседование.

"*Чистая совесть ни лжи не боится, ни слухов, ни сплетен*".

(Овидий)

Основываясь на данном изречении, я решил обратиться к братьям.

Братья, с Новым, 1972 годом!

Мы очень сожалеем о происшедшем, а также удивлены, что вы не соглашаетесь на общее собеседование, несмотря на то, что еще 8 месяцев назад было предложено: разговор на любых условиях. Лично я не собирался вас уговаривать, или просить прощения, чего вы ожидаете, а просто призвать вас к благоразумию и выяснить, кто чего заслуживает, конечно, на объективной основе. Это единственная возможность к нормализации, правда, будет трудно, но нужно.

Ну, а коли так, то я изложу письменно и вы не удивляйтесь, что пишу под копирку, т.к. касается всех в равной степени, а значит, всем по экземпляру.

Вам мало было всего допущенного и вы решили официально расхлестать меня, подключив две общественные организации - автобазу и садоводческое товарищество. Только тут же нужно было указать, как вы оскорбляли нас, всячески угрожали, ходили, клеветали. Рассчитывали вы на многое, знали, кому адресовать заявления, только из этого ничего не вышло, кроме осуждения вас же, а я претерпел неловкость перед товарищами за вас, родичей, на партийном бюро.

Вы обсуждали заявления в течение двух месяцев, за это время прощупывали меня, как себя поведу, и не просто Семен с Сергеем приезжали ко мне в сад. Это было летом. Сегей только и всего дополнительно наоскорблял нас с Иваном Николаевичем, который тогда был моим гостем в саду.

Так неужели за это время ни у кого из вас не екнуло сердце, ставя подписи под заявлением, что одним молоком с вами вскормлен и что мне еще много лет работать в коллективе автобазы. На такое мог решиться только кровный враг, и то, разве бы один отчаялся, а тут четверо, так называемые родичи кровные. Будь бы 1937 год, вы меня в порыве злобы могли сгноить в тюрьме, в то время достаточно было анонимной шпаргалки, и человек исчезал, подобно тому, как исчез наш Саша.

Кстати, о Саше. Вы в то время его, как черт ладана боялись, также и Клавдию, как жену "врага народа", как бы чего с вами не случилось, а тут, видите ли, она трудно жила, потеряв второго мужа. Почему же вы не помогли ей, горе-защитники?

Члены КПСС, ставите подписи под заявлениями, вот именно, только и есть "члены", чего от вас ожидать существенного, если это священное звание ставите под всякой пакостью, под гнусной шпаргалкой.

Запомни, Семен, что "шоферня", как ты выразился, научила меня не только матюгаться, они научили меня смотреть людям в глаза, излагать свое мнение, не пересказывать брехню других. В равной степени, почти восьмилетняя солдатская служба, война, также оказала на меня свое влияние. Вам же в этом отношении похвастаться

нечем. Вы за это время своих жен обслуживали и чужих не отталкивали.

Пусть я залез к Клавдии в сад, как вы твердите, хотя тут же указываете - пригласила.

Пусть я ее выгнал, хотя никого не выгонял, даже Клавдин сын, Юрий, подтвердил это.

Пусть я не заплатил требуемую тысячу рублей, хотя заплатил больше положенного, но разве можно идти на такую подлость, зная, что топчите мое достоинство. Да вы спросите любого из шестисот со мной работающих, вам тысячной доли никто не подтвердит, чего вы нагородили. Я больше чем уверен, даже в вашем понятии, как нас характеризуете, мы не такие, и вы великолепно знаете, вас это мучит, но ваша гордыня, бессильная злоба, ненависть, месть, не дают вам признаться.

Я больше чем уверен, что рано или поздно вы прегрызетесь, будете друг друга обвинять, кто кого больше шантажировал, потому как волчьими законами человек жить не может. Вы спали и видели - нас с Надеждой изолировать, для чего обливали грязью перед каждым встречным и поперечным. Гаевых оклеветали только за то, что вас не поддержали, а у нас с ними дружба чисто родственная, бескорыстная, и вам не удасться нарушить ее. Среди вас - все наоборот - вранье, шантаж, клевета.

Семен, скажи, чего подлого за всю жизнь я тебе совершил? Наоборот, я всегда считал тебя за добропорядочного.

Во всем откровенничал с тобою, ты знаешь обо мне все, плохое и хорошее, в семье и на работе, и, как ни странно, мою же откровенность пытались использовать для себя (с кадровичкой).

А ведь было и хорошее от меня. Вспомни, как ты остался в моей квартире и быстро поменял, чтобы я не претендовал, возвратившись из армии в свою же квартиру. Это не комбинация, а просто устройство своего благополучия за счет другого. А сохранись у меня эта квартира, мне бы не потребовалось 4 года выплачивать 14 тысяч за купленный дом, держать на полуголодном пайке ребятишек, и возможно, как ты, прибрел бы автомашину, хотя бы плохую.

Ты-то покомбинировал, дай боже, что в трубе не вмещалось, вылетало с дымом все припрятанное. Война все прикрыла. Первую машину "Победу" без моей помощи куда бы

труднее было тебе восстановить, а потом, мне, шоферу-профессионалу боялся руль доверить - "это мое, испортишь".

Я тебе благодарен за некоторую помощь моей семье во время войны, но ты не мог того не оказывать, у тебя была возможность, тогда чужие другу другу помогали, а я уходил туда, откуда большинство не вернулось.

Единственно, с чем я не мог соглашаться, - это твоя критика нашей действительности, которая тебе дала положение, как говорится, "из грязи, да в князи", и все же критикуешь. Ты хотел, чтобы я соглашался с американским образом жизни, и многое другое, о чем всегда высказывал тебе прямо в глаза, вот, в основном, за что мстишь мне.

Защита Клавдии - ерунда, не за что было ее защищать. Никто ее не обижал. Лучше было бы прислушаться к голосу разума, а не мести, и тут же заявить Клавдии с Кириллом, что де хватит воду мутить, все встало бы по своим местам.

Вы все присматривались, выжидали, как развивались события, давил принцип мести. Я вам все рассказывал, как заигрывается Клавдия, но ты, по своей натуре, привык нейтралитет выдерживать, хочешь быть добрым дядюшкой, давать советы, наставления в свою пользу, а кого и по головке погладить мастер.

Я тебя сейчас представляю, как ты, с раздутыми ноздрями, через мой же стол, клеил мне незаслуженные ярлыки: "диктатор", "комбинатор", "делец", "мудрец", как молотом по голове наколачивал, это забыть очень трудно.

Очень удивляюсь, как это можно, Семен!

Петр, у меня к тебе всегда было особое расположение, дружеское, как к младшему, а позднее, к больному. В наших с Клавдией событиях ты всех перещеголял.

В данное время, к сожалению, не имея своего мнения, попав под влияние матерого шантажиста Кирилла, за рюмку водки, растерял всякую совесть. Ты как пес, спущен с цепи, бегаешь, кусаешь, совершаешь дальнейшую подлость, вместо того, чтобы сглаживать и без того накаленную атмосферу.

Вот я и хотел поговорить с вами начистоту. Вы мало того подлецы, к тому же еще и трусы. Боитесь открытого разговора, заранее знаете, чего услышите.

По одиночке не хотел с вами говорить - бесполезно, кроме пакости, оскорблений, ничего не услышишь. На твою мазанину, вернее, вашу, с соавтором, отвечу.

Соавторства, очевидно, слишком много, знакомых фраз "правда-матка", "Гитлер", "фашисты", "орденоносцы", "коммунисты" и т.д., только он остается в тени. Но это же нетрудно угадать - Кириллова замашка, его фразы.

Итак, отвечаю на основную часть вашей брехни, несколькими словами.

Вы как в зеркало смотрели, писали с себя портреты, две капли воды. Сами себя сечете. За все твои дерзкие посещения, всякий раз оставлявшие довольно неприятный осадок, я позволял себе 3 вероятных крайности. Первое - все твои истерические выкрики глушить включением на полную громкость радиоприемника. Второе - было намерение брать за шиворот и выставлять за дверь, как попытался Иван Николаевич. Ты вывел его из терпения, а его вывести из равновесия, вы знаете, нужно много подлости позволить для него, но силы не хватило у старика, а ты Сергей, заслуживал, чтобы именно тебя за дверь выставили. И третье - уходить самомоу, чего я иногда позволял, во избежание более крайних инциндентов.

Подумать только, чего ты нагородил Гаевым, и за что? Дескать, всю жизнь торговали золотом, разъезжали по курортам. Татьяна просидела за спиной мужа, ничего не сделав полезного для общества. Что Анна привезет в подарочек американскую кофту и т.д. Ведь это все надуманная ересь, чтобы сильней оклеветать людей, и ты великолепно знаешь все, она одно свое кольцо сдала в Торгсин.

Разве может здравый, уравновешенный человек такое позволить? Ну мы с Надеждой, ладно, нас вы готовы в ложке утопить, а Гаевых за что? Откуда у вас такая ненависть к ним? Да только за то, что высказали свое справедливое мнение, не то, что хотелось услышать вам, т.е. в поддержку вашей кляузы.

Когда и с кем ты впервые, после операции напивался, спроси сам себя, покопайся в памяти, или спроси жену свою, Веру, если сохранилась хоть капля мужества. Ты ответь - за что возвел меня в узурпатора, деспота, кровососа? Из кого я

сосал кровь? Из тебя? К сожалению, ты сам это делал, систематическими выпивками, и довел себя до ручки.

Из всех остальных что ли пил? Да нет, они все достаточно упитанные. Не я ли первый провожал тебя на больничную койку, с которой ты сам не знал, возвратишься или нет. Не я ли первый через день да каждый день навещал в больнице, вел твое хозяйство в огороде, а ты и тут мне приписал, что комбинирую на чем-то твоем. Не я ли, как говоришь, 16 лет, пьяный, на казенном транспорте возил тебя с друзьями на картошку. А сколько этой самой картошки вам перетаскал, навоза перевозил, тебе-то после операции нельзя было, и все же я благодарен, что ты устраивал мне клочок земли на государственном, деповском огороде.

Я мог бы обходиться без твоей услуги, но всегда подталкивало чувство взаимопомощи, тем более больному, родному человеку.

Я же первый откликался на слезы и зов Веры, жены твоей, ездил и "хлестал" тебя за твои проделки - пьянки, очень сожалею, что плохо "хлестал", может сохранилось бы здоровье и личное мнение.

Никто, кроме меня, не ругал тебя, не хотели взаимоотношения портить, а эта услуга медвежья. Вот за что пробудилась месть ко мне, все припомнил, представился случай, а что касается защиты сестры - ерунда!

По части моей пьянки за рулем, как уподобился посчитать! 16х3-48 раз ездил пьяным! К твоему сведению, за это время, половина из этих раз останавливали в дорогах сотрудники госавтоинспекции, даже случалось, и при тебе, а как поступают в подобных случаях за пьянку, спроси у сына Валерия, который работает в органах ГАИ. К тому же, я не бывал в вытрезвителе, не отбирали права у спящего за рулем мотоцикла, а только с тобой это случалось. Не подбирали меня, валявшегося под забором - помалкивал бы! С тобою же все было. Тебе также можно бросить упрек - залез к тёще на готовое - горе-защитник!

Старший - Кирилл!

За что ты волокешь на меня, какую тебе дорогу перешел? Мы с тобою ругались когда-либо? Или, еще хуже чего. Единственно, действительно, я допустил непростительную глупость, выпивший, оскорбил тебя, а

знаешь, за что? Одному ты дал пощечину, другому пожелал побольше болеть, третью матюгал, наколачивая куда, знаешь сам - вот за что! И все же, назавтра я пришел, извинился. Ты, вроде, извинил меня, через силу, но руку подал, а зло затаил, ждал случая.

Случай не замедлил представиться, когда Клавдия пришла к тебе, упала, с воплями, на грудь, дескать, выручай, Кирюша, Илья издевается, это все они, я не виновата, они натравливали меня писать в свою парторганизацию.

Кирюша только ожидал случая.

А спросил ты себя - за что я его? Нет, куда там, месть не позволила.

За что ты поперся в мою парторганизацию? За что натравлял Геннадия Симонова морду мне бить, в суд подавать на меня? За что в тамаду по скандалу произвел? За что нож держал наготове, чтобы при случае расправиться со мной? И неужели это правда? Впрочем, ты сам подтвердил, когда я тебе столовый нож придвинул, сидя у меня за столом. "Этим тебя не проймешь; есть у меня похлеще", - заявил ты, а за что?

Ты ведь слышал, что тебе Клавдия сказала, тут же, при своем сыне, Геннадии:

- Илья тут ни при чем, ты его не тронь, мы с тобою заварили кашу, нам и расхлебывать.

Так чего же тебе нужно, крови, что ли? Клавдия тебя припугнула, что напишет в твою парторганизацию, и ты удрал от нее из сада, как трусливый заяц, рыльце-то в пуху примазано.

За что вы договорились втроем выгнать меня из сада? Втроем, родные, вскормленные одним молоком, братья, какую дорогу я вам перешел? За какую выдуманную ерунду волочете на меня?

При чем я, что ты как барсук, сидел 3 года в одиночестве, в домашней самоизоляции. Ты только травишь всех, а когда я хотел с тобою встретиться после твоего посещения моего парткома, о чем и Семена попросил поприсутствовать при разговоре, куда там, оба сдрейфили, ты спрятался, Семен болезнью прикрылся.

В общем, я тебе хотел сказать - ты мелкий склочник от роду, мститель, шантажист. В тебе нет ничего святого, одним словом - Иуда! И все, что ты извращал в прошлом,

пусть будет по-твоему, другом я тебе не был и не буду, чтобы с тобой ни случилось.

"Старухе несчастной", как вы обрисовываете Клавдию, к тому же она запретила мне называть ее Клавой, о чем подтвердила сама "навсегда", хотелось бы напомнить.

Она дважды имела несчастье терять мужей. А когда овдовела моя дочь, Эльвира, она несколько раз обращалась к тете Клаве, та не нашла слова, спросить молодую вдову: как же случилось? Зло задавило: Не могла пересилить ненависть, дескать, так и вам и надо, дошли мои сиротские слезы. Позлорадствовала над чужой бедой, а от беды никто не застрахован. При встречах всегда отворачивается, да и к тому же еще оскорбляет Надежду, жену мою.

Но ничего, человек сам от себя никуда не отвернется, это самый строгий судья.

Хотелось ей напомнить: если осталась хоть капля совести, капля родственности, если она хоть на каплю уважает своих детей и внуков, то пусть, во имя всего святого, расскажет правду, от этого зависит все происшедшее.

Правда, это не в ваших интересах, братья, и вряд ли вы позволите Клавдии на подобное решиться, это вас в корень разоблачит.

Сергей в своем письме утверждал, что я хожу к Клавдии, чтобы поиздеваться над ней, в гроб ее вгоняю, какие-то милицейские санкции хочу ей предъявить в вопросе взятых денег ее сыном, Геннадием. Хотелось бы вкратце ответить и внести ясность, тут кто-то из двоих явно извращает.

В праздник 8-го марта 1971 года, зашел я с благими намерениями, позравить с праздником. Но как она приняла меня? Именно как врага. На звонок открыла дверь, легла молча на диван, как лежала до меня, даже не ответила на приветствие и поздравление. На мой вопрос: "Как живешь?" - "Что я живу, никто ко мне не заходит, все только упрекают, что неправильно веду себя, - ответила Клавдия. Затем обхватила руками голову, издавая охи и вздохи, так и просидела больше часа, пока я настаивал ей телевизор.

Затем, три раза заходил, действительно, по части долга, только не Клавдиного долга, а Валентина брала на покрытие недостачи. Клавдия сама изъявила желание съездить в совхоз

к Геннадию, отвезти мое письмо с напоминанием возврата денег.

Короче говоря, на все мои выяснения, а я именно хотел выяснить, знала она или нет об долге, который взяла ее невестка Валентина, Клавдия вела себя очень дерзко, с незаслуживающими упреками в мой адрес.

В конце концов она вынуждена была признать, что знала о взятых деньгах невесткой и сыном.

В вопросе денег, взятых в долг, я и раньше не сомневался, что Геннадий в сговоре с матерью, при вашем благословении, братья, решили воспользоваться нашей доверчивостью, не имея на то расписки, не отдавать деньги, 260 рублей. Короче говоря, не мытьем, так катаньем возместить якобы мною недоплаченные за сад Клавдии. Это еще одна параллельная подлость, братья, если бы было не так, вы повлияли бы на возврат мне денег.

Вот так вкратце, именно, вкратце, я объясняю, но если бы был магнитофон, и все высказанное Клавдией записать, то выглядело все сплошной ересью, злом, ненавистью. Я видел ее лицо, полное ненависти, казалось бы, дать в этот момент стакан с кислотой, не задумалась бы плеснуть в глаза, подобно тому, как в свое время Кирилл выплеснул рюмку водки Геннадию в глаза.

Вот в основном, братья, что я вам намерен был сказать, чего вы ни от кого не слышали, уверяя себя в добропорядочности.

Я к вам с разбоями и оскорблениями не ходил, тем более, гадостных заявлений на работу вашу не писал, и если учесть всю вашу корреспонденцию, которой скопилось у меня предостаточно, и которая, не без умысла, писалась через служебный, автобазовский адрес, то всякие обвинения ко мне отвергаю и с поклоном идти к вам не собираюсь.

Что касается допущенных вами, мягко говоря ошибок, над этим следовало бы подумать, конечно, у кого хватит мужества признать их. И следовало бы учесть, что вся наша неприглядная история, автоматически передается на наших детей, на их взимоотношения. Более того, могли быть допущены уголовные преступления (поножовщина, мордобитие).

Как Сергей пишет, собираетесь идти в мою парторганизацию, и с трубуны меня разделать, что же,

идите, ума на это не занимать, только будете освистаны, в этом я уверен. Единственная моя вина в том, что связался с Клавдией, как говорится, зная ее характер, но это не делает ей чести, а вам, братья, как консультантам, тем более.

С вашей стороны явно выражаестя месть под личиной "защиты" сестры.

У кого появятся несогласия с моими высказываниями, пожалуйста, опровергайте, конечно, без предвзятости, я всегда готов сесть за круглый стол переговоров на основе объективности, но факты - вещь упрямая.

Рано или поздно вы обязательно осознаете допущенные вами ошибки. В последнем я больше чем уверен.

1972 год. Илья

После прочтения моего письма реакция у братьев заметно усилилась. Семен с Сергеем дали понять, что не читая, возвратили письмо мне, хотя вскрытие конвертов явно просматривалось. Зато Кирилл принес письмо лично Ивану Николаевичу, со своей припиской. Сунул конверт в руки стоящему на кухне старику, резко вымолвил: "На, почитай", и также быстро вышел во двор, более не сказав ни слова.

Вот копия записки, вложенной в конверт.

Ранее уважаемый Иван Николаевич.

Возвращаю письмо Ильи в ваш штаб для дальнейшего хранения, как реликвию. Ты, как начальник штаба, все подшиваешь и даешь консультации, за которые с нахальными рожами получали дань: вареньем, ягодами, картошкой.

Ты за своей спиной Илье создал благополучное положение и с оскальными зубами защищаешь его правоту. Он же совсем обнаглел и может воевать только с Клавдией, на большее ни на что не способен. Прочитай внимательно письмо Ильи, слово "Иуда", которое адресовано мне, передаю, без сожаления, тебе. Бурлит паровой котел родни с открытыми форсунками, где Иван Гаев кочегаром. Вы, родня, как начнете целоваться, так выжимаете только зловоние, а раны нужно сначала чистить, затем лечить.

Даша с Клавдией приобретали земельный участок для себя, я к нему никакого отношения не имел. Таня с Ваней

отобрали у Даши участок, Илья с Надей отобрали у Клавы, причем, совершенно бесплатно.

Кирилл, 1972 г.

Вот как прокомментировал это письмо Юрий Семенов, старший сын Клавдии, офицер в отставке.

Копия.

Теперь в отношении выдержек из письма дяди Кости.

Действительно, выражения "брали дань", "нахальными рожами", "оскальными зубами", "где Иван Гаев кочегаром", - не выдерживают никакой критики. Видно, что письмо его злобное и содержит самые едкие выражения, которые могут до глубины души обидеть человека.

Что можно сказать по поводу такого письма?

Во-первых, мне искренно жаль автора, что он так тяжело "болен". А во-вторых, мне вдвойне жаль, что мишенью избран самый безобидный человек, который на свете не только человека но и животное не обижал. Насколько я в курсе событий, знаю что к дяде Ване никаких претензий нет и не было.

Откуда у дяди Кирилла появилось столько пошлых претензий к нему - не представляю. Обидеть дядю Ваню может только человек с больным воображением.

(Из письма Юрия из Ферганы, 1972 г.)

Прошло какое-то время, тучи с каждым днем сгущались, обстановка причертовски омерзительная.

Принимаю решение пойти к Семену, в надежде выяснить многое для меня непонятное. Попытаться найти хотя бы малейшие варинаты к нормализации, т.к. в моем понятии, от Семена многое исходит, а также, многое зависит.

Но не тут то-было, Семен держался стойко, оставаясь верным своим прежним взглядам.

Придя, конечно, поприветствовал хозяев, которые взаимно ответили, я предложил поговорить. (Семен настороженно).

- Я пришел к тебе сам, чтобы задать несколько интересующих меня вопросов, могу ли рассчитывать на откровенность и точность в ответах?

Семен: - Ты что, собираешься допрос учинить, так я не буду отвечать ни на какие вопросы. Если пришел, давай, будем обедать, Анна пельмени варит, есть бутылочка красного вина.

- Давай сначала поговорим, - предложил я, - а затем уже обед, к тому же, мы с Надеждой час назад пообедали.

- Я тебе сказал, что не буду разговаривать о старом, уже наговорились, - с раздражением ответил брат.

- Ну хорошо, тогда мне делать нечего, я пойду, что-то ты слишком возбужден, - перешел я в прихожую и начал одеваться.

Анна, жена Семена:

- Почему ты, Сеня, такой, ведь Илюша сам пришел, что-то его интересует, значит, следует поговорить.

Семен волнуясь, помедлил, сказал:

- Ну что у тебя за вопросы, давай, выкладывай.

Я: - Как ты расцениваешь свое поведение во всей нашей истории?

Семен:

- А что я, все нормально. У Гаевых я был, разговор у них не состоялся, к тебе я не собирался идти, не жди.

Я: - Обвиняя людей, подтверждают фактами какими из них вы располагаете, так пошло обвиняя нас, особенно Гаевых?

Степан:

- Ты залез в чужой дом, вернее, в сад к старухе.

Я:

- Расскажи, кто из вас инициатор заявления на меня в мой партком и сколько вы их обсуждали?

Степан:

- Мы все, втроем редактировали заявление и сразу же, или, возможно, после некоторой задержки, отправили.

Я:

- Как получилось, ты, вроде, покритиковал Кирилла, что он ходил в мой партком без вашего согласия, а под заявлением поставил свою подпись.

Семен:

- Ты этого заслуживал, т.к. не понял ничего, когда тебя предупреждали.

Я:

- Кто дал тебе право, придя ко мне в дом, наоскорблять хозяина? ("Делец, мудрец, диктатор, комбинатор").

Семен:

- Ты соответствуешь всем высказанным тебе названиям, причем ты послал нас, наколотил, показывая ниже пояса.

Я:

- Вот это уже явное вранье, чтобы сбить интересующихся людей с толку. Да, действительно, я вас наматерил, после того, как услышал от тебя незаслуженные ярлыки. Ты от меня лично слышал, что якобы я, специально летал в Минск, к Юрию Симонову, чтобы при всей его семье рассказать о невыносимом поведении его матери Клавдии. Это мне Сергей пишет, опираясь на тебя.

Семен:

- Вы рассказывали многое и в других местах, но от тебя подобное я не слышал.

Я:

- Почему вы быстро свернули беседу у Клавдии 12 апреля, и ты не дал ей что-то сказать, она просила высказаться.

Семен:

- Разговор и так затянулся на 2 часа, к тому же не хотел , чтобы она расстраивалась.

Я:

- Как ты оцениваешь мое письмо к вам и как прореагировал на это?

Семен:

- Это все сплошная чушь, крик твоей души. Я сразу же пошел к Кириллу и решили все тебе вернуть без ответа, я лично не читал твою пакость.

Я:

- Знал ли ты о деньгах, которые взяла у меня Валентина в долг, и почему они молчали с возвратом, довели дело до суда? Как ты это расцениваешь?

Семен:

- Да, я сказал, чтобы деньги тебе не отдавать, вернее, Геннадия лично я не видел, но по телефону сказал ему. Я деньги не отдавал бы.

Я:

- Как ты расцениваешь последнее, оскорбительное письмо Кирилла к Ивану Николаевичу?

Семен:

- Я сразу же пошел к Кириллу, но было уже поздно, он отнес твое и приписанное Ивану письмо, но я его не читал.

Я:

- Вот это письмо,на прочти, или слушай (вынул из кармана письмо).

Семен:

- Не хочу слушать, ты наглец. - убежал на кухню, тут же возвратился, скоропалительно вымолвил мне: - Ты и мне не отдал 2700 рублей, которые брал для покупки коровы, сразу, после войны.

Я:

- Как не отдал? Тысячу рублей в старом исчислении вскоре отдал Анне, а двести (200) рублей позднее, уже после реформы 1947 года. Считаю, это нормально, т.к. исчисление во всех банках, сберкассах происходило один к десяти 1-10. Ты великолепно знаешь, что я выплачивал 3 года 11 тысяч рублей за купленный в рассрочку дом. И также великолепно знаешь, что мне с семьей после возвращения из кадровой армии, жить было негде. Ты же мою квартиру занял, и перед самой демобилизацией обменял, чтобы по возвращении, мне не досталась.

Семен:

- А ты что, хотел с меня деньги получить за квартиру? В квартире осталась мать, вы все отказались от нее. Я взял ее к себе вместе в квартирой, вернее, остался с матерью после твоего ухода в армию.

Я:

- Как видишь, с собой в армию я не мог взять мать. Предъявлять какие-либо выплаты за квартиру я не собираюсь, ты сам это вопрос напоминаешь, возможно, чувствуешь какую-то неловкость по отношению ко мне. Может быть, совесть немножко беспокоит - оставил меня с ребятишками на улице.

Весь разговор проходил в присутствии Анны, жены Семена. Анна по отношению ко мне придерживлась лояльной позиции до тех пор, пока мною не были названы предателями русского народа ее сестры с зятем, служившие в Киеве Гитлеру, затем удравшие в Германию, затем, в скорости в Америку, где и проживают.

Младший брат, Сергей несколько раз приходил ко мне в машино-счетное бюро управления торговли, где я работал по совместительству, ремонтирорвал счетно-пишущие машинки. Как в большинстве случаев, появлялся изрядно выпивши, и на этот раз в кармане прихватил бутылку портвейна.

Сергей:

- Слушай, Илья, давай поговорим, ты высказывай все, а я буду только слушать.

Я:

- Ты изрядно выпивший, здесь говорить неудобно, давай, поедем ко мне домой.

Сергей согласился поехать, а взял от рынка такси, дома была жена Надя, сообразила чаепитие.

Сергей:

- Ты ведь со мною не будешь выпивать.

- От чего же, выпью - ответил я, - только тебе, пожалуй, достаточно, не будет ли лишним?

Сергей:

- Вы всегда все меня пьяницей считаете, ты Илья, особенно, но я ума не пропиваю. В общем, прошу тебя, говори, высказывай, я буду слушать.

Я:

- Скажи, на что вы рассчитывали, идя на подобную пакость, на большинство, на силу, что ли?

Сергей:

- Да, нас больше, мы были уверены, что ты не выдержишь одиночества и все равно покоришься, придешь к нам.

Я:

- Кто из вас четверых был инициатором писать на меня заявление в партком?

Сергей:

- Кирилл. Он сказал: "Илья на меня писал, а почему я не могу, и тут же начал писать сопроводиловку".

Я:

- Я был у Семена, тот сообщил, что редактировали все, причем общие ваши заявления и подписанные через полтора месяца в верху, в партком автобазы № 6. даже с разными чернилами, все одним, твоим почерком.

Сергей (с удивлением):

- Ты был у Семена, и зачем? Это неправда, я не писал, все это Кирилл.

Я:

- А твое письмо ко мне, сколько там гадости наворотил, тоже неправда, - (прочитал ему его же текст письма), он только единственно просил: -"Не надо читать, перестань, прошу тебя".

- А что касается Гаевых, которых незаслуженно наоскорблял, нагромил, что даже уравновешенный Иван Николаевич

пытался выставить тебя за дверь, но не смог, стар стал, скажешь неправда?

Тут Сергей не выдержал, психанул, схватил пальто, взявшись за дверную ручку, чтобы открыть дверь и выйти, выкрикнул мне:

- Вы сволочи, сволочи, 5 лет меня "канудили", - хлопнул дверью и ушел.

Отзвуки его голоса, его полные злобы глаза, долго отражались с обидой и сожалением в моей памяти.

Насколько много у всех братьев отлагается зла, ненавиисти, не исключая и сестру Клавдию. Они никак не могут спокойно разговаривать, когда выставляются неопровержимые факты их неблаговидного поведения.

Время шло, враждебная, напряженная обстановка сохранялась, выжидали друг друга, кто к кому придет с покаянием, каждый считал себя правым. В дополнение ко всему, как-то пришла ко мне Клавдия, уже серьезно больная.

Трясет ее, особенно рука и нога, стоять не может. Насупилась, не поздоровалась. Придвинул стул, предложил сесть, при этом подумав: "Зачем же пришла?" По ее виду чувствовалось, пожаловала с недобрым.

- Геннадия-то сняли с работы, - вымолвила сестра, - ты ведь на него все писал, так смотри, как бы он что не с делал с тобой, он ведь тюремщик.

- Если я и писал, то только напоминал, чтобы возвратили деньги, которые взяла Валентина взаимообразно, на покрытие недостачи. За такое не сняли бы с работы. Что касается заметки в "Восточно-Сибирской правде" о плохом содержании и падеже молодняка в совхозе "Каменский", где Геннадий был главным зоотехником, - вот это и есть причина снятия его с работы. Тут уж ничего не попишешь.

Клавдию сильней заколотило, мы с женой Надей основательно перепугались, предлагали воды, валерьянки, успокаивали уговорами.

Она, несколько успокоившись, отвергла наши предложения в помощи, с трудом встала и решительно пошла к двери. Я, поддерживая, проводил ее с лестницы к подъездной двери, далее она заявила, отстраняя меня:- Пойду сама. Посмотрел сестре вслед, с заныввшим сердцем подумав: "Сколько же в тебе ненужной ненависти, хотя с большим трудом пошла, но мою помощь отвергла".

Живем в одном многоквартирном, благоустроенном доме, живем через один подъезд, а взаимосвязей на протяжении семи-восьми лет никаких.

Вся многолетняя враждебная история, безусловно, всех без исключения, в какой-то мере, волновала, беспокоила. Но все выжидали, а где приходилось, спрашивали себя, кто-то критиковал, больше того, клеветал, шантажировал другого. Отбросил к чертовой матери всякое самолюбие, хотя мне и доставалось основательно от родственниокв, я все-таки решил пойти к братьям. Меня не покидала какая-то надежда, что не может же быть, чтобы взрослые, дожившие до седин люди, не могли чего-то понять, признать и до чего-то договориться.

Шел январь 1975 года. Звоню по квартирному телефону брату Семену, почему-то мне казалось, что все, или, почти все, зависит от него, в чем не ошибся. Позднее это стало настолько очевидным, что не требовалось каких-либо доказательств.

- Алло, Семен, здравствуй! Нам, всем братьям, необходимо встретиться, попытаться найти какую-то золотую середину в наших взаимоотношениях.

- Почему обязательно всем, - ответил Семен, - мы могли бы с тобой вдвоем многое обсудить и прийти к общему знаменателю.

- А мне, все-таки, хотелось бы встретиться именно всем, т.к. в равной степени все причастны к столь довольно неприятной истории.

- Что, для большого шума, - заметил Семен, - тогда пусть будет по-твоему, я поговорю с Сергеем и Кириллом, ближайшими днями сообщу тебе.

Через несколько дней Семен позвонил мне на работу, сообщил, что в ближайшую пятницу соберемся у Кирилла в 18 часов.

Что же даст эта пятница? С тяжелыми размышлениями, неизвестными надеждами на какой-либо успех переговоров, в строго назначенное время прихожу на квартиру к брату Кириллу.

Так мне показалось, или это действительно так, но роли были распределены для встречи со мной. Хозяин, Константин, сидел у самой входной двери, прикрепив рыболовную сеть к головке кровати и, вроде, занимался починкой сети. Войдя в квартиру, я поприветствовал всех, в ответ услышав довольно сухое приветствие.

Семен, в это время, сидел против раскрытой двери в следующую комнату, и через развернутый в руках журнал наблюдал, как и с чем я войду. Мне показалось, что он занял очень удобное для наблюдения место. Не исключено, что вся инсценировка была преднамеренно отрепетирована.

На предложение гостеприимной хозяйки Дарьи, жены Кирилла, я разделся и безо всяких предисловий предложил сесть за стол разговоров.

- Коли мы собрались, значит, у каждого явилось желание разрядить нашу нездоровую обстановку, - сказал я братьям. Сергея не было. Мне кажется, всем следует без принуждения высказать свои соображения, задать любые интересующие вопросы, конечно, в деловой, объективной форме, и также отвечать на них, не перебивая друг друга. Попытаться выяснить причины раздора и найти основу для нормализации.

Семен:

- Что же конкретно ты предлагаешь?

- Давайте, разберем один пример, - предложил я. Живет семья, четыре брата, две сестры. Один из шестерых кого-то обидел из семьи, обидел больно, незаслуженно. Естественно, остальные вступаются за обиженного, конечно, на реальной, справедливой основе.

-Кирилл:

- Вы меня 10 лет канали, изолировали. Никто из вас ко мне не заходил, а мне ведь уже 70 лет, все надоело. Я могу прийти к тебе, Илья, и все рассказать, а рассказать есть чего, натворили много, предостаточно.

Семен:

- Нечего ходить к нему и что-либо рассказывать, он хочет, чтобы мы встали перед ним на колени. Все нужно прекратить безо всяких раскаиваний, и я подаю тебе, Илья, руку.

Я:

- Я приведу вам в пример слова из песни, известного поэта Дагестана Расула Гамзатова:

Если друг поторопился
И тебя обидел невзначай,
Провинился друг и повинился,
Ты ему греха не вспоминай

Семен:

- Что-то я эту песню не слышал. Но похоже, ты настаиваешь, чтобы мы перед тобой повинились и встали на колени.

- Вставать на колени передо мной не надо, мы уже все немолоды и унижать одним другого не советую. Но всякий здравомыслящий человек должен нести ответственность за свои поступки.

Что касается проступков с вашей стороны, если считать и загибать пальцы рук, то вряд ли их будет достаточно. Одним из главных, который нанесен мне - оскорбление моего достоинства. Это написанные вами клеветнические заявления в мою парторганизацию. Как это вы могли дать Геннадию Симонову добро не возвращать мне 260 рублей?

Семен:

- Ты ведь деньги получил, правда, через суд, частями, но получил.

- За какую провинность вы так жестоко обидели Гаевых, особенно, совершенно низко, гадко наоскорбляли старика, Ивана Николаевича, который, как вам известно, даже животное не обидит. Единственная их вина - не поддерживали вас, не пошли на клевету, а высказались за справедливость. Высказались еще тогда, у Клавдии, 12 апреля 1970 года.

Семен:

- Гаевых давайте пока не будем задевать, следует разобраться самим, а вернее, бросить нужно разбираться, так ни до чего мы не договоримся.

- Для первого разговора, на мой взгляд, достаточно. Чтобы продолжить начатый обмен мнениями, я приду в следующую пятницу, ровно через неделю, в такое же время.

Семен:

- Если разговор пойдет на такой же основе, могу с уверенностью сказать, что вряд ли что получится. Сейчас же еще предлагаю руку примирения, а если нет, то уйду навсегда.

- Не горячись, Семен, подумайте спокойно, а вам есть о чем подумать. Так ведь легче всего, - нашкодить, наоскорблять и забыть, - куда проще. Нет, братья, так не выйдет, ответить хотя бы морально, перед своей совестью, безусловно придется.

На сегодня я вам говорю до свидания, до следующей пятницы.

Кирилл на это ничего не ответил, брат Сергей не присутствовал, находился на излечении в больнице.

В следующую пятницу, как было условлено, в 18 часов, я пришел к Кириллу. Семен сдержал свое слово, не явился. Но

мы разговаривали с Кириллом, ему как хозяину квартиры, вынужденно пришлось со мной беседовать.

Первым моим вопросом было выяснить самое главное; писание на меня заявления в партком.

- Как прикажешь понимать, Кирилл, был ты дважды в моей автобазе, разговаривал с руководителями парторганизации, и вдруг вам показалось всего недостаточно и вы пишите туда же коллективное заявление на меня. Кто из вас четверых был инициатором этого?

Кирилл, несколько смущенно, ответил:

- Пришли ко мне Семен с Сергеем и принесли готовое, написанное заявление в садоводство, предложили мне подписать его и направить в правление садоводства "Байкал". Я им возразил, что в садоводстве мы ничего не добьемся, а давайте напишем в партком. Это будет существенней, он, Илья-то, все-таки член партии. Я лично к написанным заявлениям приписал сопроводительную. Сергей же, который писал заявления, тут же, выше, своим почерком, сделал приписки - в парторганизацию автобазы № 6.

- Да, действительно Семен с Сережей принесли готовое заявление в садоводство, - подтвердила Дарья, жена Кирилла.

- Как вы могли решиться на такое? - спросил я Кирилла, - и за что? Неужели вы, ставя подписи под гнусной клеветой, не сознавали, что все мы одну материну титьку сосали. Неужели в вас преодолела все доброе в прошлом ничем не оправданная месть?

- В партком я пришел, - сказал Кирилл, - после того, как Клавдия пришла, упала ко мне на грудь со словами: "Выручай, Кирюша, Илья издевается. Он вынудил меня писать на тебя, в твою парторганизацию". После ею сказанного я погорячился и пошел на твою работу, в автобазу.

- Ну, допустим, погорячился в один момент сходил, не застал секретаря парторганизации, так ровно через 3 дня, в следующее мое дежурство, опять пришел. А какую чушь там наговорил моим товарищам, которые всесторонне меня знают только с положительной стороны.

- Дальше я уже выполнял волю других, - ответил брат Кирилл, - на меня как-то действовали другие...

- Как же могло случиться, - бросил я, - раньше десятью годами вы враждовали с Клавдией, а тут ты пошел вдруг ее

защищать? А не разумней ли было тут же одернуть сестру и, как говорится, посадить на свое место.

- Видимо, я ошибался, - признался он. - Да, действительно, в свое время Клавдия на меня много клеветала, а вы ей верили, изолировали меня.

- Ну хорошо, на меня, как говорится, катил бочку, а Гаевых-то за что возненавидел?

- Татьяна с Иваном бегали все, защищали тебя, - ответил Кирилл. - Мы с Иваном вот за этим, - показал пальцем, - столом, битых три часа, конечно,за бутылочкой, проговорили все об одном и том же. Он из кожи лез, все выгораживал тебя. Они напрасно всунулись в нашу историю, разобрались бы без них.

Далее Кирилл не выдержал, распылился, начал с упреками вспоминать детство, юность.

- Вы все меня ненавидели, я был как неродным, и т.д. и т.п.

Учитывая, что дальнейший разговор будет бесполезным, я ушел, попрощавшись, добавил, что мы еще продолжим беседу в следующую пятницу, "Я обязательно приду".

Перед третьей пятницей звоню по квартирному телефону брату Семену, с вопросом:

- Почему же ты не пришел в прошлый раз? Мы с Кириллом неплохо побеседовали по некоторым моментам, пришли к единому мнению.

- Я не мог прийти, - ответил Семен, - ты же знаешь про мою аварию, пришлось решать вопрос с заменой кузова на машине.

Несколько месяцев раньше Семен попал под аварию на своем автомобиле, вместе с ехавшим с ним пятилетним внуком. Они получили серьезные травмы.

- Надеюсь, завтра придешь? - спросил я.

- Если смогу, то приду, - ответил Семен. - Только - добавил он, - вы ведь опять будете митинговать.

- Никаких "если", нужно прийти, - настоятельно заметил я, - коли начали разговор, следует до чего-то договориться. Завтра пятница, и она будет уже третья, я буду там ровно в 6 вечера.

Следующая беседа началась за чаепитием втроем,с гостеприимной хозяйкой квартиры, Дарьей. Семен пришел с опозданием на полчаса, за что попросил извинения.

- Наша тяжба по вопросу кузова пока не разрешилась, поэтому и задержался. - Добавил, приняв важную позу на стуле:

- Давай, валяй, послушаем, что вы в прошлом намитинговали.

- Нет, отчего же, я наоборот, доволен нашей с Кириллом беседой в прошлую пятницу, жаль, что не было тебя. Вот только напрасно он самоизолировался в течении трех лет. Следовало бы не ожидать, чтобы кто-то к тебе пришел с покаянием, а самому выяснять. Вот, несмотря на все, что вы натворили по отношению ко мне, все же я к вам пришел первым, с целью разрядки создавшейся конфликтной атмосферы. В прошлом вы с Клавдией конфликтовали только вдвоем, а теперь все втянуты в нашу историю.

- Что же ты конкретно предлагаешь в данное время, - спросил Семен.

- Все наши события я часто сравниваю с международными событиями. Демонстрация силы, т.е. большинства и бряцание оружием. Фальсификация фактов, клевета, шантаж и т.д. Вы предлагаете: давайте все забудем. Хорошо, я согласен, но ведь после всего допущенного вами, мне следует как-то убедиться, чтобы все забыть-то. От тебя, Семен, не слышно даже намека, а все наоборот. Ты сгущаешь краски, чувствуется твое нежелание идти на разрядку, твой самоуверенный вид и дает право полагать, что неявка в прошлую пятницу преднамеренная. Итак, я возвращаюсь к стихотворению Расула Гамзатова:

Погорячился друг и повинился,
Ты ему греха не вспоминай.

Допустим, погорячился, это у нас у всех хоть отбавляй, а признал, повинился, чтобы греха-то не вспоминать? Этого не слышно, все идет наоборот, с наслоениями, боимся попуститься самолюбием, настырностью, показываем свой характер. Допустим, что нам после примирения где-то придется встретиться за столом гостеприимства, с традиционным чоканьем бокалами, мне ведь невольно вспомнятся, Семен, твои раздутые ноздри, когда ты за моим же, столом, лепил незаслуженные ярлыки: "комбинатор, диктатор, делец, мудрец".

Ты, Кирилл, представишься в моем парткоме; ваши подписи под клеветническими, коллективными заявлениями. Как это понимать?

- Ты опять стараешься завоевать трибуну, читаешь нам мораль, - с издевкой подметил Кирилл.

Семен как-будто ожидал поддержки, соскочил со стула, взял со стола большой кухонный нож, лезвием, вернее, концом лезвия ножа, подвел его мне под подбородок со словами:

- Ты нам нож к горлу ставишь, - раздражаясь, добавил, - хочешь бросить на колени.

Я мысленно стараюсь внушить себе: "Спокойно, держись, не сорвись, выдерживай, Илья!" Отвел от подбородка нож, сказал:

- Почему к моему-то горлу ставишь, уж если так, то ставь и показывай на своем.

Тут из Семена полилась масса очередной гадости, он возмущенно заметался из угла в угол. Чувствовалось, что он лишился самоконтроля. Если бы его действия, выражения, можно было как-то запечатлеть на видеопленку, то все выглядело бы ужасно. В это время мне Семена просто было жаль.

Я думал, сколько нужно выдержки, нервов, чтобы доказывать неправду, чтобы кто-то поверил и признал черное за белое.

Он метался по квартире, не давал чего-либо сказать, повторял давно избитые свои же небылицы: как я издевался над старухой Клавдией.

- Ты оклеветал на весь район Генку, сына сестры, - в ярости выкрикивал Семен.

Все происходило довольно мерзко. Родные, дружные в прошлом , снова были готовы причинить друг другу боль.

Мне еще раз пришлось доказывать, как велась переписка с Геннадием Симоновым о возврате долга. А когда я попытался почитать письма его жены, Валентины и ее сестры, учительницы, Семен не стал слушать, ушел, вернее, убежал в другую комнату, на ходу бросив мне упрек:

- Ты нам не вернул полностью деньги, которые брал еще 10 лет назад, сразу, после войны.

Пришлось еще доказывать, как были возвращены деньги, взятые у Семена, 1 тысячу рублей возвратили сразу же, до реформы 1947 года. 200 рублей пришлось задержать с возвратом на целых 2 года.

- Ты ведь знаешь, что я выплачивал за невольно купленный дом, жить-то негде было, ты ведь у меня квартиру отобрал, поменял, чтобы мне не досталась после возврата из армии. Так что из трех тысяч, взятых у тебя, я считаю, все возвращено полностью, После реформы деньги исчислялись 1 к 10, я же не

полагал, что будет производиться реформа, а уж коли так получилось - я ни при чем.

- На что же ты рассчитывал? - выкрикнул Семен.

- Откровенно говоря, рассчитывал на гуманность родственников, что постепенно все возвращу. Причем после возврата последних двухсот рублей ты сам мне сказал: "Эти 200 рублей можно было не отдавать". Видимо, тебя в то время немножко совесть мучила, а сейчас, в порыве гнева, решил все высказать.

- Нужно быть полным безумцем, чтобы обидеть мою жену Анну, что ее сестры-старухи предатели родины, - опять же с раздражением, повышая голос, крикнул Семен.

- Когда они из Киева с немцами удирали в Германию, где до освобождения его советскими войсками работали у фашистов, были все молодыми и заранее предусмотрели, что к чему, что их ожидает. Теперь, конечно, годы берут свое.

Что касается главы этой семьи, Аркадия, с которым ты, Семен, породнился и лобызался, не исключено, что он был ранее заброшен в нашу страну, как немецкий шпион, но крепко законспирировался. А то зачем было ему, в канун войны, выбираться в срочном порядке из Иркутска в Киев, поближе к своим.

- Тогда была война, - сказал Кирилл, - посадили насильно в фургон и свезли в Германию, а там уже понесло их, как говорится, не по их воле, и они все оказались дальше Германии, в Америке.

- Ты должен написать извинительное письмо Генке Симонову, - обращаясь ко мне, сказал Семен. - Ты должен написать такое же письмо Клавдии, отдать его нам, а наши женщины пойдут и подготовят ее к прочтению твоего письма, тебе к Клавдии идти нельзя.

- Кто же пойдет ее готовить, - спрашиваю его, может, мою жену Надежду с ними направить?

- Пойдут Анна и Даша, Надежде также к Клаве пойти нельзя, - ответил Семен.

Кирилл немедленно отпарировал:

- Моя жена Даша не пойдет готовить ее.

- Ты должен пойти к Анне и извиниться за оскорбление ее, если только она тебя примет, а вряд ли примет.

- Теперь ему поздно извиняться, - вставил реплику Кирилл, - нужно было раньше думать, что говоришь и как действуешь.

- Вообще-то довольно странно, на мой взгляд почему - это я должен перед всеми извиняться, когда должно быть наоборот.

Сколько я ни внушал себе держаться спокойно, все же сорвался, не выдержал подобного издевательства и унижения. Несколько раздраженным тоном я заявил Семену:

- С сегодняшнего вечера для меня стало абсолютно ясно, кто травит и осложняет, усиливает нашу вражду. Это ты, Семен. Отныне для меня ты противник номер один. Теперь уже я буду делать выводы по своему усмотрению.

Немедленно оделся, пошел к выходу. Кирилл, как хозяин квартиры, вышел проводить меня. Там уже, на улице, за дверью, как-то робко, придавленным голосом выдавил:

- Ты что же, и мне скажешь "прощай"?

- Нет, почему же, до свидания, -незамедлительно ответил я ему.

Каков же вывод из прошлой беседы, вернее, из серьезного конфликта? Семен почувствовал свое бессилие и решил сорвать переговоры, т.к. продолжить их значит признать свою вину, а тут гордость, тщеславие стали помехой. Как же, нас большинство, а сделать с Ильей ничего не можем.

Я же, со своей стороны, решаю быть последовательным. Уж коли начал вести разговоры с целью примирения, так продолжить их, как бы они ни закончились.

На следующий же день звоню Анне.

- Аня, здравствуй, как ты отнесешься к тому, что я сейчас к тебе приду?

- Для чего? - ответила Анна, ты меня и так достаточно обидел, еще хочешь, что ли? - слезное посапывание слышалось в трубке.

- Хочу попытся исправить положение.

- Сегодня нельзя, - ответила Анна, - разве что завтра, сейчас у меня сидит Клава.

- Хорошо, завтра я еще позвоню.

На следующий день повторяю ей вопрос - можно ли прийти?

- Нет, не стоит, это уже ни к чему, вряд ли что из нашего разговора получится. К тому же, я скоро ухожу из дома.

- И все же я к тебе иду, через 15 минут буду, задержись, я очень прошу.

На звонок Анна открыла дверь. Подав ей руку, со словами:

- Аня, если можешь, извини, я, возможно, не прав, погорячился.

Анна, показав вид обиженной, всплакнула. Вместе прошли в зал, начали разговор.

- Вы все психованные, - первой вымолвила собеседница. - Наговорили друг другу разной гадости. Потом мучаетесь, переживаете.

- Нет, наоборот, я лично, даю отчет своим словам и достаточно четко помню, кто кому и что наговорил.

- Я в этой всей вашей истории придерживалась твоей стороны, а после того, как ты упрекнул меня, что мои сестры предатели родины, уехали в Германию, отношению к тебе совершенно переменилось. Так что можешь мириться с Кириллом, Сергеем или еще с кем, только нас не касайся. Ты вчера Сеню довел до белого коления, он всю ночь не спал, только охал.

- Я этого совершенно не собирался делать, наоборот, он, вызвал всю сложность вчерашней беседы и сорвал ее.

Пришлось Анне все в подробностях объяснить о происшедшем у Кирилла на квартире прошлым вечером.

Несколько иронизируя, Анна произнесла:

- Вообще-то, до сих пор ни с кем не возникал разговор на эту тему, все старались умалчивать.

- Ты права, Аня, чтобы вести подобный разговор, нужно смотреть прямо в глаза собеседнику, а как в них смотреть, когда всякий знает, кто и что натворил.

- Ты Генку Симонова на весь район опозорил, письмо писал в совхоз, в милицию, в суд. Да я бы на твоем месте плюнула на все, не стала бы связываться - далее "я бы", "я бы", и т.д.

- Значит, по-твоему, подарить 260 рублей, не слишком ли дорогой подарок, по нашим временам, при нашем положении. Я ведь с семьей живу только на зарплате, деньги не валятся с неба и вы великолепно об этом знаете, какие трудности нас давят.

Пришлось и Анне доказывать свое алиби. А когда развернул ей 6 штук почтовых уведомлений, накопившихся от переписки с Геннадием, она с удивлением сказала:

- Для какой цели ты хранишь все это, если долг, хотя и через суд, ты получил.

- Да мало ли чего, вот ты и сама убедилась, они оказывают мне услугу. Ты бы и в дальнейшем твердила, что мною Геннадий оклеветан. А вот тут, на уведомлениях, отметки работников почты, письмо вручалось лично адресату. А тебе

неизвестно, почему он не отвечал? Не из вас ли кто подсказал ему не возвращать долг?

- Я не знала всех подробностей, - ответила Анна, - и не старалась вникнуть в них.

- Скажи, Аня, какие деньги не возвращены вам мною, о которых уже в какой раз упоминает Семен. Мы с Надей брали у вас после войны 3 тысячи на покупку коровы. Так вернули мы вам долг или нет?

- Да возвратили вы, только в пересчете.

- То есть как в пересчете, - не понимаю я.

- А вот как, - говорит Анна. - Во время реформы 1947 года из сберегательных касс вкладчикам выдавали только до трех тысяч рублей, остальные расчеты производились один к десяти. За одну тысячу выдавали сто рублей. Вы же вернули тысячу в старом исчислении, а двести рублей вернули в новом, т.е. один к десяти. Если бы эти 3 тысячи, которые вы брали, лежали в сберкассе, мы смогли бы их получить полностью.

- У вас что же, кроме этих денег, не лежало нисколько? - спросил у Анны я.

- Деньги, которые давали вам, были племянницы Нюси, она бы их получила.

- Тогда мне все ясно. Как все мерзко!

Еще раз прошу, если можешь, извини, и во всем прошедшем благодари своего супруга Семена и его единомышленников.

Что касается меня, моих действий, то это обратная реакция, вызванная ими. До свидания. - Я пошел.

Что же дальше? Как продолжить разговор с целью какого-то, хотя бы минимального примирения, останавливаться в подобной ситуации невозможно. А обстановка, нужно прямо признаться, накалена до предела.

Принимаю решение пойти к главной зачинщице всей нашей конфликтной истории старшей сестре Клавдии.

Но Клавдия к тому времени уже серьезно болела. Болезнь была связана с растройством нервной системы, сильно тряслись руки. Значит одному мне пойти к ней опасно, как бы не осложнить ее состояние, да и разговор с глазу на глаз с Клавдией не получится. Необходимо попросить Крилла с Дарьей, чтобы они пошли к Клавдии со мною.

Кирилл сидел на кухне, обедал, предложил мне составить компанию с ним за обеденным столом. Я с удовольствием при-

нял предложение брата, т.к. был обеденный перерыв и я основательно проголодался.

Кирилл сообщил мне, что его жена, Даша, на картах наворожила ему, - Илья еще придет и продолжит разговор.

- Я был сегодня у Клавы, - сказал Кирилл, - много говорил с ней о необходимости как-то сглаживать обстановку. Тебе бы, Илья, следовало к ней зайти.

- А я за тем и пришел, чтобы попросить вас с Дашей пойти к Клавдии. Сам знаешь, как мне одному к ней идти, она же не терпит меня, не дай Бог, что с ней произойдет, тогда все припишется мне. Я уже не раз слышал, что хожу к сестре, издеваюсь над ней, осложняю ее здоровье.

- Да, конечно, - сказал Кирилл:, - одному тебе к ней идти не следует. Вот скоро Даша освободится, поговорим,- он показал на закрытую дверь зала, - там у нее клиентка. (Дарья занималась ворожбой на картах).

Я и сам был свидетелем, как к ним в квартиру приходило несколько "клиенток" на ворожбу. На этот раз одной из них, Кирилл отказал в приеме под благовидным предлогом за входной дверью.

Не дождавшись, когда освободится Дарья от клиентки, мы с Кириллом договорились, что они приедут к Клавдии в назначенное время, на полчаса раньше меня.

Прихожу, Клавдия на диване, довольно опрятно приодета, относительно спокойная, только правая рука беспристанно трясется. Дарья сидела рядом, Кирилл расположился у стола.

- Здравствуйте, вот я и пришел.

- Хорошо, что пришел, садись, - ответила на приветствие сестра.

Устраиваюсь, а чтобы разрядить явно выраженное смятение, принимаюсь за подрегулирование включенного телевизора, обмениваясь первыми, на ум пришедшими фразами.

- Ну что, немножко побеседуем, - обратился я к присутствующим.

- Конечно-конечно, - поддакнул Кирилл.

Обращаясь к Клавдии, я продолжил:

- Мне предлагает Семен, даже настаивает, чтобы я попросил прощения у тебя. Со всей ответственностью смею заверить, что лично у меня и всех остальных, т.е. моей жены Нади и Татьяны с Иваном, не было и нет какого-либо греха перед тобой. Но если ты что-нибудь имеешь - извини!

- У меня нет ничего к вам, - ответила Клавдия.

- Вот и прекрасно, - заметил я. - Другое дело, если тебе кажется, что я мало заплатил за сад, назови сумму, я немедленно доплачу. Если появится желание приехать в сад - добро пожаловать, в любое время, все твое там, все сохранено. Нас сегодня здесь четверо, так пусть этот день будет днем начала снятия пятилетного, тяжкого груза, который давит на всех, без исключения. А сейчас, Даша, похозяйничай, если есть чай, давайте, выпьем по стакану, как было прежде, в знак примирения.

- Никаких денег с тебя не нужно, - сказала Клавдия - чай, Даша, будь добрая, налаживай. Илюша, внучка Лена-то, у вас, что ли, сейчас находится? - спросила сестра.

- Да, у нас там, с Элей, на севере, она как-то все время болеет.

Рассказал про внучку, про ее проказы. Атмосфера вроде бы разрядилась, разговор пошел на отвлеченные темы.

- Вот еще Таня бы пришла, - заметила между разговором Даша.

- Мы с Кириллом этот вопрос обсудим, - сказал я, распрощался и ушел.

Назавтра же, по горячим следам, иду к Кириллу. После взаимного приветствия, поговорив о том о сем, задаю им с Дарьей, вопрос:

- Вы вчера после моего ухода еще остались у сестры, каково ее впечатление от моего посещения?

- Клавдия несколько успокоилась, нужно во что бы то ни стало прийти Тане, все же они родные сестры, - сказала Дарья.

- Я тоже так думаю, - обращаясь к Кириллу, спросил: - Как будем мирить, сводить сестер?

Кирилл с раздражением ответил:

- Что ты с одного меня душу тянешь?! Ты попросил нас с Дашей, мы пошли к Клавдии, этим самым сделали все, а зачем мне нужна Татьяна, да и Клавдия. Ты что, полагаешь, я к ней с парадного хода хожу, что ли? Сводить и мирить сестер не буду.

- Действительно, почему это один Кирилл должен, все тут виноваты, - вставила Дарья.

- Собственно, пока что мало сделано полезного, - продолжал убеждать я Кирилла. - Но я полагаю, мы с тобой совершим благородное дело, помирим сестер, доведем до конца начатое.

Мои доводы не возымели влияния на брата. Он распылился и опять начал вспоминать небылицы далекого прошлого - тут особенно валил гадость на сестру Татьяну и зятя Ивана Гаевых.

Убедился я, что продожать с ним разговор бесполезно, распрощался, направился ни с чем домой. Идя по дороге, мысленно перебираю все, представляю, как они нервничают, пытаются перевернуть все с ног на голову, перекладывают вину на кого-то другого, из этого ничего не получается, поэтому и злятся.

Через два или три дня иду к брату Семену в надежде, что от разговора с ним появятся какие-то проблески разрядки. На звонок дверь открыла Анна. Поприветствовались, правда, хотя и сухо, но Анна ответила взаимно.

Раздевшись, прошли с хозяйкой в зал, молча смотрим телевизионную передачу, хозяина не было, не вернулся с работы.

Минут через 20 пришел брат, разделся, умылся в ванной, довольно долго исполнял свой туалет, затем заглянул в зал, где я сидел уже один, хозляйка вышла на кухню. С наигранной издевкой Семен промолвил:

- А, незванный гость, зачем пожаловал?

- По делу, - ответил я, стараясь как можно, выдержать спокойствие.

- Никакого у нас с тобою дела нет, - также резко ответил Семен.

- Ты бы, как хозяин, к которому пришел человек, для приличия поздоровался бы, что ли, да успокойся, следовало бы поговорить, есть о чем.

Не сказав ни слова, Семен вышел на кухню, еще минут 20 ужинал, затем звонил кому-то по телефону, хотя по тону и смыслу разговора можно было понять, - напыщенная деловитость, которая не требовала срочности, а так, умышленная затяжка времени.

- Ну что тебе нужно, накурился, наверное, - войдя в зал, с волнением бросил мне реплику Семен.

- Выполнил все поставленные тобою условия и даже побывал у Клавдии, ходили совместно с Кириллом и Дарьей.

- О том, что ты побывал у старухи, я знаю, и знаю, что ей заявил: дескать, все твое сохранено в саду, забирай, как у тебя с транспортом, сможешь ли вывезти сама.

- Нет, наоборот, сказал - добро пожаловать в любое время, если явится желание. Кирилл с Дарьей живые свидетели, если, конечно, не извратили чего.

- Не заню, я там не был. Так что тебе нужно, а то я ухожу по делу.

- Как будем мирить сестер, Клавдия, наверное, ждет?

- Нет, не ждет, - резко ответила Анна.

- Ты как разводил, так и своди, и мири, Клавдия никого из вас не ждет. Анна была сегодня у ней, она и доскажет, а мне нет времени слушать сказки, - и немедленно вышел.

- У тебя, Аня, что имеется добавить, а то как-то все понятно. Клавдия ведь два дня назад изъявляла желание помириться с Татьяной.

Анна ответила довольно казенно:

- Нет, нечего добавить.

- Ну что же, кое-что проясняется. До свидания.

Назавтра же, по квартирному телефону брата Семена разговариваю с его женой Анной.

- Аня, здравствуй, завтра я приду к вам, чтобы продолжить разговор, нужно ведь как-то решить, хотя бы примерно. Посоветуй Семену, пусть он значительно спокойней, благоразумней отнесется к моему посещению и нашему разговору. Со своей стороны, я обещаю переговоры вести в прежнем, спокойном тоне и конечно, на объективной основе.

- Хорошо, я передам твою просьбу Сене, - ответила Анна, - но вряд ли что из разговоров получится, ты слишком настоятельно требуешь, не уступаешь ни в чем. Я вам не судья.

Прихожу назавтра к Семену, его так же не было, не вернулся с работы. Вскоре брат приехал, довольно долго находился в ванной комнате, переодевшись в пижаму, поужинал. Лишь после всех процедур, вышел в переднюю залу, где я сидел все время один, наблюдая через зеркало за его занятиями.

Довольно демонстративно, полуразвалившись на тахте, он язвительно обратился ко мне:

- Так что же тебе нужно, пороги бьешь, чего добиваешься?

- Я бы, на твоем месте хозяина, поздоровался вначале, - ответил ему.

- Пока ты не извинишься передо мной, и не возьмешь обратно слова, которые высказал мне на беседе у Кирилла, никаких приветствий тебе не будет.

- Что же это, перед вами я должен извиняться, писать извинительные письма, а кажется, должно все произойти наборот? Я и без того достаточно унижен и оскорблен вами. Для примера, с избытком хватило бы вашего кляузного, коллективного заявления на меня, в мой партком, не говоря уже о словесных оскорблениях и незаслуженных ярлыках, наклееных тобою. Что касается моих слов, то охотно могу повторить. Но дело, в сущности, в том, что я так же мог погорячиться. Тобою, Семен, поставленный к моему горлу нож, мог любого вывести из равновесия, раззлобить. А разговор сегодняшей темы будет о том, как будем сводить и мирить сестер, хотя бы помирить пока их.

- Ничего не собираюсь делать, - с волнением ответил Семен, так как ни Татьяна, ни Клавдия пойти на подобный шаг примирения не желают.

- Ты что, с Татьяной разговаривал?

- На разговаривал и не намерен разговаривать, - ответил Семен,- не стоит к этому возвращаться. А раз ты черьез Анну попросил быть меня благоразумным, постараюсь все изложить.

Начал излагать с давних времен, путанно, извращенно, договорился до того, что перепутал дату, на целых два года, когда у него родился первый ребенок. Все высказывания его были с целью накалить, запутать сложившуюся обстановку. В общем, это было не изложение по существу, а просто сплошной блеф, пересказывать который нечего, и, откровенно говоря, стыдно за него.

Семен пытался держать себя спокойно, повелительно, как это бывало ранее, но это внешне, внутренне же чувствовалось, он не мог контролировать себя. Я терпеливо выслушал его.

Затем, так же спокойно, ввел свои коррективы в братовы изложения и задал единственный вопрос, с надеждой получить ответ, не похожий на ранее услышанный.

- Скажи, Семен, за что же ты наклеил мне незаслуженные ярлыки: "делец, мудрец, комбинатор, диктатор" и поставил подпись под коллективным заявлением в мой партком?

Семен с сильным раздражением выпалил:

- Ты от начала до конца все заслуживал, мы тебя предупреждали, ты не хотел понять.

Тут, как я не крепился, опять сорвался и разделал брата основательно, конечно, немедленно стал одеваться, чтобы уйти.

Семен с издевкой обратился ко мне:

- Что же ты заспешил, давай, чайку попьем, ты ведь любишь чаи гонять у других-то. - К тому же, тебе необходимо проконсультироваться у психиатра, - показал пальцем на висок.

- Ох, и подлец же ты, Семен. А сестер я без вашей помощи все равно помирю.

Ушел, впервые не простился.

На следующее утро, Анна, убедившись, что я нахожусь на работе в машино-счетном бюро, предварительно позвонила туда, и, услышав мой голос, положила трубку на рычаг телефона, сама немедленно побежала к моей жене, Надежде, на мою квартиру.

- Надя, - обратилась Анна к моей жене, - ты знаешь о том, что Илья уже давно ведет переговоры с братьями, разносит всех, добиваясь справедливости и хочет смирить сестер, Клаву с Таней.

- Да знаю, он мне все рассказывает, - ответила Надя, и ничего в этом предрассудительного нет. Пора уже, хотя бы немножко как-то сглаживать, а то уж от соседей стыдно.

Анна, с присущим ей красноречием попыталась подействовать на Надежду, а через нее подействовать на меня, чтобы я отказался от намерения примирить сестер.

- Пойми меня, Надя, правильно, стоит ли теперь примирять сестер, когда уже 5 лет идет междоусобный раздор, так что вряд ли что из того получится, и т.д. и т.п.

- Я давно слышала от соседок Клавы, - сказала Надежда, - что якобы она им говорила: "Если бы ко мне кто пришел и поговорил по душам, я бы смирилась". А после того, как у нее побывали Илья и Кирилл с Дашей, вроде усе улаживается к лучшему, к примирению, надо это приветствовать, а не мешать, Аня!

Как стало известно, Анна после разговора с Надей, пошла к Клавдии, и была у нее неоднократно, видно разубеждала ее.

Семен с Анной очень не желали примирения, т.к. они же являлись, особенно Семен, первыми вдохновителями, поддерживали Клавдию с самого начала.

Ну, а если произойдет примирение, то значит, придется признать и свое, не совсем благовидное отношение ко всей нашей истории.

- Я убедился в том, что от братьев не получу никакой помощи в вопросе разрядки.

Сестре Татьяне о моих попытках и разговорах с братьями я до сего времени не говорил, лишь только после всего рассказал ей в подробностях о результатах встреч, бесед в течение двух месяцев. Рассказал все Татьяне, и убедил ее, что необходимо как можно быстрей встретиться со старшей сестрой.

Татьяна, конечно удивилась, несколько поколебалась, но согласилась с моими доводами, без каких-либо условий пойти к Клавдии возможно, со мною, и примириться с нею.

Она как-то заметно обрадовалась, услышав от меня про столь неожиданный поворот в сторону восстановления в прошлом приятно дружеских взаимоотношений между родными.

Но как выяснилось позднее, наши отрадные намерения оказались преждевременными.

Семен с Анной совершили еще одно, можно сказать, гнусное дело.

Как-то в полдень я гулял по аллеям бульвара Постышева с маленькой внучкой Аннушкой. Мы двигались по асфальтовой дорожке прямо навстречу сестре Клавдии. Она, заметив нас, резко отвернулла в противоположную сторону, и обошла, следуя к своей квартире и делая вид, что не заметила.

Я подумал, что она или не узнала, или, какая-то случайность, но вскоре аналогичный случай повторился.

Тут же незамедлительно принимаю решение зайти к старшей сестре, чтобы лично убедиться, в чем дело. Дверь отворила Клавдия, с какой-то неожиданной растерянностью, навзрыд заплакала, вся трясется, не может стоять на ногах на месте.

- Здравствуй. Что случилось? Как здоровье? - стал предлагать воды, валерьянки и т.п.

Клавдия несколько успокоившись, со слезами, начала отвечать.

- Что мое здоровье, причем здоровье. Приезжали из Ангарска девчонки Шеленгенские, Валентина с Лидой (двоюродные сестры), а также заходят соседи, старухи, все спрашивают, как наши дела, а я не знаю, что им отвечать, многие уже знают, что вы с Кириллом и Дарьей приходили ко мне с мировой.

- Объясни, пожалуйста, - спросил я, - что произошло после того, как мы втроем приходили к тебе, и верно ли, что ты не желаешь смириться с Татьяной?

Клавдия более спокойно и строго ответила:

- А для чего с ней встречаться и мириться, когда целых 5 лет не появлялась, теперь уже будет ни к чему, не получится.

- Подумай, что ты говоришь, мы ведь уже все старые, и в недалеком будущем придется провожать друг друга.

- Ничего, схоронят без вас, - спокойно ответила Клавдия, - к тому же, ответь мне, что у вас с Семеном и Анной?

- Пусть тебя это не беспокоит, видимо, обыкновенные личные счеты, полагаю, все утрясется, - попытался я разубедить сестру.

- Так это все из-за меня, а они заступились, - со слезами воскликнула Клавдия, - и посмотри, что со мной творится.

Она вся тряслась, не в состоянии чего-либо говорить, взгляд, казалось, был одичалый.

- Немедленного ответа о встрече с сестрой Татьяной я не требую, но как надумаешь, - а это очень важно, передай с Леной (внучкой, жившей у нее), - или с кем-либо, я немедленно зайду к тебе и мы все обсудим. Повторяю, сестра, от вашей с Татьяной встречи будет зависеть очень многое, тем более, как сказала сама, что в основном, вся наша трагическая история произошла от тебя.

Наступил день 8 Марта 1975 года, международный праздник женщин.

Зашел к Клавдии, поздравил с праздником, осведомился о состоянии здоровья, спросил, что есть нового. Вела она себя довольно спокойно, но настороженно.

- Ты зашла бы завтра к нам, - будет Татьяна с Иваном Николаевичем, больше никого, все же праздник, посидим.

- Нет, не могу, завтра я поеду к Сергею в Ново-Ленино, там соберутся все, - ответила Клавдия.

- А послезавтра сможешь? - спросил я, - или, если согласна, мы с Татьяной зайдем к тебе.

Клавдия с раздражением воскликнула:

- Что нас сводить, что я у ней, Ваньку отбила, что ли? Теперь уж не стоит нас сводить и мирить.

Опять же сестру сильно затрясло, беспомощно села она на стул.

- Ну, хорошо, будешь у Сергея, где, как говоришь, будут все, сообщи им, что я был у тебя дважды, посоветуйтесь, потом мне скажешь о результате. В противном случае, я буду писать твоему сыну Юрию, и попрошу, чтобы он приехал сюда, в Иркутск, убедился сам. Несмотря на то, что происходило между нами, родичами, и продолжает происходить, я не имею морального права наблюдать, как на глазах гибнет человек. Ты

посмотри, что с тобой происходит, это ужасно, так недалеко и до полной парализации, станешь беспомощной.

- Поздно вздумал обо мне беспокоиться, это все вы со мною сделали,- с раздражением заговорила Клавдия. Ее опять затрясло, мне же пришлось подавать ей лекарства, ушел только после того, как она несколько успокоилась.

Уходя от старшей сестры, я был вполне убежден, что Анна с Семеном поработали основательно. Принимаю решение зайти к Кириллу, выяснить, знают они или нет, о столь резкой перемене в Клавдии, после того как мы втроем были у ней и относительно мирно поговорили.

- Даша, скажи пожалуйста, - (она была дома одна), - не знаешь, что произошло с Клавдией и не были ли вы у нее? Мне кажется, Анна обработала ее в противном, она разубедила старуху.

- Нет, мы у Клавы не были с тех пор, как ходили к ней с тобою, - ответила Дарья. - 9 марта мы все собирались у Сережи с Верой, в Ново-Ленино. При мне Клава рассказывала, что к ней ты приходил два раза, и что хочешь вызвать ее сына Юрия, чтобы разобрался или взял мать к себе, в Фергану. В присутствии меня все прослушали ее сообщение, но никто не высказал каких-либо соображений. Я вышла из комнаты, где шли разговоры, и ничего больше не слышала. Находились мы в гостях довольно долго.

Если до этого времени, я в чем-то сомневался, то после подтверждения Дарьи, жены Кирилла, представила очевидной очередная подлость Анны с мужем Семеном.

И пошел я к ним через несколько дней уже не с целью уговоров и предложений, а с намерением разгромить их окончательно. Высказать все, что накипело на душе, а накипи было предостаточно, затем плюнуть на все к чертовой матери.

Прием меня был аналогичен прошлым приемам, т.е. довольно холодным. Разговор с Семеном навязал я, причем в довольно дерзкой форме. Может быть, того не следовало допускать, но не скрою, во мне все кипело, сам удивляюсь, что хватило сил удержаться от более серьезных, кроме словесных, грубых выпадов. Я решил их опозорить перед соседями, пусть де знают двуликость брата Семена и его жены Анны. Как ведут себя вежливо, любезно, проявляют ложную доброту, притворство, покровительство, а во всей нашей истории предстали лжецами с грязным нутром, с видимостью оскорбленных, обиженных за

предателей, уехавших в Германию, затем в Америку, где проживают по сей день.

- Ну вот что, Семен, - обратился я к брату. - Начало драматической нашей истории февраля семидесятого года произошло по твоей инициативе. Вы с Сергеем посетили меня, а вместо того, чтобы выслушать, разобраться, ты не дал мне чего-либо объяснить. Ты наклеил мне незаслуженные ярлыки, использовал личные недостатки братьев Сергея и Кирилла и координировал все действия их и Клавдии. Ты, и только ты препятствовал общей встрече на протяжении всех последних пяти лет.

Вы все врали, изворачивались, перевертывали все с ног на голову, а обратно поставить - как же, престиж, самолюбие, месть не позволяла вам этого сделать. Клавдии на протяжении всего времени, в четыре пары, учитывая ее недостатки, вдалбливали ей обратное, она действительно закружилась и не знает, что людям отвечать. Вы окружали ее ложной заботой о ней, с целью отомстить нам. Взвинчивая и осложняя обстановку, натравливали Клавдию на нас, вместо того чтобы еще в начале, как говорится, в зародыше, одернуть и поставить на место зачинщиков конфликта.

Клавдия в данное время чувствует и переживает двойную вину, ее вот-вот уже окончательно парализует, но вам на это наплевать, лишь бы выполнялось гнусное дело и сохранился ложный престиж.

Ты, Семен, теперь подобен зверю, попавшему в капкан, грызешь свою лапу, чтобы вырваться, уйти от возмездия, а возмездие наступило, это должно было рано или поздно произойти. Забыть все, и, как говоришь, руку подаю, это выгодно, в основном, для тебя, потому как ты все начал. Забыть - это хорошо, а как забыть наклееные тобою ярлыки, как забыть написанное и подписанное вами четверыми клеветническое заявление на меня в партком.

Ты подстрекал Кирилла с Сергеем, чтобы травили Гаевых, за то, что они не поддержали вас в вашей гнусной истории, а сам ты хотел остаться в тени, незамеченным. У вас с Гаевым обоюдно квартирные телефоны, но ты, на протяжении пяти лет ни разу не осведомился о здоровье семидесятипятилетнего старика, который для нас всех, в том числе и тебя, открывал приветливо двери, помогал во всем.

Между прочим, Иван все время твердит, что "Семен-то мне ничего плохого не сделал". Да, действительно, ты гадостных писем Гаевым не писал, писал Кирилл, с разбоями к ним не ходил, ходил Сергей, люди с моральными недостатками, ты же только координировал их действия, ты и только ты.

Врываюсь в другую комнату, где сидела с закрытой дверью Анна.

- Ты, святая игуменья, - обратился я к ней, - для чего забегала к Клавдии и переубедила ее, когда разрядка была уже очевидна? Испугалась, что это будет полным крахом для вас, разоблачением ваших гнусных делишек? Надо же, выставила причину: не была Татьяна пять лет, так и не следует восстанавливать взаимоотношения. А ты через 35 лет собираешься вторично ехать в Америку, к своим сестрам, предателям родины. Тут, в родном городе, не даете встретиться родным сестрам, которые решили отбросить все недоброе и подают друг другу руку примирения. Но вам это не выгодно, может наступить окончательное разоблачение всех ваших мерзостей.

Но учти, Анна, я устрою тебе вторую поездку в Америку, разоблачу твои верующие склонности, ровно ты встретишься со своими сестрами-предательницами, удравшими из Киева за немцами, которым прислужничали. (У Анны был вызов из Америки, на вторичную поездку туда).

Анна ничего не смогла ответить, просидела в комнате, как зачумленная, не ожидая таких событий. Для нее упоминание о сестрах-предательницах было настолько ошеломляюще, что чувствовалось, она потеряла на какой-то миг дар речи.

Брат Семен в это время метался из угла в угол по квартире, изыскивая что-то подходящее, унизительное, оскорбительное, чем бы можно было ошеломить меня.

- Ты будешь проклят своими детьми, - с возмущением выпалил мне Семен. - Мы все опишем твоей дочери, Эльвире (которая в то время проживала с семьей на Камчатке).

- Уродится же такая гадина! Убирайся отсюда немедленно, а то я сейчас же вызову милицию, - выхватил из моих рук уже снятое с вешалки пальто, резко открыл входную дверь и выбросил его на площадку.

- Вот теперь я не уйду, - я демонстративно сел тут же на стул, со словами: - пока не принесешь мне пальто, а милицию давай вызывай, вызывай-вызывай, - показываю на стоящий на тумбочке аппарат. - Посмотрим, как вы будете с верующей супру-

женькой раскручиваться, это очень интересно, давай-давай, вызывай, чего стоишь?

Семену ничего не оставалось во избежание излишнего шума, - впрочем, соседям и так все было слышно, - принести с площадки пальто. Он швырнул его мне крикнув: - Уходи! - показал на дверь.

Вот так мы "по-дружески", "по-родственному" побеседовали в последний раз.

Занавесь закрылась, окончилась трагикомедия, которая, по сути, выеденного яйца не стоила бы. Не правда ли, смехотворно?

Но на этом не закончилась еще закулисная возня. Брат Семен с женой Анной, опасаясь, что я могу выполнить свою угрозу и предполагаемая на осень поездка Анны в Америку может не состояться, обратились за помощью, в порядке шантажа, к молодежи второго поколения, к нашим детям. Внушая им: как бы на вас, молодых, не отразилась затея Ильи. Вы ведь работаете каждый на таких местах, где могут заинтересоваться "те", кому положено интересоваться в подобных обстоятельствах. Особую активность проявлял сын Семена, Вадим.

Он приглашал к себе на квартиру и навещал сам сверстников из второго многочисленного поколения, вселяя в них опасения, как бы чего не вышло. Дескать я (т.е.Вáдим), уже свое получил, мои тетки в Америке, и это оказалось для меня не совсем приятным для анкеты, так зачем вам подобное получать.

Конечно, в наше время подобная приманка на простака, но тем не менее, нашлись некоторые и "клюнули" на нее. Стали появляться у меня ходатаи, письма, в которых безобидно предлагалось бросить все, прекратить, дескать, и так много перепортили крови друг другу.

А брат Сергей, как всегда, под хмельком, угрожающе предупредил:

- Если не оставишь в покое Семена с Анной, я с тобой по-своему разделаюсь.

А как "по-своему", не досказал.

Собственно, опасения те были совершенно напрасными. Я и не помышлял выполнять свою угрозу, так просто выпалил сгоряча, и все тут. Чем я мог воспрепятствовать поездке Анны в Америку, если не имел каких-либо фактов к этому. К тому же, гуманные советские законы разрешают поездки за рубеж, в том числе и в Америку.

На протяжении всей нашей конфликтной истории противоборствующая сторона много применила усилий, чтобы изолировать, бойкотировать нас. Нужно признать, в какой-то степени им это удалось.

Во-первых, братья запретили своим супругам посещать нас, а кто будет осложнять семейную обстановку? Лучше выполнить волю незадачливых мужей. Брат Сергей даже своей дочери Нэле посоветовал не бывать у нас, о чем она сама сообщила. Как это понимать?

Между прочим, дети противной стороны, т.е. племянники, также воздерживаются от излишнего посещения наших семей, всяк свое!

Во-вторых, шло искажение фактов в свою пользу при любых встречах с второстепенными родственниками, или общими знакомыми, всюду перекрашивали нас в черный цвет, стараясь унизить. Особенно заметно было усердие Клавдии, у нее это очень эффектно получалось, при всем ее нервном потрясении рук, ног, безудержных, к месту и без, слез, причитаний, подчас артистических, а повинными во всем демонстрируемом были только Илья с Надеждой, т.е. мы с женой.

Из всех последних встреч с родичами в целях нормализации отношений, а их было 13, и на них я питал надежды, ни одна не принесла результата.

Последние разговоры происходили, в основном, с двумя старшими братьями - Кириллом и Семеном, - в присутствии или по отдельности с их женами, с Анной и Дарьей. Кроме всего, четыре разговора были отдельно, со старшей сестрой Клавдией.

Из всего вышесказанного для меня стало ясно:

первое: если принять мои условия переговоров на объективной основе - это значит, при неопровержимых фактах придется признать свою вину, легче пойти по линии наименьшего сопротивления, отвергнуть легче и вроде все забыть, так и предлагалось неоднократно. Второе: между собою, среди братьев, также не все благополучно. Стараются изобличающие факты отвести от себя, переложить на другого, т.е. "я не говорил", "я не читал", "я не писал" и т.п.

В последних переговорах брат Сергей не принимал участия, он находился на излечении, в железнодорожной больнице. Зато после излечения у них с Кириллом взаимоотношения доходили до явных скандалов. Чувствовалось, что Сергей, больше

чем кто-либо, стремился к примирению, но не был поддержан старшими.

Как же протекали события последних двух лет и что произошло?

Клавдию после последних переживаний вскоре окончательно парализовало, отнялись нижние конечности. Общими усилиями, с помощью Анны Гаевой, работающей в Шелеховской больнице, поместили Клавдию туда. Из больницы Клавдия стала зазывать сестер Татьяну и мою жену Надежду, чтобы приехали к ней и решили: что делать дальше? Женщины, конечно, выполнили волю больной, повидались, как-то успокоили прикованную к постели, старшую беспокойную сестру.

Рядом же с Шелеховым, в поселке работал главным зоотехником, там же и проживал, Клавдин младший сын Геннадий, он же и взял мать из больницы. Но тут же, вскоре, Геннадиева супруженька, или, вернее, сожительница, посадила беспомощную старуху в машину и привезла в иркутскую однокомнатную, принадлежащую ей квартиру. Привезла без куска хлеба, на попечение соседей, со словами: "Зачем она мне нужна, пусть сын за ней ухаживает".

Вот тут-то и сестра Татьяна, и невестка, моя жена Надежда, стали хорошими. Ходят к ней, моют ее, меняют белье, готовят еду, водят по квартире, когда она начала приступать на ноги. А было и так, в начальное, критическое время - кормили из ложечки, и она все только приговаривала: "Вы уж, девчонки, не бросайте меня".

Конечно, и все остальные не оставались в стороне, кроме сына Геннадия, который навещал мать в месяц=полтора один раз, а тут езды-то, на машинне, взад и вперед, можно обернуться за два часа.

Спустя полгода, несколько оправившись, Клавдия с посторонней помощью, три раза приходила ко мне. Приходила раскаиваться, просила прощения. Дескать, я во всем виновата, и пожалуйста, помирись с братьями. На мой вопрос:

- Каким образом? Я ходил, пытался примириться, в том числе и к тебе приходил неоднократно, а ты дополнительно чего выкинула?

Она отвечала:

- Теперь моя голова уже не соображает, а помириться всетаки нужно, вы, братья, одну титьку сосали.

Старший Кирилл опять сидит и выжидает, чтобы кто-нибудь к нему пришел, только не он - как же, старший! Единственное, что на протяжении всех лет он смог существенно справедливо заметить при встрече у больной Клавдии, где была и кормила ее моя жена Надежда, следующее:

- Вот, Клавдия, на кого ты клеветала, лила грязные помои, тот первый к тебе пришел и ухаживает за тобой, а кто подальше, - того нет. Таким людям нужно ноги целовать, а ты даже и в своем беспомощном положении вряд ли осознала все до конца.

- Как же я буду Надёжде ноги целовать, если сама не могу не только согнуться, даже подняться ни в состоянии. Она, спасибо, сейчас только покормила меня вкусным холодцом и поводила по комнате.

- Да нет, это я так, к слову, - сказал Кирилл, - нужно было раньше думать.

Брат Сергей допился, как говорится, до чертиков. Хоть и кратковременно, всего на несколько дней, попадал он в психиатрическую клинику, состояние его в смысле "змия" неустойчивое. Делаю вывод по его последнему посещению - как всегда, основательно выпивши. Все пытается оправдываться, ссылаясь на свой недуг - пьянку, при этом заявляет за стаканом чая:

- Эх, Илюша, как мне не достает тебя, как брата, но раскаиваться передо тобой не буду, да ты и сам того требовать не будешь, мы ведь старики, жить-то осталось считанное время! Всем уже надоело, нужно все забыть. А как мы с тобой дружно жили, можно было всегда и всюду откровенно поговорить обо всем, безо всяких стеснений. А что же получилось? И от меня также была допущена несправедливость, было, было... - и т.д.

Брат Семен напротив возомнил себя во всем правым и слишком обиженным. Он окончательно замкнулся.

От начала и до конца нашей, далеко не из приятных историй, я задаю себе вопрос, на который не могу получить убедительного ответа. Как же все произошло? Что толкнуло братьев на подобное, и за что? Никак не пойму!

Что это, случайность? Случайностью может быть автомобильная авария, при горячности, даже случайным может быть выстрел, но подлость случайной не бывает. Она готовится, детально обговаривается.

Было время, когда классовые, идеологические расхождения, вызывали вражду между родными и заканчивались трагиче-

ски. Шли брат на брата, сын на отца. Что касается нас, родных, кровных, доживших до пенсионного возраста, притерпевших трудное детство и юность безотцовщины, переживших большую войну - мы все сохранились, нас не развели потрясения страны.

Не понимаю, никак не понимаю!

Был бы заранее сердечно благодарен, если бы кто смог ответить мне на не разрешенные мною вопросы.

Я суммирую факты нашей жизни за 60 лет, над которыми можно призадуматься и сделать несколько объективных, выводов.

1. Своим безупречным, плодотворным трудом, авторитетом в рабочих коллективах (каждый многократно поощрялся) мы все внесли определенную посильную лепту в строительство социалистического общества.

2. Наша родня в прошлом, можно сказать, влачившая жалкое существование в связи с разными трудностями, реформами, переживаниями в настоящее время имеет вполне обеспеченные в материальном отношении семьи, с благоустроенными, уставленными мебелью квартирами, без малого, у всех с личным транспортом, садовыми земельными участками, максимальными пенсиями. Полная обеспеченность.

3. Если наш отец, Павлов Павел Николаевич и пять его братьев: Алексей, Семен, Константин, Филипп, - все умерли, не достигши пятидесятилетнего возраста, то сестры Клавдия, Татьяна, Кирилл, зять Иван Николаевич и невестка Елизавета Андреевна перешагнули семидесятилетний рубеж и более, до восьмидесяти.

4. Если мы старшее поколение с величайшим трудом и не полностью закончили начальное, в сельской школе, образование и затем, через кратковременные курсы, повышали свой уровень, то наши дети в большинстве своем, имеют высшее и средне-техническое образование с разнообразными, доступными способами повышения профессионального мастерства.

5. Мы в свое время получали информацию из рассказов стариков, сказок, былин, из случайно попавшей книги или газеты. Радио впервые услышали будучи уже в юношеском возрасте. Редкостно заехавшая в деревню кинопередвижка была событием чрезвычайной важности, а счастливчики- подростки попадали на бесплатный просмотр взамен того, что будут прокручивать аппарат вручную. На это был конкурс, по усмот-

рению киномеханика. Ныне нашим детям, внукам, еще с пеленок передается вся необходимая информация. Радио, телевидение, кино, театры, библиотеки. Молодежь в курсе всех событий, происходящих в стране, в мире: это и спортивные олимпиады и расщепление ядра атома, и изучение космоса, и применение луча лазера и многое, многое другое.

6. У наших родителей было тринадцать детей, мать забыла которого родила в куче снопов, во время страды (жала серпом). Из тринадцати нас сохранились и дожили до старости восемь человек. 6 братьев и 2 сестры. Правда, два брата, Иннокентий и Александр, не дожили до наших времен.

У нас же,с сохранившихся, по два, максимум, по три ребенка. У детей наших по одному, редко у кого двое. Уместно задать вопрос - как будет продолжаться рост народонаселения параллельно с бурным возрастанием материального могущества страны?

Вся вышеописанная история, со своей драматичностью, множеством действующих лиц, вряд ли встречалась где-либо раньше, мы все и вся перещеголяли! Взяться за воспоминания меня натолкнула мысль показать фальшь человеческих взаимоотношений, даже кровных родственников. За объективность повествования я в ответе перед своей совестью - в первую очередь. Во вторую очередь - перед читателем, который сможет, без предвзятости, все освоить и поверить.

Не в силе правда, а в правде сила!

У меня часто встают в памяти наши добрые взаимоотношения с близкими и далекими родственниками. Всякий раз, чтобы ни случилось, это родство признавалось и почиталось как родство.

В настоящее время, наблюдая за молодыми людьми, не только за своими, родными, но и чужими, замечаю, что у них нет родственных, кровных чувств. Живут, устраиваются как-то отчужденно, замкнуто, сами по себе. Можно даже сказать, эгоистично, с завистью один перед другим.

Если мы в свое, молодое время, порой преклонялись перед Богом и даже побаивались его с большим уважением относились к старшим, то теперь современная молодежь не боится ни Бога, ни черта, ни ведьмы с кочергой. Права свои знают назубок, а обязанности не всегда запоминают, можно сказать, не хотят запоминать.

Общение человека с человеком, вообще как-то претерпевает изменения, заслуживает обсуждений. Попутно с этим придумано какое-то замысловатое словечко, которого в прежних словарях днем с огнем не найдешь - "коммуникабельность". Быть коммуникабельным - значит легко общаться с подобными себе.

Помнится, живя в деревне, а деревня большая - в триста дворов, - все, от мала до велика знали друг друга. Взрослые величали друг друга по имени-отчеству, обменивались новостями, советовали друг другу, как сеять, как косить сено, убирать хлеб, в общем, все житье-бытье было на виду.

Мы, малыши, подростки, также знали всех пацанов деревни, их имена-прозвища: Семеновские, Николаевские, Павловские, Лебедевские, Матвеевские, Ивановские, Гавриловские.

Проходя по деревне - не дай Бог, не поздоровался или не уступил дорогу старшему, не назвал по имени. К примеру, "Здравствуй, дядя Николай", "дедушка Иван" и т.д. Так и знай, это не останется незамеченным, а от своих и буханцев можешь получить предостаточно.

Теперь мы проживаем в многоквартирном, благоустроенном доме и не знаем соседей. В лучшем случае, лишь на площадке из четырех квартир, не говоря уже о подъезде из двадцати, а уж тем более, из ста двадцати квартир всего дома. Да что соседи, когда члены семей не так уж часто вступают в дискуссии по животрепещущим вопросам.

Видимо, отпадает надобность общаться с себе подобными. Людей заменяют порождения научно-технической революции. Захотелось увидеть живое человеческое лицо - включи телевизор. Возникло желание услышать задушевный разговор - к твоим услугам радиоприемник, либо простой репродуктор. Захотелось послушать любимую песню - нажми на кнопку магнитофона. В наше время подобных заменителей не было, а значит, невольно общались, делились новостями, советами, занимали хлеб, соль друг у друга. А какие песни распевались, игры разыгрывались, бывало, заслушаешься девичьего голоса.

В общей сложности можно заметить, - люди были добрей, жили дружней, как в пословице "в тесноте да не в обиде". Ютились подчас в клетушках, большими семьями, на равных переносили нужду. Видимо, наличие материальных благ, которые ежегодно увеличиваются, во многом опережают духов-

ные людские блага, они даже напротив закрываются пеленой обогащения.

Представляя нашу родственную, гнусную неурядицу, иногда так просто, без каких-либо серьезных упреков, между прочим, напомнил бы о ней своим молодым родичам из второго поколения.

Как равнодушны они, живут "моя хата с краю, я ничего не знаю". Каждый, конечно, знает все в подробностях, но не хочет вмешиваться, дескать, сами заварили, пусть сами расхлебывают. Тут, понятно, кто-то защищает своих родителей, независимо от степени причастности, кто и сам влип достаточно.

Что касается меня, то был бы весьма признателен, с благодарностью отнесся бы к тому, чтобы нам учинили суд чести. Проявили бы инициативу, а возможности подобные представлялись неоднократно. В период летних отпусков племянники приезжали из других городов в Иркутск, а большинство их живут здесь на месте. Как было полезно услышать оценку всего происшедшего, конечно, без предвзятости, честно, откровенно, и можно с уверенностью сказать, игра стоила свеч.

Если мы, люди уже отжившие, малограмотные, с затаенными старыми замашками, во многом принимаем личную обиду как ножевую рану, то тут-то можно было молодым прийти на помощь старикам. Кое-кому подсказать, а кого и покритиковать, ничего, было бы только на пользу. Молодежь-то у нас грамотющая. Только с высшим образованием и средним техническим - двадцать один человек, только из второго поколения. Из них же членов КПСС - 9 человек.

Это замечание не в обиду, не в упрек.

Спустя 10 лет некоторые старшие ушли в небытие, а жизнь продолжает свой круговорот, оставляя взамен молодое поколение внуков, правнуков, которых насчитывается более пятидесяти человек, что, конечно, не так уж много.

Что касается моей деревеньки, вернее, большой деревни, от нее осталась только часть. Были добротные, ухоженные домики, в каждом жили люди, кричали-плакали ребятишки, а во дворах на всякие голоса шумела живность. Люди растили хлеб, овощи, все необходимое было свое. Много было молодежи вечерами, она заполняла улицы, голосили песни, плясали, играли в игры.

Сейчас запустение.

1978 г.

Б.В.Раушенбах -

академик АН СССР, заведующий кафедрой теоретической механики Московского физико-технического института

О логике триединости.

В наши дни, когда столь высок интерес к русскому философскому наследию конца XIX и начала XX века, вновь возникает многоаспектная проблема Троицы. О Троице писали Булгаков, Флоренский, Трубецкой и многие другие. Троичность Бога, окончательно сформулированная на Втором Вселенском соборе в 381 году, в виде никео-царьградского Символа веры, стала одним из основных и общепризнанных положений христианства. Принятию символа предшествовали длительные, а иногда и ожесточенные споры. В этих спорах главным были поиски характера взаимоотношений между Лицами и того, что их объединяет в единого Бога.

Позже возникла скептическая и атеистическая критика, которая не "опускалась" до споров о взаимоотношении и взаимодействии лиц, а просто объявляла само понятие Троицы абсурдом, которого следует и невозможность Ее существования. Здесь говорилось о том, что ни один нормальный человек не в состоянии представить себе подобного триединого Бога, что это бессмыслица, что триединость "противоречит арифметике" и здравому рассудку. Лев Толстой в своем ответе Святейшему синоду, отлучавшему его от церкви, писал, что он "отвергает непонятную Троицу". Аналогичные мотивы стали общим местом в сочинениях современных пропагандистов атеизма. Характерным для скептической и атеистической критики является то, что она переводит проблему из области богословия в область формальной логики.

Богословы предпочитают не отвечать на критику логичности понятия триединости. Обычно они отделяют друг от друга два намеченных выше подхода, а, объединив их, говорят о Троице в более общем плане, ограничиваясь замечанием о тайне троичности. Примерно той же позиции придерживались и классики русской философии рубежа столетий, хотя они и уделяли некоторое внимание обсуждению логичности понятия Троицы (например, Е.Н.Трубецкой).

Ниже будет рассмотрена только проблема логической правильности введенного на Втором Вселенском соборе учения и сделана попытка оценить аргументацию атеистов и скептиков, о которой шла речь выше.

Мне представляется, что понятие Троицы является логически безупречным с позиции самой обычной формальной логики и, если и можно говорить о тайне троич-

ности, то только имея в виду ее кардинальные качества, но никак не кажущуюся логическую несообразность самого понятия. Весьма часто скептическая критика логики троичности имеет источником поверхность суждений.

Для доказательства этого утверждения надо будет воспользоваться понятием изоморфизма. Как известно, математика целиком построена на формальной логике и если исключить немногочисленные аксиомы, которые назначаются и должны быть не противоречивыми, то все остальные объекты, изучаемые и используемые в математике, являются их следствием и логически безупречными образованиями.

Поэтому, если окажется возможным указать общеизвестный математический объект, обладающий всей совокупностью логических свойств Троицы, иными словами, если он окажется логически изоморфным Ей (имеющим ту же структуру), то возможность логической непротиворечивости Троицы будет доказана. Здесь представляется уместным указать на большие возможности, которыми обладает метод изоморфизма. Элементарные, почти очевидные положения формальной логики используются весьма часто. Но ведь столь же законно и использование достаточно длинной цепочки логических ходов, конечный вывод которых вовсе не обязан быть элементарным и очевидным. При анализе логических образований поиски изоморфного объекта, логическая обоснованность которого доказана, может дать очень многое. И хотя такой объект не будет логически элементарным и очевидным, он будет тем не менее, логически безупречен.

Для того, чтобы осуществить намеченную здесь программу, надо прежде всего сформулировать логические свойства Троицы, исключив из рассмотрения те, которые не имеют структурного характера (Святая, Животворящая и т.д.). Искомых свойств оказывается четыре. Рассмотрим их по порядку.

1. Триединость. Иногда это условно записывают в виде имеющих парадоксальный вид равенств 1=3 и 3=1. Бог, с одной стороны, един, а с другой стороны, является Троицей.

2. Единодушность. Триединость не представлялась бы чем-то непонятным, если бы сводилась, например, к утверждению: "три цветка составляют один букет". Именно к такого рода толкованию прибегали иногда богословы и философы. Так, Е.Н.Трубецкой в своем докладе, посвященном разбору книги П.А.Флоренского "Столп и утверждение Истины", проводит мысль, что Бог един, а троичность относится к Лицам (эта точка зрения восходит к Василию Великому). Трубецкой явно озабочен тем, чтобы избежать антиномии, которая возникает, по его мнению, если единый Бог будет составлен из трех Богов. Однако это противоречит Символу веры, где о предвечном рождении Сына от Отца говорится: "Бога истинна от Бога истинна", а Григорий Богослов прямо называет в своих творениях Святой Дух - Богом. Единосущность надо понимать здесь как формальную констатацию: единый Бог составляется из трех Лиц, каждое из которых является Богом. Столь "жесткой" формулировки богословы обычно избегают, предпочитая говорить, что Лица имеют одинаковое Божеское достоинство. В этом видно их стремление, хотя бы внешне, избежать кажущейся антиномии. Однако, ниже будет доказано, что и "жесткая" формулировка логически оправдана и ее не надо бояться.

3. Неслиянность. Парадоксальность триединости и единосущности могла бы быть снята, если бы можно было предположить, чо единый Бог может попеременно приобретать облик Отца, Сына и Святого Духа. Это обозначало бы "слиянность" Ипостасей. Такая точка зрения была осуждена в свое время как ересь "модулизма" (по которой единый Бог может в зависимости от обстоятельств изменять свой "модус", образ бытия). Поэтому учение о Троице решительно исключает такую возможность. Все три Ипостаси существуют одновременно и всегда, при этом они качественно различны и не могут заменять друг друга или сводиться друг к другу. Это как бы другая сторона все той же неслиянности. Прекрасно понимая неуместность такого термина, как "работа", все же рискну сказать, что каждое Лицо Троицы выполняет свою работу, не свойственную другим Лицам.

Чтобы придать наглядность этому утверждению, можно привести такие примеры. Обращаясь в молитве "Царю небесный" к Святому Духу, верующий говорит: "вселися в ны (нас), и очисти ны от всяких скверны", - высказывая просьбу, с которой немыслимо обратиться к Отцу и Сыну. В Иисусовой молитве "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного" верующий просит Христа помиловать его, поскольку именно Христос, по Символу веры, будет судить живых и мертвых. Аналогичное обращение к Святому духу или к Отцу было бы совершенно неуместным. Эта неслиянность подчеркивается и в ежедневной молитве, прямо обращенной к Троице. В ней к каждому Лицу обращаются с разными просьбами: "...Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша"... Даже когда просьбы похожие, они выражаются разными словами, как бы подчеркивая этим принципиальное различие Лиц. На вечерней службе, при чтении молитвы "Сподоби, Господи", говорится: "...Господи, научи мя... Владыко, вразуми мя... Святый, просвети мя..."

4. Нераздельность. Если не ввести требование нераздельности, то всегда сохранится возможность трактовать три Лица как три независимых Бога и вместо единобожия невольно ввести троебожие. Хотя триединость в известном смысле уже предполагает нераздельность, вполне разумно подчеркивать это важное свойство в совершенно четкой форме. Смысл нераздельности заключается в том, что три лица выступают всегда вместе и все, что делается, делается ими совместно. Абсолютно исключено, чтобы какое-то Лицо совершало нечто независимо от других Лиц. В XYII веке, в церквях появились иконоподобные иллюстрации к тексту священного Писания. Среди таких икон можно встретить и изображения семи дней творения мира Богом. Интересно отметить, что эти иконы (судя по надписям на них) назывались "Деяниями Троицы". Это наглядно подтверждает не только существование принципа нераздельности, но и то большое значение, которое ему придавали.

Итак, говоря о формальной логике троичности, можно сформулировать ее как совокупность триединости, единосущности, неслиянности и нераздельности. Остается найти математический обьект, который обладает этой совокупностью свойств.

Введем в обычном трехмерном пространстве ортогональную декартову систему координат, обозначив оси этой системы

традиционно буквами X, У и Z. Пусть в этом пространстве расположен произвольный конечный вектор, идущий из начала координат. Ему будет соответствовать три его составляющие, расположенные на введенных осях. Очевидно, что сам вектор, с одной стороны, и совокупность его трех составляющих, с другой, являются одним и тем же. Но это и есть триединость.

Очевидно также, что в этом примере наличествует и единосущность, поскольку составляющие вектора сами тоже являются векторами.

Теперь нужно убедиться в том, что три составляющие обладают свойством неслиянности. Когда выше говорилось об этом свойстве, то оно было сформулировано как качественное различие Ипостасей, исключающее замену одной другой, причем каждая из них выполняет свою "работу", не свойственную другой Ипостаси. Неуместный по отношению к Троице термин "работа" является теперь самым подходящим. Для наглядности предположим, что введенный вектор является силой, способной смещать некоторую материальную точку, находящуюся в начале координат. Для смещения материальной точки в направлении оси X необходима составляющая на этой оси (направленная вдоль оси X). Что касается двух других составляющих, лежащих на осях У и Z, то никакие их усилия не способны сместить точку вдоль оси X, поскольку они направлены перпендикулярно ей. Совершенно то же самое можно сказать и о составляющих, направленных вдоль осей У и Z. Каждая способна сдвинуть материальную точку только вдоль "своего" направления. Таким образом, три составляющих вектора принципиально не способны заменять друг друга, что и говорит о наличии свойства неслиянности (это следствие ортогональности системы координат).

Наконец, последнее, четвертое свойство - нераздельность. Оно почти очевидно. Сопоставляющие вектора связаны с ним абсолютно (так как являются его проекциями на оси), а следовательно, абсолютно же и друг с другом.

Таким образом, самый обыкновенный вектор в трехмерном пространстве и его три ортогональные сопоставляющие дают логически безупречный пример объекта, обладающего совокупностью нужных свойств: триединости, единосущности, неслиянности и нераздельности. Поскольку этот пример показывает, что такие объекты не противоречат формальной логике, то нет никаких оснований сомневаться в безупречной логичности понятия "Троицы" и опасаться, что "это противоречит арифметике" или ведет к антиномии. Просто все обычные сомнения возникали вследствие того, что в своих рассуждениях сомневающиеся действительно не поднимались выше "арифметики". Достаточно было взять чуть более сложный объект, как сразу оказалось возможным обнаружить нужную совокупность свойств, построить, если угодно, "математическую модель троичности". Эта "математическая модель" может служить опровергающим примером для всех, кому логическая сторона триединости кажется абсурдной, противоречащей формальной логике.

Быть может, здесь уместно указать на то, что совокупность четырех названных свойств является необходимой, что нарушение любого из них (при сохранении остальных) делает невозможным существование введенного объекта. Для лиц, знакомых с математи-

кой, можно это пояснить; нарушение триединости говорит о том, что пространство перестало быть трехмерным; единосущности - что рассматриваемый объект не является более вектором, а, например, стал квартернионом; неслиянности - что система координат уже не ортогональная; нераздельности - что три введенных вектора перестали быть составляющими исходного вектора. Этот пример наводит на мысль, что совокупность обсуждаемых четырех логических свойств является необходимой (именно как совокупность) и для формирования логической структуры Троицы, что нарушение любого из свойств недопустимо. С этой точки зрения вызывают известное сомнение попытки рассматривать Троицу, опираясь, скажем, на часть из Ее четырех свойств. Здесь следует проявить осторожность, так как это способно привести к искаженным представлениям. Много столетий церковная письменность пытается найти наглядный образ (если хотите модель) триединости. Здесь можно напомнить соответствующие примеры: корень, ствсл и плод единого дерева или три свечи, разливающие свет, и т.п. Слабость таких попыток становится очевидной, когда они проверяются на одновременное сосуществование всех четырех свойств триединости - свет трех свечей неразделен, но где здесь неслиянность? Ведь одна свеча вполне может заменить другую. Можно лишь удивляться тому, что отцы Церкви проявили незаурядную смелость, решившись в свое время на формирование учения о Троице в виде, казалось бы, логически абсудрной системы свойств, ведь в те годы развитие математики исключало возможность проиллюстрировать их логическую совместимость.

Предельная ясность понятий вектора и его составляющих, которыми ежедневно пользуются десятки тысяч инженеров, ученых и студентов, связана, в частности, с тем, что в векторной алгебре дан алгоритм сложения векторов (известное всем из школы "правило параллелограмма"), и поэтому совершенно ясен процесс сложения составляющих для получения исходного вектора. Иное дело Троица. Требовать здесь столь же предельной ясности деталей Ее стркутуры, объяснения того, как из трех Лиц составляется единое Божество, нет никаких оснований. По мере усложнения изучаемого объекта его структура почти всегда тоже усложняется. Когда в наши дни студентам читают курс теоретической физики, то лектор начинает свой курс с предупреждения слушателей о полной бесперспективности попыток наглядно представить себе то, о чем дальше пойдет речь. Человеку свойство стремление к наглядности, возможно, это связано с тем, что огромное большинство информации о внешнем мире мы получаем в результате анализа зрительной информации. Именно поэтому лектор будет повторять свой призыв неоднократно - в теоретической физике есть законы, которые невозможно себе представить, их можно только сформулировать. Современная физика находит все новые и новые глубокие закономерности, настолько далеко ушедшие от нашего повседневного "здавого смысла", что мысленно увидеть их в качестве наглядных образов уже нельзя. Это как бы первая ступень, выводящая нас за пределвы наглядно представимого. Исходя их сказанного, становится совершенно очевидно, что по аналогии с теоретической физикой учение о Троице и Ее внутреннюю стркутуру

можно сформулировать и описать, но наглядно представить себе нельзя. Это тем более очевидно, что богословие учит о непостижимости Бога.

Подводя итог, можно утверждать, что сформулированная выше структура Троицы вполне может быть согласована с обычной формальной логикой и поэтому привычная скептическая критика понятия триединости ошибочна. Что касается, если можно так выразиться, "алгоритма", по которому из трех Лиц возникает единый Бог, то здесь, как уже указывалось, богословие говорит о непостижимой тайне внутренней жизни Бога. Таким образом, непостижимой является вовсе не логическая структура Троицы (она вполне разумна), а кардинальное качество Троицы, жизнь Бога в самом Себе.

Письмо в редакцию

В журнале "Вопросы философии" № 7 за 1991 года опубликованы два отклика на мою заметку "О логике триединости" ("Вопросы философии", 1990, N 11). Первый из них (Ю.О.Кузнецова) можно назвать отрицательным, второй (И.В.Ошкадерова) - в основном положительным. Оба отзыва обьединяет то, что в них мне приписываются утверждения, которых я не делал и которые считаю ошибочными.

Ю.О.Кузнецов пишет, что цель критикуемой заметки - "показать соответствие христианской догматики формальной логике".Это не так, в заметке вопросы догматики и другие богословские проблемы не рассматриваются. Точно также не соответствует действительности его предположение, что в заметке дана "иллюстрация триединства" Бога или, думает И.В.Ошкадеров, "модель Троицы". В своем отзыве Ю.О.Кузнецов предлагает и другие примеры триединости в математике. К сожалению, они совершенно неубедительны и ничего не доказывают (это довольно естественно, поскольку сам автор говорит, что он не математик).

Моя точка зрения заключается в том, что наглядно показать и рационально объяснить, как три Лица составляют одного Бога, нельзя. Мне представляется, что любая попытка двинуться в этом направлении обречена на провал. Ведь мало сказать невозможное - придать наглядность триединому Богу, надо будет сделать еще более трудное - придать эту наглядность также рождению Сына и исхождению Святого Духа от Отца. Именно поэтому в моей заметке говорится, что "учение о Троице и Ее внутреннюю стркутуру можно сформулировать и описать, но наглядно представить себе нельзя". По этой причине и сделанная И.В.Ошкадеровым из лучших побуждений попытка приблизить геометрические образы к существу Троицы бесперспективна.

О чем же тогда заметка? О том, что в математике обнаружен обьект, обладающий свойствами триединства, единосущности, неслиянности и нераздельности и, конечно, никакого отношения к богословию не имеющий. Поскольку математика опирается на формальную логику, постольку доказано (это много больше, чем "проиллюстрировано"), что триединость, аналогичная свойственной Троице, не противоречит формально логике. И, если я говорю о математической модели Троицы (ее не может существовать).

Важность обнаружения логической непротиворечивости понятия триединства становится понятной,

если вспомнить, что атеистическая и скептическая критика всегда избирала своей мишенью эту кажущуюся несообразность самого понятия триединства, безотносительно к тому, относится оно к Троице или к чему-либо другому. Убеждение в абсурдности идеи триединства давало возможность утверждать, что абсурдные объекты не могут существовать, а следовательно, не может существовать и Троица. Именно это обстоятельство отпугивало многих, даже таких людей, как Лев Толстой. Оно же способствовало в свое время возникновению различных тринитарных ересей. Хотя непротиворечивость логической структуры троичности (как совокупности триединости, единосущности, неслиянности и нераздельности) теперь доказано и прошлые недоумения могут быть сняты, при переходе к учению о Троице, как и прежде, нужен подвиг веры.

В.Р.Раушенбах

Критика

Павел Забелин

СРЕДЬ САМОРЕКЛАМЫ СЛУЧАЙНО...

1.

Переход к рыночным отношениям тем любопытен, что личность может с лихостью любителя, вдруг приобретшего "Мерседес", заняться своим самоутверждением в любой области. В том числе литературной, стихотворной, скажем. Коллизия есть. Издателю нужен коммерческий успех, для чего, скажем опять, стихи начинающего, безвестного автора мало подходят. Однако тяга к читателю, вернее к славе, всесильна.

Бумага стала на вес золота, а в Иркутске, Ангарске, Братске, Кутулике, собственно, по всей Руси великой да сибирской появляются книжки, изданные авторами на свои скромные сбережения, с помощью местных редакций, новоявленных книгофирм. Благодать! Цензуры никакой (а порою можно обойтись без редактора и корректора). При таком абсолюте свободы, однако, неумолимо действует один мировой закон: истинный поэт - такая же редкость, как миллионер среди пенсионеров российских. Строк, радующих душу - кот наплакал, зато саморекламы хоть отбавляй. Тут и портрет с глубокомысленной сигаретиною, и сверхблагожелательные рекомендации брокерского оттенка.

Редакция ангарской многотиражки "Вестник" так пишет о своем стихотворце А.Обухове в конце сборничка "И плодоносит в августе земля". "Это им написаны ныне широкоизвестные строки: "И если что-то есть значимо, то лишь-завод, завода имя. Есть честь завода - коллектив: его душа, его порыв". Читатель мой, неужели эти стихи, а не стихотворщина по поводу? А каковы вкусы издателя, а? Что ни стишок, то детское упражнение на заданную тему.

В избе

Здесь слышится
русская речь.
Здесь топится
русская печь.
Лучина...
поленьев беремя...
Надежный уклад и -
застывшее время.

Поэзия требует ненавязчивости, свежести чувства и мысли.

И так отрадно, когда среди саморекламного, издательского, стишатного зуда и тщеславия слышится голос просто человека, с душевным трепетом, уважительностью к публике.

Сельский газетчик, кутуликчанин А.Куриганов так знакомит нас

с циклом "Ранние восьмистишия" ("Душа болит", 1992):

Хорошо бродить по узким
тропкам
Мне в березовом лесу.
Там, где серебрится мшаник
топкий,
В горсти собираю я росу.
Развернул свою листву осинник,
Дышит свежестью своей.
Хорошо бы сделать из росинок
Бусы девушке моей.

Пусть не очень умело - зато есть искренность, рисунок, а не головные усилия зарифмовать что-то всем известное.

Ангарчанка Нина Горбачева выпустила сборник "Тайны на двоих" (Иркутск,1991). Жаль: ни газеты, ни читатели, оглушаемые рекламной трескотнею, не замечают его. А "Тайны на двоих" несут подлинность переживания, лирику в ее самооткрытиях, свою философичность женского сердца, свой жанр, без овладения коим поэту не состояться. Именно этим и выделяется Н.Горбачева среди ангарских поэтесс Вы послушайте:

Я спокойна спокойствием вдовьим.
Неудачна любовь -
И довольно!
Буду жить
Без тревог и смятенья...
Все пройдет.
Ведь любовь - не смертельна.

Мировая женская поэзия оставила в наследие лирики целомудренность чувства. Женщине не к лицу громкие страстные признания. Тем не менее сейчас являются целые толпы сочинительниц на уровне дамочек полусвета из скабрезного кино. Но, слава создателю, есть противостояние!

С "Тайнами на двоих" перекликается омичка Нелли Закусина - альманах "Иртыш", 1992, 2: "С том, как я тебя люблю, мне трудно рассказать. Я, знаешь, в общем-то терплю, не то что-бы - дерзать".

Чтобы уметь слагать медитации из "сердца горестных замет", короткие строки - размышления, надо суметь быть заводчанкою, гнать план вместе со всеми, не потеряться в суете да гонке вечной, как выжить, не огрубеть, не опуститься, при всех внешних приметах: "Я такая, как все, Живем одним днем? Но при случае - знайте: я не стану сетовать на судьбу, плакаться в жилетку".

Да, любовь, чувство удивления, признательности, сострадания стали ныне непонятными, чуть ли не смешными, слишком преходящими, изменчивыми, но во мне они живут, у меня есть тетрадка со стихами, и земля, и небо, и люди во всеми их недостатками достойны внимания, любви, освещения благостью поэзии. "Все зачеркнуть и заново начать - такой приказ себе я сочинила. Но как я полюбить смогу, чего я не люблю, и как я разлюблю все то, что полюбила?" Это поэзия, читатель. Женщине ныне надо быть сильною, но ведь она женщина прежде всего: она слаба, нуждается в подмоге, в понимании, для нее любовь - главное в жизни, в той самой, где чуть ли не стало правилом "общанулись-разошлись". Кто поймет, что любовь - в начале всего озарение души, бытия всего, существа всего твоего, одухотворение. Это и есть Прекрасное: гармония, начало жизни, а не существования. Да, все проходит. И не все. Уплывают года, встречи, остаются разлуки, воспоминания, как одна постоянная радость и боль, освежение духа и мысли. "Как подумаю: "Жизнь коротка". Грусть мою не вмещает строка. "Друг мой был щедр душою, умом", и мне наследства вдоволь на земле!" И "печаль моя

светла... - в осень стылую моя слабость отцвела - стала силою!"

Поэзия есть поэзия: чистота чувств, мировосприятия, мыслей-озарений, отвержение "презренной пользы" (Пушкин), высокий смысл жизни, смерти, религиозное состояние души. У читающей публики стал появляться интерес к стихам, но она может отвернуться от них, как в прежние годы отворачивалась от стихотворных заметок, вагонных впечатлений. Губительно проникновение в искусство назойливой глобальной телерекламы с ее цинизмом, разменностью. Губительна самореклама: в ней тот же падший ангел торгашества, разменности. И ежели есть возможность свободно издаваться, то пусть в начале всего всего явится поэзия души озаренной, автор как повелитель жанра в его законченности, изящества в речи, лирик в подлинности переживания. "Конспект существующего - проза. Конспект души - стихи". ("Тайны на двоих").

2.

Одно время на малом экране вдруг возникли "Минуты поэзии" и вскоре исчезли под селевым валом рок-клипов, рок-бога торговли, а также шампунных телесериалов с годичными кольцами, а также размалеванных детективов-фантастивов, - из нормальной публики образуется единоликая толпа. Равно загипнотизированы молодые, дети рынка ослепленные, и хватившие всех радостей соц.-каппреображения.

Над поэзией всегда нависает лавина прозы житейской. Кто поможет "жрецам единого прекрасного" (Пушкин)? Конечно, прежде всех "гувернер общества", воспитатель художественного вкуса - литературно-художественная критика. Нельзя бесконечно твердить, что ее нет - не такая уж редкость рецензия на страницах местной журналистики. Однако критика зачастую выступает в своих затоптанных ипостасях: вместо защиты художественности, вечных законов прекрасного защищает "своих" и цепляется за любую возможность пощипать "чужих" (например, "национал-патриотов", посмевших беспокоиться о своем вымирающем народе) и поумничать, полюбоваться собою с пренебрежением к просто читателю. Автор стихов, который сам видит зерно своих творений, в ужасе перед этою "суперстеною, воздвигнутою толпой и конверсионной критикой, вынужден прибегать к саморекламе: издать себя, затем навязаться на самоинтервью".

Автор книжки "Свиток одиночества" (Иркутск, "Символ", 1992) Александр Сокольников одаривает читателей вызывающе странными строками, ритмичными, но без обычного благозвучия куплетов, даже без знаков препинания.

Я выучу
птичий язык
чтобы первым услышать
как деревья
поднимают зеленый бунт...

Что, это и есть стихотворение?

А что, в самом деле?

Пусть не покажутся неуместными высокие примеры, когда следует думать о принципе поэтического мировидения, когда важны предощущения, бессознательность самооткрытия, намек на голос, который, по признанию Н.Рубцова, не слышит никто.

Послушаем, к примеру, чем приметен май для Ф.Тютчева:

Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набресть на свежий дух синели
Или на светлую мечту...

Тютчева открыл Пушкин.

Великий поэт наш, кстати, сетовал на рифменные тиски, часто повеливающие стихом, строкою, мыслью.

Проживи Пушкин еще два десятилетия - он бы, смеем полагать, с восторгом встретил свободный стих (верлибр) великого американца-всечеловека Уолта Уитмена - "Листья травы", 1855. Поэзия шагнула просто в Природу, Вселенную, в таинственный Космос как живой организм, частью которого и является человек. Это было возвращением к безличностному мировосприятию древних язычников, божественных греков и славян.

"За широкими воротами мирной
риги деревенской
И туман, и ширь, и дальний,
уходящий горизонт".

Перевод Н.Чуковского

Обратим же внимание: "листья травы" - "зеленый бунт".

Два десятка лет назад вспомнились нам уитменовские строки, когда мы познкомились с первым верблибровым опытом А.Сокольникова, рекомендовали для публикации в газете "Иркутский университет".

Заспорили тогда. И сейчас.

А.Кобенков по справедливости узрел в книге Сокольникова немало проходных строк, реминисценций, красивостей, "игру с предметом" вместо "сути вещей" ("Запоздалый свиток одиночества". "СМ", 27 апр. 1993 г.).

Да, принцип чистоты, оригинальности стиховой речи всегда против повторностей, знакомых рефренов. Это вместе с тем и высота критического суждения обязывающая: ты на страже заветов поэзии и страны поэта. Ее - то надо увидеть прежде всего: цельность авторской личности, его мировосприятия, истинность чувств, мыслей, отношение к принципу народности, нравственного идеала, владение строкою, жанром - это кроме своей темы. Искусство как искусство - это содержательная форма (проявление идеальности), требующая дара переимчивости, неподдельности.

Свободный стих ревнив к стилизации, овладению формальным ладом. Без того не смей прикасаться к священному древу "листьев травы". Нужны особая высота духа, всечеловечности, эмоций, интуиции, предсказательности, свои тропы на пробитой тропе.

Вчера мой глаз
ночевал на сухой травинке
как капля росы.
Так солнце засыпает
в осколке бутылочного стекла.
Внезпано проснувшись
увидел я
как утро несло
охапки желтеющих фонарей
как когда-то нашим дыханьем
согретые
охапки первоцветных
одуванчиков.

"Свиток одиночества".

Назовем это эскизом земной запредельности, медиативной лирикой с покорным автору стиховым, образным строем.

А.Сокольников исполнен своего благоговения перед небесной красою бытия, жизни с ее величием и хрупкостью, неуловимостью, мимолетностью и вечностью, - пусть же все станут поэтами по взаиморазумению Красоты как единого начала в Мироздании. Авторская цельность неотделима от удивления как матери искусства, истории, философии, как полагали греки-язычники. Любовь, женщина-диво, судьба богинь земных, сила признательного мужского чувства,

одухотворенность естественного человека как мотив объединяются в "Свитке одиночества" с тоскою по возрождению России, народным (коллективистским) нравственным идеалом".

Одним словом, А.Сокольников может иметь место.

Есть новизна для читателя при "самоинтервью".

Кто еще у нас может с такой весенней свежестью раздумывать об осени?

Прочтите: "В своей душе собираю осенние листья", "Я благодарен осени за то...", "Осень - цапля желтая", "Срываю дни с осеннего календаря" - природа мудра, всегда обновляюща, взывает к душевности.

Покойный омский поэт А.Кутилов, по рождению иркутянин, в сборнике "Провинциальная пристань" (Омск, 1990) так определяет свое кредо, поучительное для поэтов и критиков:

Поэзия - не поза и не роль.
Коль жизнь под солнцем -
вечное сраженье, -
стихи мои - реакция на боль,
моя самозащита и отмщенье.

КНИГА О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

("Россия древняя и вечная")

"Не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам" (Николай Гоголь)

Таков эпиграф к первому разделу книги о русской культуре, составленной писателем Анатолием Байбородиным. В книгу "Россия древняя и вечная" вошли разножанровые произведения: статьи, очерки, рассказы, стихи, сказки, былины, предания. Цель книги - показать духовные богатства русской культуры и сказать слово в ее защиту.

О высоте христианских воззрений говорят К.Аксаков, О.П.Флоренский, И.Концевич, В.Распутин; богатства русского народного языка ярко представлены в стихах С.Есенина, Н.Клюева, Н.Тряпкина, М.Трофимова, О.Фокиной, С.Куняева, в поморских сказках С.Писахова, Б.Шергина, сказах Забайкалья, из сборника В.Зиновьева, в частушках, собранных писателем А.Зверевым.

"Календарь семейских Забайкалья" Ф.Болонева откроет читателю мудрость наших предков, умевших предсказать погоду и урожай, украшавших будни и праздники поэтическими обрядами. "Как отзвуки веков давно минувших" вошли в книгу веселые и грустные старинные обряды, живо описанные писателем-этнографом М.Мельниковым: гулянье на Масленицу и в ночь на Ивана Купалу, а так же ритуал оплакивания умерших.

С любовью к искусству замечательных мастеров по дереву и чугунному литью рассказывает в разделе "Когда цветут резные кружева" Л.Ладик, А.Родионов, В.Нефедьев. Здесь предпринято своеобразное путешествие по заповедным уголкам сибирских городов.

О русскости мировоззрения нашего соотечественника, составной частью которой является любовное знание народной культуры, - знания, гаснущего в новых русских поколениях, - размышления в статьях и очерках Л.Леонова, Ю.Селезнева, А.Байбородина. Завершает сборник пророческое "Заклинание о Русской Земле" М.Волошина - стихотворение, пришедшее к нам из далеких и бурных 20-х несколько лет назад.

Книга прекрасно оформлена художником Федором Ясниковым, украшена цветными слайдами известного в России фотомастера Бориса Дмитриева, на которых даны поэтические изображения старинных руских икон, церквей, памятников деревянного и каменного зодчества, народных празднеств, а также лирические виды русской природы.

Книга "Россия древняя и вечная" будет интересна самому широкому кругу читателей, и особенно полезна молодежи - студентам, старшеклассникам, учащимся гимназий и лицеев.

"Россия древняя и вечная" - прекрасный подарок к любому случаю и торжеству. Купить книгу можно и непосредственно в магазине Восточно-Сибирского книжного издательства

по улице Марата,31. (Заказы на оптовые поставки по тел. 24-60-60).

Всякий, кто неравнодушен к русской национальной культуре, много полезного приобретет, познакомившись с этой книгой.

Валентина Семенова,
редактор
Восточно-Сибирского книжного
издательства.

Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с читателем.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции:
666400 г.Иркутск, ул.Степана Разина,40
Союз писателей
тел.24-56-76.

Отпечатано в типографии ВС АГП
664026, г. Иркутск, ул. Декабрьских событий, 3

Вышел из печати первый выпуск иллюстрированного приложения к журналу "Сибирь" "Иркутская старина".

Иногородним высылается по почте. Предварительная оплата 1000 рублей, включая пересылку.

Наш р/с 000700532 в Русско-Азиатском банке

г.Иркутска МФО 125004.

Журнал "Сибирь".

664000 Иркутск, ул.Степана Разина 40.

Журнал издается при содействии Фонда развития культуры и искусства при комитете по культуре Иркутской областной администрации.

5 руб.

В издательстве журнала "Сибирь"
в 1994 году выходят в свет:

Иллюстрированное приложение "Иркутская старина"
Православные праздники
Русские застольные песни. Выпуск 1-2
Стихи Н.Сидоровой, Т.Ясниковой
Озорные частушки